

ОПАЛЁННЫЙ

XENÇOKOU

Annotation

Жизнь молодого Ивана идеальна — верные друзья, любимая девушка, успехи в спорте, магии и учёбе. Никто не догадывается, что Ваня помнит свою прошлую жизнь в столь схожем параллельном мире. Но полны ли его воспоминания на самом деле?

Пазл из странных кошмаров, чемпионата боевых искусств, приезда сестры и призыва фамильяра вот-вот сложится в общую картину, открывая юноше тайны его загробной жизни и загадочного перерождения.

Закулисные игры дворянства Великой Державы, способные изменить судьбу всей Земли, ожидают последнюю фигуру на доске — опаленную Адом душу.

Молодой мужчина сидел на троне и наблюдал за ходом сражения под стенами его величественной крепости. В его бокале переливалась и искрилась кровь, вторя молниям в небе. Самого мужчину, прекрасного брюнета со слегка красноватой кожей, прикрытой чёрным костюмом, каждый мог спутать с пусть и богатым, но всё же человеком. Лишь одно выдавало его истинную природу — торчащие изо лба козлиные рога.

Потягивая содержимое бокала, демон бесстрастно взирал на то, как проигрывают битву его легионы. Хотя какие легионы! Все силы Ада давно были разбиты в боях за верхние из кругов. Астарот — а именно так звали этого демона — недовольно хмыкнул. Скоро ему вновь придется бежать, оставляя выдавшие зоны стены крепости толпам нападающих. И он бы смирился, проиграй его подчинённые Небесному Воинству. Но проигрывать восставшим душам грешников... Этого демонический князь потерпеть не мог.

Бокал треснул в его руке, осыпаясь осколками на раскаленный камень. Содержимое, едва коснувшись пола, тут же испарилось, оставив после себя крохотные запёкшиеся пятнышки.

За напоминающими каменные плиты дверьми послышался приглушенный цокот копыт. К Астароту подлетел крошечный, напоминающий летучую мышь чертёнок и доложил:

— Мой лорд! Командир Верен идёт!

— Впустите его, — небрежно махнул князь Ада одними только пальцами.

Весящие на вид не одну тонну двери легко отворились, давая проход в зал под открытым небом куда менее похожему на человека демону. Перепончатые крылья за спиной, мощные копыта и похожие на корону рога тельца. Отступав несколько шагов, он преклонил колено перед своим повелителем.

— Мой лорд. Сражение проиграно. Мы не в силах сдержать напор врага, — голос генерала соответствовал его звериному лику.

— Я это уже заметил, генерал. Похоже, что нам вновь придётся отступить, — хоть голос Астарота и звучал с нотками скучающий ленцы, обезьянья морда Верена оскалилась, выставляя напоказ острые как бритва клыки. Генерал отлично знал, что произошло с теми, кто отдал прошлый Круг Ада восставшим душам. Каждый демон мог увидеть распятых головой вниз несчастных. Проигравших в назидание другим расположили на пути во дворец, что стоял посреди ледяного озера Коцит. Ад безжалостное место для любого провинившегося, а не только для грешников — именно это Владыка Люцифер пытался донести до своих подданных. Независимо от ранга — на перевёрнутых крестах висели и самые никчемные бесы, и высшие из демонов, не исключая даже одного из Князей.

— Вы боитесь, Верен. Но зря. План приведён в исполнение, и Владыка наградит нас, как только мы предстанем перед ним с отчётом, — уста Астарота слегка, словно нехотя, скривились в ухмылке.

— Мой лорд, не будет ли проблем? — заострённый хвост генерала вытянулся в струну. Ему хотелось верить, что его повелитель прав. К сожалению Высшего Совета Ада, лишь немногие планы претворялись в жизнь. Слишком быстро наступали восставшие души, слишком воины Ада отвыкли от битв.

Рокот тяжёлого вздоха Верена был подобен далёкому грому. Он боялся того, что замысел Астарота провалится — не так просто обратить целую планету в пригодный для демонов мир. К его счастью, последние двести лет доказывали, чтобы план Князя Ада пусть и сложен, но далеко не невозможен. И шанс перемены гнева Владыки на милость подогревал веру генерала в лучшее будущее. Как для него самого, так и для всего Ада.

— Проблемы нам не грозят. Пока Восставший покинул ряды этих мятежных грешников, нам нужно действовать. Успеть до его возвращения.

Лица демонов исказились при упоминании Восставшего. Если бы не он, в Преисподней всё шло бы своим чередом. Имя нечестивца, что первым поднял руку на своего палача, нещадно вымарали из истории Ада летописцы. Все знали его как Восставшего, однако и это прозвище внушало страх и отвращение. Верен знал, что его повелитель прав — лишь только их архивраг вернётся, шансов у демонов не останется. Оставалось пожелать Восставшему долгой новой жизни.

Глава 1

Вынырнув из кошмара, я едва не вскочил с постели. Сердце бешено колотилось, на ладонях проступили отчетливо видимые капельки пота. Всего меня трясло. Усевшись и взъерошив волосы, чтобы быстрее отойти, бросил взгляд на закрытое окно. В комнате стояла влажная духота. Поднявшись со скрипнувшей кровати, я распахнул на полную форточку. Сразу же потянуло прохладным весенним воздухом, пропитанным запахом сосновой хвои и движимой воды. Где-то далеко на западе прогремел гром.

От видов Дорогобужской природы мозг и тело быстро успокоились, поняв, что все те испытанные ими ужасы всего лишь плохой сон. А ведь говорила мне мать: «Не гоняй чертей до ночи, или они ночью будут гонять тебя». С укором, тыча пальцем в лицо и не гнушаясь отвечать подзатыльниками, если я всё же засиживался за компьютером допоздна. Впрочем, всё это в прошлом. Теперь моя мать не станет выговаривать мне, даже если решу куролесить всю ночь напролёт.

Нет, я вовсе не превратился в домашнего тирана, кулаками ставящего на место свою родню. И не стал окончательным разочарованием, с которым и говорить — лишь воздух сотрясать. Всё гораздо сложнее. Моя мать теперь совершенно другой человек. Как и я сам. Не буду тянуть и усложнять, скажу прямо — мне пришлось на личном опыте убедиться, что перерождения существуют. Пусть и не совсем в том виде, что я предполагал в своей прошлой жизни.

Слегка подмёрзнув от сквозняка, отошёл к шкафу, туда, где рассветная весенняя прохлада не могла до меня дотянуться. Довольно улыбнулся своему отражению. Голубоглазый блондин, едва помещавшийся в ростовое зеркало, ответил мне взаимностью.

Даже спустя целых восемнадцать лет жизни в новом мире тяжело воспринимать это тело своим. Каждый раз ожидаю вновь увидеть пухлого розовощёкого мужичка за тридцать, с его первыми залысинами и взращённым ещё в начальных классах брюшком. Прошлая жизнь теперь кажется таким же нереальным кошмаром, как и разбудившие меня горящие пустоши, полные рогатых тварей. Как хорошо, что теперь я живу так, как всегда хотел.

Не удержавшись от соблазна покрасоваться перед зеркалом, поиграл мускулами. Определённо, с этого тела можно лепить статуи, хоть я далеко ещё не железный Арни. Но вполне имею шансы когда-то им стать, пусть оно мне и без надобности. Словно меня при втором рождении благословили ацтекские боги фитнеса.

В приподнятом настроении я завалился обратно на мягкий матрас, накрыв ноги тёплым верблюжьим одеялом. Дотянувшись до телефона, посмотрел время. Четыре часа девятнадцать минут. Вставать ещё не скоро, а спать совершенно не хочется. Чёртов кошмар! Видимо, недостаток плохих событий в реальности компенсировался ужасами в царстве Морфея. С самого детства, сколько помню новую жизнь, меня посещали эти кошмары. И что странно, это всегда в них были сюрреалистичные горящие пейзажи, полные жутких химер. И ни разу — события из прошлой жизни. Может, оно и к лучшему.

Полистав немного новостные сайты, вспомнил — сегодня Праздник Весны и Труда. А значит, и мой восемнадцатый день рождения. Как быстро летит время...

Почитав новости ещё немного, я отложил телефон. Одна политика. Я ещё в старом мире отчаялся понять все эти перипетии между странами, а в новом так и вовсе утратил всякую надежду разобраться в причудах власть имущих. Единственное, что меня волновало — так это то, что отца в любой момент могли отправить на очередную войну. Но никаких страшных событий не намечалось, и я пока мог быть спокоен.

Понемногу начало светать. Лежать совсем без дела смысла нет. Так что, сделав зарядку, я решил хотя бы попить чаю. Натянув спортивные носки, вышел из комнаты. Весь второй этаж спал сладким сном, слышалось ровное похрапывание младшего брата. Из сестринских спален не доносилось ни звука.

Зато послышался грохот посуды с кухни. Так-так, похоже, не мне одному сон не идёт. Или же отец вернулся с ночного дежурства. Слегка пригибаясь — всё боюсь расшибить лоб, пока спускаюсь по крутой лестнице — вошёл на кухню. И правда, отец. Уже поставил чайник, но всё ещё не переоделся.

— Доброе утро! — помахал я ему, расплываясь в улыбке.

— Ваня! Ёб твою, напугал как... Хух, блять... С этим самым тебя, с днём рождения! — последовали крепкие объятия, едва ли не до хруста костей. И тут же прекратились — отец излишней нежности не любит.

— Спасибо! Как ночь прошла? — спросил я, усаживаясь за стол и поглядывая на чайник. Тот словно специально принялся подпрыгивать и звенеть. Отец тут же выключил газ, и свистящая трель прервалась, едва начавшись.

— Всё спокойно. Чаю?

— Да, пожалуйста, — кивнув, я принял из отцовских рук полную кипятка кружку.

— Хотя вру. Не совсем спокойно. Дворяне эти, сучьи дети, в рот их ебать, всю ночь туда-сюда, сюда-туда. И всё мимо казарм! — грозно потряс отец пальцем, решив вместо своего обыкновенного «всё спокойно» всё-таки

поделиться наболевшим.

— И чего они, прямо всю ночь вокруг части круга наматывали? — поинтересовался я, отпив едва остывший чай. Раньше обжигался, а теперь как-то привык.

— А что я, пиздеть тебе буду? Так вот, пидорасы эти значит катаются, и нихуя им не сделаешь. Вышел я с парой бойцов, торможу. А у этих щеглов удостоверение, что они на хую меня вертели и солдатиков в рот ебали. Не могут уснуть — их проблемы. Суки, натурально суки же, — недовольно покряхтев, отец обмакнул в кипяток печенюшку и незамедлительно отправил в рот.

Люблю я его истории. Пусть он и матерится как сапожник. Хотя вернее будет сказать, он просто разговаривает матом. Но порой так завернёт — заслушаешься. Да и на оба мира это единственный мой отец. В прошлой жизни не было никакого, а в этой — всем батям батя.

— Пришлось терпеть получается... Чего они там вообще забыли? — дворянам у воинской части делать ничего. Разве что они сами военные, но это явно не тот случай.

— Гонки они устроили. У них же, блять, через одного что не Шумахер, то Айртон Сенна. Разъебутся же когда-нибудь, тьфу-тьфу. Так хоть пусть где-то далеко, — в перерывах между предложениями во рту одна за другой исчезали круглые печенки. Когда только прожевать успеваешь? Я всё сидел, развесив уши: — Представляешь ведь, если какой-нибудь пидорас убьётся, их папашка дежурному, то есть мне, мозги-то все выебет. «Почему не остановил, почему не доложил, в жопу почему не расцеловал»...

— Да, проблем не оберешься. Ну хоть на машины этих богатеньких сынков поглядел, — подколот я отца. Он-то в автомобиле влюблён до помешательства. Помню, покупал мне в детстве коллекционные модельки, а сам ставил их на полку под стеклом. Будь я и правда дитём — непременно бы обиделся. Но так уж вышло, что я в душе взрослый человек. Отлично понимаю, что хобби у каждого своё, и препятствовать увлечениям не стоит. Даже если они совсем детские.

— Посмотрел. Там, блять, наверное одна фара как вся моя зарплата, хех. Они даже не понимают, что считай на слитке золота разъезжают. Да и водят как... Надеюсь, ты таким мудаком не будешь, — вдруг отец посмотрел на меня так серьёзно, что даже стало неуютно. Я-то конечно уже сдал на права, но автомобиль в семье только у отца.

Послышался скрип кровати. В соседней комнате от нашего разговора проснулась мать. Оба мы притихли, готовясь получить нагоняй за прерванный сон.

— Ох, сынок, это ты? Я-то уж думала твой отец опять кого-то притащил, — в дверях показалась женщина — полная противоположность отцу. Если тот был крепким мужиком чуть ниже среднего роста, то мать была высокой и худощавой. Единственным их общими чертами были светлые волосы, голубые глаза и возраст — слегка за сорок. Даже характеры были словно лёд и пламя. Как они друг с другом уживались до появления детей — загадка.

— Да, мам. Это я. Папа тоже тут, — подмигнул я даже переставшему хрустеть печенками и прихлёбывать чаем отцу. Он бы с радостью посидел и послушал ещё немного о том, какой нехороший. Но я предпочел отказать ему в этом удовольствии. Не хватало мне ещё в собственный день рождения выслушивать всё это.

— Вот и хорошо. Налейте мне чаю, — льдинки в глазах матери тут растаяли. Она пошла обратно в спальню, чтобы переодеться, но отец попытался остановить её.

— Кхм-кхм! Солнце моё, ничего не забыла?

— Сейчас приду! — и скрылась из вида.

— Вот я помню, как восемнадцать лет назад, блять, чуть в обморок не падал, а ей поебать. Будто не она рожала, а я! — загоготал отец, наливая чай в третью кружку.

Не соскучишься с новой семьей. Это ещё мои младшие не поднялись. С ними совсем караул. Люблю их всех. Куда больше, чем старую семью. Состоявшую к тому же только из матери-одиночки да меня самого. Казалось бы, надо держаться друг за друга, раз мы вдвоём. Но нет — наши отношения балансировали на грани терпения и ненависти. Кто-то может спросить: «Как вообще можно ненавидеть свою мать?» А я отвечу — легко. Достаточно ей вымещать на ребёнке свои злобу и разочарования, и они точно возненавидят в ответ. Как же я рад, что теперь от этого избавлен.

Новая мать вспомнила, что меня можно поздравить, только когда младшие уже встали. И то лишь потому, что семилетняя Ульянка спускалась по лестнице вприпрыжку да напевала:

— Торт-торт-торт, мы будем кушать торт! Подарки открывать, компотик наливать!

Завидев меня, сестрёнка кинулась обниматься. Я с радостью взял её на руки и чуть ли не усадил на плечо.

— С днём рождения! — короткий чмок в щеку: — А ты ещё вырос! Лучше бы мне рост оставил, а тебе и так хватит.

Я только рассмеялся. Права эта синеокая девчущка. Ещё чуть-чуть и пересеку отметку в два метра.

— С радостью. Забирай весь мой рост за будущий год. А то я скоро себе по размеру купить ничего не смогу.

Ульянка сжала губы. Всем видом она старалась показать, будто всерьёз обдумывает моё предложение. Выставив наконец ладонь вперед, она ответила:

— Нет уж. А то меня ещё дылдой обзывать начнут.

— Невелика беда. Это они от зависти, — я поставил сестру на пол. И так ей не грозит быть низкой — вся в мать. Вот, кстати, и она.

— Прости, сынок. Совсем я позабыла, дура старая, — очередные объятия. Надо бы её успокоить. Не то будет весь день переживать.

— Ничего страшного. Забегалась, заработалась — весь дом на тебе одной и держится. Немудрено, можно и имя своё забыть, — легонько похлопал её по спине. Вроде теперь не должна не забивать голову такими мелочами.

— С днём рождения тебя, — уткнулась мать в плечо. Из-за спины послышался голос брата:

— С вылуплением!

— Спасибо! — покивал я Павлу в ответ. С ним можно не обниматься. Он в этом плане как отец. В остальном — уменьшенная копия меня самого. Только умнее, при том что на год младше. Шутка ли — я уже второй раз школу заканчиваю, имею за плечами высшее образование с учёной степенью. А он всё равно быстрее меня всё схватывает. Вот только сложением не вышел, и то хорошо. Не то бы меня и в новом теле замучили комплексы.

Последней показалась старшая из сестер. Отчаянно борясь с зевотой, она безуспешно пыталась расчесать всклокоченные волосы. Опять из душа сразу спать пошла, минуя фен. Заболеет ведь, бестолочь.

— Доброе утро, — тут зевота взяла верх над Леной. Помотала головой, силясь разлепить глаза. Ничего этим не добилась и пошла умываться.

— Ленка-Ленка, а ты ничего не забыла сказать Ване? — младшенькая подскочила к ней, повиснув на шее. Благо Лена такая же здоровячка, как и я. Ниже почти на две головы, но всё же здоровячка. Иных слов не подобрать.

— Что?.. — проснись уже, пожалуйста. Хватит зевать. Челюсть вывернешь ведь: — А, да... с этим, чем-то-там-летием.

— Хех, спасибо и на этом.

Когда наконец все собрались за столом на позавтракали, отец внёс торт. Глаза обеих сестер заблестели — девчонки есть девчонки. Хотя я тоже нос не ворочу, а еле сдерживаюсь, чтоб не задуть свечи поскорее. Родня с улыбками на лицах похлопала — мне удалось погасить все восемнадцать огоньков одним махом.

Полакомившись шедевром кондитерского искусства, все откинулись на спинки своих стульев. Для завтрака всё-таки еды было многовато. Или просто я пожадничал, запихивая в себя второй кусок домашнего песочного торта. В любом случае всем пришлось отдышаться и подождать, пока съеденное не уляжется. Отец что-то там рассказывал про родню, которая скоро приедет, но я особо не вникал. И только потом, с некоторой неохотой мы встали из-за стола. Время открывать подарки!

Ульянка отошла от переедания раньше всех и уже скакала рядом. Возможность выцепить ещё немножко сладостей была для неё достойным поводом нервировать мать. Та призывала вести себя спокойно и грозилась заворотом кишок от излишних телодвижений. Я поддержал её:

— Уля, спокойней! Больших мальчиков сладостями не балуют, — и почему первой разочарованно вздохнула Лена, а не младшенькая? Ведь следящая за фигурой спортсменка и давно не первоклассница.

Под первой обёрткой скрывались подаренные Леной новенькие перчатки без пальцев для занятий карате — сапоты. Вовремя, старые совсем произносились и держатся на честном слове.

Во второй пряталось ещё кое-что для занятий. Белоснежная тренировочная форма — каратэги. Да, именно так и никак иначе. За попытку назвать форму «кимоно» меня давным-давно шлёпнули по губам старшие товарищи. Хотя занимались мы не карате, а сёрин-рю. Это никого не смущало. Каратэги порадовали вышитой на левой стороне груди эмблемой нашего направления. На спине напечатана фамилия: «Ронин». Не удивляйтесь, такая фамилия есть и наша семья не единственная, кто её носит.

— Паша, правда, не стоило, — фамилия на спине меня сильно смущала. Как-никак такое нужно заслужить. А я не люблю хвастаться, ещё с прошлой своей жизни.

— Да ты не стесняйся. Надо же всем как-то показать, что ты у нас серебряный чемпион...

— Призёр на втором месте, — попытался перебить брата, но тот продолжил:

— Это неважно! Ты второй на всю страну, так что гордись этим!

— Ладно, убедил. Спасибо тебе большое, — брат занимался в том же додзё — тренировочном зале — что и я, но успехи показывал самые скромные. И оттого гордился своим братом, едва не поднявшимся на вершину пьедестала.

От Ульянки получил — кто бы мог подумать — коробку конфет. Смирившись с тем, что я перехвачу всего одну-две, поблагодарил ещё раз всю семью за оказанное внимание. Однако это было ещё не всё.

Отец поманил меня на выход. Чувствуя в груди легкий трепет, я пошёл за ним, через коридор и сени. Младшие засеменяли следом, боясь пропустить кульминацию торжества. Матери, что интересно, видно не было. Оно и неудивительно — она уже ждала меня на улице. А рядом с ней...

— Ого... Ого-го! — не находил я слов. Настолько меня поразило увиденное. Проморгался. Ничего не

изменилось. Но я всё ещё не верю своим глазам. Ущипните меня, кто-нибудь!

Отец хлопнул ладонью по крыше тёмно-лилового автомобиля. Спортивного на вид. Я не особо разбираюсь, но спойлер сзади выдавал природу красавца.

— Фольксваген «Коррадо»! Три литра и сто девяносто лошадок под капотом, — довольный моей реакцией отец выудил из кармана ключи и протянул мне. Всё ещё шокированный приятной неожиданностью, я подставил руку. Со звоном пара ключей на фирменном брелоке упала мне на ладонь.

— С совершеннолетием тебя, Ванюша! — весело рассмеявшись, он похлопал меня по плечу: — Ну что, может прокатишь старика?

— Андрей! — возмущилась моя мать ехидному подмигиванию отца.

— Танюш! Мы ж сейчас по рюмашке хлопнем и всё, не покатаемся, — при младших папа сдерживался, не превращая речь в матерную чехарду. Что не так просто, скажу я вам!

— Мам, мы по-быстрому. Кружок по району — и тут же вернёмся, — мать лишь покачала головой да повздыхала. Что с нас, мальчишек, взять.

— Только быстро. А не то мороженое растает!

— Ура! Мороженое! — подскочила сладкоежка Ульянка.

— Не успеет, обещаю, — открыв дверь, я уселся на водительское кресло. Какое великолепное, щекочущее в груди чувство, когда я кладу руки на руль. А этот салон... м-м-м, конфетка!

Отец сел рядом и сразу перешёл на привычный для себя и меня говор:

— Хули сидишь, заводи давай!

Приятное рычание донеслось из-под капота. Пристегнувшись и помигав поворотником, как учили, я тронул автомобиль с места. Тот с удовольствием стал набирать скорость. И в повороты входил плавно. По такой ровной дороге на автомобиле ездить одно удовольствие. Кажется, я понимаю отца. И матери придётся немножко подождать. Хотя бы минут двадцать. Так просто эта машина меня не отпустит. Так быстро я не покину этих ровных дорог Российской Империи.

День рождения моей мечты пролетел незаметно. Только две вещи расстраивали — засевший в памяти ночной кошмар да настойчивые звонки родни. А уж их-то было не счесть. Пока я был за рулём, за меня отдувался отец. Но потом пришлось сдерживать напор тётушек и дядюшек самому. Впрочем, грех жаловаться. С этой семьёй я готов стерпеть и не такое. Ну и ещё то, что девушка моя сегодня где-то в другом городе.

Заехав ненадолго домой, отправился к уже ждущим меня друзьям. В основном это были те ребята из школы, что ходили со мной в одно додзё. Немного, всего пять человек. Но зато мы стояли друг за друга горой. Было время, когда мы ещё чистили с ними наш район от всякой швали. Каждый из них тогда показал себя с лучшей стороны. И как только мы не угодили в полицию за те массовые драки? Все отлично знали, кто мы такие и где занимаемся. Но благодарные жители района держали рты на замках. Один наш тренер попытался поговорить с нами — древнее японское боевое искусство следует применять только для самообороны и никак иначе! Но Дмитрий Олегович и сам вскоре оценил наши усилия. В кои-то веки по улицам Дорогобужа можно было ходить без оглядки. И он нас простил. Хотя по-хорошему за драки нас должны были выгнать и из додзё, и из школы.

В общем, с каждым из товарищей меня связывала не просто дружба, а едва ли не братские узы. Похожий на бочонок с руками и ногами брюнет Анатолий. Долговязый блондин Сашка. Рыжий Мишка, что походил на котика каждым своим движением. Едва достающий мне до груди Андрей его брат-близнец Николай — оба шатены. Вот такая вот у меня вторая семья в прекрасном новом мире.

Долго с ними пробыть не удалось. Я похвастался новенькой «Коррадо», а друзья выпили за моё здоровье понемногу. Дав каждому посидеть немного за рулём, попрощался и поехал обратно домой. Завтра большой день, и лучше бы мне быть к нему готовым. Да и друзьям моим тоже, по правде говоря.

Второго мая в нашей школе проходят выпускные экзамены. От них зависит многое — буду я учиться бесплатно в университете или же нет. Обременять родителей не хотелось. Они и так сделали для меня больше, чем я мог от них ожидать. Так что мне следует показать лучший результат! Как всё-таки благотворно на меня влияет окружение. В прежней жизни заставить меня учиться смогла только боязнь никуда не поступить и отправиться в армию. Даже кандидатскую защитил — значит дураком только точно не был. Только ленился много.

В новой жизни армия оказалась исключительно контрактной. Потому бояться точно не стоило. Напротив, служба была отличным социальным лифтом. По рекомендации от офицеров после закрытия контракта даже возможно было попасть на службу к дворянским родам.

Дворянская служба. Наверное, самое большое отличие нового мира от старого. Не считая того, чтобы позволило дворянам существовать так долго. Волшебства.

Поднявшись свою комнату, я принялся перечитывать конспекты по истории. Забавно, что в новом мире она до мельчайших подробностей совпадала с уже привычной мне. Ровно до ключевой даты. Девятое сентября тысяча восемьсот пятьдесят шестого года. Именно тогда приоткрылась дверь, что впустила в этот мир чудеса. А вместе с ними сверхъестественные силы — ангелов и демонов. Так их называли в христианском мире. Насчёт других религий точно не скажу.

И что, думаете, все представления о мире перевернулись? Люди массово бросились в церкви, начали вести праведный образ жизни? Как бы не так! Не изменилось ровным счетом ничего. Совсем. Я даже ушам своим не поверил, когда впервые услышал об этом. Казалось бы, получен ответ на один из главных вопросов бытия — есть ли жизнь после смерти? Бытие ответило: «Определенно есть». И люди, удовлетворившись ответом, продолжили жить как прежде. Грабили, воровали, убивали. Вели войны. Только теперь ещё и при помощи волшебства. Нет, я всё-таки сгущаю краски. Вдобавок люди научились лечить такие вещи, с которыми наука моего родного мира справиться была не в состоянии. И это прекрасно!

Сам я тоже умею творить кое-какие фокусы. Свечки касанием пальца зажигать, как пример. И это уже считается неплохим достижением для полагающегося только на свои собственные способности простолюдина в моём возрасте. Настоящие же маги в основном занимали силу у гостей из Ада или Рая. И вот они могли творить куда более интересные штуки. Скорее бы получить в услужение своего собственного фамильяра! Буду первым в семье, между прочим. Отцу и матери со способностями совсем не повезло. А кроме меня предрасположенностью к магии обладала только Ленка.

Прозанимавшись до самого вечера, я упал в кровать. Абсолютно готовый ко всему, что может мне попасться на завтрашнем экзамене.

Ночь пролетела как одно мгновение. Я проснулся от того, что мать трясла меня за плечо.

— Ваня, просыпайся! Опоздаешь ведь!

Поупиравшись немного, поднялся и привёл себя в порядок. На завтрак были заботливо подогретые остатки ужина. И торта! Что ж, неплохое начало дня. На экзаменах буду чуть менее грустным, чем полагается.

Появление на школьном дворе тёмно-лилового автомобиля вызвало некоторый ажиотаж. Что меня порадовало, само собой. Хотя у некоторых моих ровесников были машины сильно круче моей, но были ли они такими стильными? А назвать мой «Коррадо» нестильным язык не поворачивается.

Ещё одно радостное событие произошло в школьном холле. Наконец-то вернулась из недельного отъезда моя любимая Ася. Привезти дочку на день раньше для её вредного отца никак нельзя. Зараза такая, хоть мелочах, а хочет мне подгадить.

Ася без лишних слов кинулась мне на грудь, и совсем удовольствием я прижал её к себе. Может на лицо она и не первая красавица города, но вполне в моём вкусе. Кареглазая брюнетка с пышными формами. Настолько, что школьная блузка их едва удерживала. То же касалось и юбки. А уж ножки такие, даже без высоких каблуков... Кхм. Что-то я замечтался.

Вдыхая пропитавший волосы девушки запах цитрусового шампуня, обнял покрепче и поцеловал. Тут как тут нарисовался один из учителей.

— Кхм-кхм. Пройдите в свои аудитории, экзамены начнутся через десять минут, — я обернулся на голос. Кто же ещё, если не Маргарита Вячеславовна? Тощая химичка с щенячьими глазами, спрятавшимися за толстыми стеклами очков.

Покивав учительнице и дождавшись, пока она уйдет, мы оба рассмеялись.

— Обзавидовалась небось, — хихикнула Ася с озорными искорками в глазах.

— Может быть. Если слухи не врут, то и приревновать могла, — ответил я девушке. Слухи и правда ходили самые разные. Вот только я в них не особо верил. Чего только пустоголовые подростки не выдумывают, чтобы уязвить особо нелюбимого учителя.

— А тебе бы этого хотелось? — неожиданно серьёзное выражение на лице Аси. Только не говорите мне, что она обиделась на настолько безобидную шутку! Продолжил гнуть свою линию, чтобы знала.

— Что если да? — усмехнулся я, притягивая девушку к себе. Чтобы подчеркнуть всю несерьёзность разговора, разумеется. Ну и чуть-чуть из-за желания по-обниматься с ней ещё немного. В прошлой жизни у меня с противоположным полом было глухо. По нескольким причинам сразу, обсуждать которые не очень-то и хочется. Совершенно, если говорить прямо.

— Тогда у тебя тот ещё извращенный вкус, — засмеялась Ася. Похоже, это я один тут воспринимающий всё слишком серьёзно дурачок. Разыграть меня у неё вышло, не оставалось ничего, кроме как смеяться вместе с ней. Такие неловкие моменты сходят мне с рук лишь потому что моё новое тело обладало выдающейся красотой. Пузатому мужичку из прошлого мира такие проколы не давали никаких шансов. Не понимаю, когда кто-то шутит или хочет разыграть — и всё тут. Сменю-ка тему, пока девушка не заметила.

— Маргарита Вячеславовна права, нам следует поторопиться и занять места, — девушка мигом покраснела. Кое-кто занимался чем угодно, но только не подготовкой к экзамену. Пока шли с ней рука об руку, поинтересовался: — Не сильно волнуешься?

Помотала головой. Вижу же, что едва держишься. Как бы истерика нехватила посреди ответа. Надо бы успокоить. Как умею — вновь прижал к себе и поцеловал:

— Ты умница. Всё сдашь — махнём с тобой на озеро. Покатаю тебя на своём авто. Ну, взбодрись!

— Наверное, да. Сдам — и вместе отдохнём, — похоже, что-то её по прежнему тревожит. Я уже сделал всё, что мог. Вернее будет сказать — что успел. После её ответа мы разошлись по своим аудиториям. Конечно же, пожелали напоследок друг другу удачи.

Сами экзамены прошли довольно легко. Кроме того факта, что какой-то изверг утвердил сдачу всех предметов в один день. С одной стороны, на каждом из блоков экзамена было немного вопросов. Ответить на них не составляло большого труда, если учиться в течение всего года, а не просто посещать занятия. Таким образом наказывали верящих в то, что они способны осилить пяток выпускных предметов за одну ночь. Это правильно. Но с другой стороны, хочется забить гвоздь в голову тому самому извергу. Попробовал бы он сам ответить на двадцать вопросов по каждому из блоков. Математика, русский язык и литература, естественные науки, британский английский, история. С чем-то пришлось повозиться, а что-то не вызвало затруднений. Математику было бы стыдно завалить — всё-таки я был кандидатом технических наук в прошлой жизни. То же касалось естественно-научного блока вместе с английским — эти вещи не сильно изменились. А вот история и литература — это да... Знания из старого и нового миров перемешивались, и было очень сложно отделить их друг от друга. Интересно, чтобы сказали экзаменаторы, упомяни я про Советский Союз или Маяковского? Наверное, порадовались бы моей богатой фантазии.

Так уж вышло в новом мире, что революции в семнадцатом году не произошло. Ни Февральской, ни тем более Октябрьской. Так и осталась Российская Империя, держащаяся на плечах дворянства. Члены дворянских семей поголовно были магами. Или хотя бы состояли из носителей сверхъестественных способностей более чем наполовину. Это позволило относительно легко поддерживать порядок в стране малыми силами. И примерно так

же обстояли дела во всём мире. Для простого человека войти в дворянский род было пределом мечтаний. В основном же довольствовались службой на дворянские семьи.

Что ещё сильнее било по мозгам — в этом мире не было знакомых мне мировых войн. Ни Первой, ни Второй. Столько жизней пропало в огне этих жутких событий. Была радостно и вместе с тем грустно. Всё-таки подобные переживания у большинства жителей причастных к тем событиям стран, особенности входивших в состав красной империи, поселились так глубоко в сердце, что никакими перерождениями не вытравишь.

Люди не были бы людьми, если бы место мировых войн пустовало. Случилась одна, Великая Война. И по иронии судьбы началась она в Германской Империи, раскинувшейся от Далмации до Ютландии с юга на север и от Кёнигсберга до Люксембурга с востока на запад.

Причиной войны стали маги, даровавшие стране процветание и доминирующее положение в Европе. Немцы всегда умели приспособлять новые обстоятельства себе на пользу. И первыми достигли совершенства навыков именно германские маги. К несчастью, канцлер тех времен магом не был, и потому решил извести под корень всех носителей способностей, чувствуя в них угрозу самому себе. Внутренний конфликт охотно подогревали из-за рубежа. Как же, ведь это проблема только сильного соперника, а не глобальная. Им-то, находящимся по ту сторону границы, этот конфликт совершенно не угрожает. И стоило только испугавшимся преследований магам покинуть Германию, как пламя войны перекинулось на тех самых соседей. Большая ошибка со стороны канцлера допустить подобное! И в той кровопролитной в войне Германскую Империю разорвали на части. Неожиданному союзнику на Тихом Океане повезло больше — Японии успела отвоевать весь прибрежный Китай и немного российских земель. Из-за каких-то политических соображений завоеванные земли почти все остались у Империи Восходящего Солнца.

Чудны дела политики, приправленной сверхсилами! Хорошо что экзамен позади, и всё это можно позабыть. Но никак не выходит — многим знакомо это чувство. Пока сидишь и отвечаешь экзаменаторам, в голове шаром покати. Стоит лишь выйти, как тут же становишься средоточием мудрости мира. И непременно все эти давящие изнутри знания хочется излить. Что, похоже, и произошло.

Все эти исторические факты прокручивались в голове, пока я ехал в додзё. Выбраться на природу с Асей, как планировали, не удалось. К моему сожалению, отец забрал её сразу же после экзамена. Вот ведь вредный старый хрыч. Я-то рассчитывал на хорошее окончание дня. Неладное что-то происходит. Даже такое дерево как я в силах это понять.

Сегодня был свободный от тренировки день, но делать было решительно ничего. Школа уже позади. Напиваться желания нет. Готовиться к вступительным в университет — тем более. Остаётся третий дом, где меня ждут. Вторым домом я всё считал школу. Без спортивных достижений я мог бы обойтись, а вот без достойного образования — нет. Наш тренер — вернее будет назвать его сенсеем — нехотя поддерживал моё мнение. Спорт есть спорт, а жизнь есть жизнь.

Занятие сёрин-рю было в самом разгаре. Дмитрий Олегович демонстрировал технику сбива ударов, когда я показался в додзё. Без формы на татами выходить было бы невежливо, так что я просто стоял за дверью и смотрел. Сенсей понял это по-своему. Оставив учеников практиковать сбивы самостоятельно, он подошёл ко мне. Я поклонился ему. Он поклонился мне в ответ. Вежливость и уважение — одни из главных столпов японской культуры. И боевые искусства, квинтэссенция жизни японцев этого мира, были насквозь пропитаны этими столпами.

— Здравствуйте, Дмитрий Олегович! — японские традиции важны, но наши западные рукопожатия никто не отменял.

— Здравствуй, Ваня. Ты как раз вовремя. Наконец-то назвали дату проведения чемпионата. Отборочные на следующей неделе, не заболей там, — улыбчивый рослый мужик, по которому не скажешь, что он мастер древнего боевых искусств. С лёгким серебром в волосах. Всё же ему уже пятьдесят с копейками.

Новость меня обрадовала. Наконец-то смогу реабилитироваться за своё прошлогоднее поражение.

— Здорово. Я им задам жару!

— Умерь пыл. Ты ещё отборочные не прошёл, а уже грезишь о пьедестале, — с укором произнёс тренер.

— Дмитрий Олегович, разве я могу не поехать? — мы оба знаем, что в моём весе выступает не так много человек. А в нашем додзё за центнер и вовсе я один.

Сенсей покачал головой:

— В этот раз всё немного сложнее. В Смоленске пройдет не губернский этап, а финал. Поэтому отборочные пройдут в два этапа в один день.

— Но это же издевательство! Сколько ж это надо за день боёв провести?! — конечно, с моим новым телом у меня всё ещё немного соперников. Но я от сдачи на черный пояс чуть не взвыл. А это всего-то навсего десять боёв по одной минуте. Мне тогда хоть и было шестнадцать, но повторять подобные подвиги не хотелось даже на пике формы. Эх, тяжело же мне придётся...

— Так решили организаторы. Остаётся смириться с их решением, — тренер и сам был не в восторге от

формата отборочных в этом году. Но не бывает всё совсем плохо. В бочку дёгтя Дмитрий Олегович добавил ложку мёда: — По слухам, на финал приедут посмотреть члены царской семьи. Так что стать финалистом в твоих интересах.

Ободряюще хлопнув по плечу, сенсей вернулся к ученикам. Я же остался наедине со своими мыслями. Похоже, что сама судьба дает мне шанс подняться выше по ранговой лестнице. Служба у дворян безусловно хорошая вещь. Но попасть под крыло кого-то из Романовых... Если предложат, непременно соглашусь. Будет в жизни какая-то определенность вместо размытых планов. Сейчас же я скорее как корабль без порта назначения. Когда не знаешь, куда плыть, ни один ветер тебе не поможет.

Хорошо, что я в детстве был полон решимости прожить новую жизнь так, чтобы было не стыдно за себя. И сделал к исполнению задуманного важнейший шаг. Пошёл в додзё и не бросил занятия. Хотя был слабым, болезненным ребёнком. Видимо, силы воли хватило, чтобы достигнуть успехов. И память прошлой жизни тоже помогла. Всего можно добиться, если приложить достаточно усилий. Жаль, что в старом мире до меня это элементарная идея дошла слишком поздно.

Радовало и то, что я выбрал именно сёрин-рю. Каратэ «школа Шаолинь», говоря по-русски. Древнее боевое искусство, помимо всего прочего, приобщило меня к японской культуре. До того я знал её только по манге и аниме, что не так уж и много. Времени на них потратил в прошлой жизни караул, но нисколько не жалею. Наверняка лишь из-за тех часов за компьютером мой выбор пал на этот стиль каратэ. А не на фехтование или что-то ещё.

Вот так простой выбор в детстве открывает путь во взрослую жизнь. Сытую, прошу заметить! Но хватит ли мне сил на то, чтобы пройти по этому пути? На этот вопрос ответит только время. И в моих силах, чтобы оно дало утвердительный ответ.

А пока я смотрю, как подрастающее поколение делает свои первые шаги. Как когда-то и я сам. Какие славные воспоминания...

Вечер графа Воробьёва

Воробьёв, по своему обыкновению, сидел у себя в кабинете и чаёвничал. В этот вечер компанию ему составлял Ушаков — распорядитель скорых соревнований в Смоленском зале боевых искусств. Зал этот ещё называли «Смоленский Будокан».

И хотя с окна веяло прохладой Днепра, в кабинете была жаркая обстановка. Ушаков, казалось, выплёвывал слова, словно попавшие с горстью изюма в рот виноградные косточки:

— Это просто уму непостижимо! Кто, вот кто, скажите мне на милость, придумал проводить городские и губернские отборочные подряд в один день? Это возмутительно! — басил Андрей Витальевич, размахивая руками и рискуя пролить чай на дубовый паркет. Кудрявая чёлка, словно чернильная клякса, то и дело спадала ему на глаза. Стараясь сдуть её на положенное место, Ушаков раздражался всё сильнее из-за тщетности своих усилий: — Пётр Павлович, ну умоляю, согласитесь со мной! Не то я решу, что один здесь безумец, которому подобное не по нраву.

Воробьёв сделал ещё один глоток, отставив в сторону мизинец. Несмотря на жеманное поведение своего владельца, палец был грубым, с набитыми об макивару мозолями. Граф был заядлым фанатом межстилевых чемпионатов по каратэ с самого детства. Настолько, что раз даже сам принял участие. Теперь ему приходилось помогать организовывать соревнования. Что оказалось куда менее интересно. Отставив чашечку на блюдце, Воробьёв поправил свою светлую шевелюру и посмотрел в окно на кресты Успенского собора, горевшие в закатном огне. Подбирая слова, граф ответил гостю:

— Видите ли, Андрей Витальевич, решение это приняли в головном офисе. Под давлением вы знаете кого, — прищур стального цвета глаз не давал усомниться в смысле слов Воробьёва.

— Получается, кому-то из Романовых нужны молодые ребята, да ещё и выдерживающие такие нагрузки? — округлились изумрудные глаза распорядителя соревнований.

— Получается. И не только им. Будут ещё гости из Японии. Придётся нам брать остатки улова. Или пропускать целый год, — граф коротко вздохнул. Каждый год происходило одно и то же. Проводятся соревнования. Среди лучших дворяне выбирают одарённых магией и зовут к себе на службу. Конкуренция жесточайшая, но упускать потенциальных гениев никто не хочет. Вопрос не столько силы, сколько престижа. Безусловно, хорошо иметь на службе тех, кто одним махом может превратить танк в груды горящего железа. Но войн в последние годы всё меньше.

— Жаль, что я уже староват для таких вещей, Пётр Павлович, — усмехнулся Ушаков. Граф шутку понял и сдержанно улыбнулся. Андрея Витальевича взял на службу к Воробьёвым ещё отец графа почти двадцать лет назад. Когда год назад Пётр Павлович принял наследство своего безвременно ушедшего отца, пришлось наскоро вникать в организацию чемпионатов, проводимых в «Смоленск Будокан». Изюм всех ответственных граф в силу своих предпочтений сошёлся именно с Ушаковым. Тем более тот оказался близок дворянину по духу. К сожалению Воробьёва, из-за разницы в положении им обоим приходилось держать дистанцию. Сказывалось это и в общении тет-а-тет.

— Неужто задумал покинуть нас, Андрей Витальевич?

— Как можно, Пётр Павлович? Кусать руку, что кормит! Таких дураков нужно поискать! — граф рассмеялся, но на этот раз не весёлым смехом. Предстояло обсудить очень серьёзный вопрос.

— Некоторые с вами не согласятся. И могут попытаться укунить наших почётных гостей. До, во время или после соревнований.

Ушаков нахмурился, подобравшись в кресле. Опасения графа были небеспричинны, но всё-таки безопасность членов царской семьи — работа их телохранителей. Зачем это обсуждать с ним, а не с управляющим «Смоленск Будокан», было не очень ясно.

— Пётр Павлович, это мне понятно. Но причём здесь я?

— Притом, Андрей Витальевич, что я вам доверяю. Господин Павлов вызывает в последнее время подозрения. Буду вам очень признателен, если вы согласитесь за ним понаблюдать, — Ушакову слова графа не понравились. Управляющего залом боевых искусств он знал большую часть своей жизни. Распорядитель мог бы даже поручиться за него, как за самого себя. И когда уже собирался было возмутиться, осёкся. Пётр Павлович точно не стал бы наводить напраслину на своего подчинённого. Значит, причина была, и очень веская.

— Я вас понял, — кивнул он графу. Тот ответил:

— Раз понял — приступай.

Ушаков отставил опустевшую чашку, оправил костюм и вышел, чеканя шаг. Напоследок обернулся и поклонился.

— До свидания, Пётр Павлович.

— До свидания, Андрей Витальевич, — распорядитель скрылся за дверью в ту же секунду. Воробьёв знал, что его подчиненный так спешил вовсе не потому, что ему не терпелось угодить своему господину. Ушаков был не такого сорта человек. Скорее ему неприятно было выполнять это поручение, и он пытался не выказать своего неудовольствия в присутствии графа. Пётр Павлович не мог его винить — Павлов был распорядителю близким другом. Тем важнее, чтобы именно он присматривал за творящим непонятные графу дела управляющим «Смоленск Будокан».

Спустя несколько минут Воробьёв допил чай и подошёл к высокому окну. Вид на Днепр и Успенский кафедральный собор был усладой для глаз. Последние лучи солнца играли в небе, окрашивая вату облаков в прекрасный не то оранжевый, не то розовый оттенок.

Словно проблем с чемпионатом было мало, так ещё скоро намечался призыв фамилъяров для магов-простолюдинов. Руки графа сами собой достали из-под рубашки крестик. Поцеловав крохотное распятие от избытка чувств, тут же спрятал его обратно под ткань.

Волнение Петра Павловича вызвало пагубное пристрастие молодёжи к призыву на службу демонов. Он ничего не мог с этим поделать. Пусть и был истово верующим православным человеком. Любые попытки навязать в качестве фамилъяров ангелов возымели бы противоположный эффект. Чем сильнее что-то стараешься предлагать — тем сильнее будет отторжение. Особенно среди молодёжи. Графу этого совершенно не хотелось.

Воробьёва раздражало бессилие. Доводя временами до иступления. Сопляки считали, что слуги Дьявола в подчинении — это стильно и круто. Заплатить пару капель крови за несравненную силу для них казалось смехотворной ценой. Но что происходило с их душами — одному Богу известно. И глупое мнение о возможности замолить грехи на смертном одре, чтобы попасть в Рай было не просто смехотворным, а возмутительным.

Граф перекрестился, глядя на подсвеченный неоновыми огнями Смоленска Успенский собор. Ему срочно нужно найти выход из этого положения. Так требовала его совесть. Сперва только нужно разобраться с чемпионатом по межстилевому карате.

Зашпорив окна, граф Воробьёв отправился в свои покои. Ему как никогда нужен был отдых.

— Да ёб твою налево, Ваня. Шевелись давай, сколько тебя ждать? — отец матом подгонял меня. Заслуженно. Я едва не проспал и теперь в темпе собирался на охоту. Такой вот у отца предлог вытащить нашу семью на природу. Охотиться будем в основном на дикие банки и бутылки. Но пострелять из настоящего оружия я всегда рад.

— Бегу-бегу! — всё кричал я отцу со второго этажа, чем ещё больше нервировал главу семейства.

— Давай уже блять, все давно в машине. Один ты всё вошкаешься, блять. Как барышня на свидание!

Прихватив рюкзак и пару сумок с едой, сел в автомобиль к отцу. Решили не издеваться над новеньким «Коррадо», поехали на внедорожнике-японце. Дорога заняла меньше часа. Место в верховьях Днепра. Достаточно дикое, можно не бояться, что кто-то полезет под пули. Хотелось бы в это верить. Никто не застрахован от грибников и прочих любителей собирать дары природы. Откуда им взяться в начале мая? Откуда и всегда — грибник это образ жизни. Неважно, есть что собирать или нет. Главное походить по лесам, высматривая хотя бы первые поганки. Так что лишняя осторожность не повредит. Даже в столь диких местах.

Расположились на песчаном пляже. Отдых — это здорово, но не когда он полон клещей и прочей живности, что норовит забраться под одежду или в сумки. Ну и конечно же из соображений пожаробезопасности. Какой может быть майский отдых без шашлыков? Эта традиция чудным образом сформировалась и в новом мире. Похоже, появление национальных блюд в кухнях прочих народов в информационную эпоху просто неизбежно.

Павла оставили следить за костром. Ему всё равно оружием пользоваться нельзя. Отец так говорил до второго стакана. После него учил, как правильно обращаться с винтовкой. Это было неправильно, но всё-таки я сам так научился стрелять. Так что за брата не боялся.

Мать и сёстры принялись нарезать овощи, хлеб и прочие продукты. Отец и я в это время расставляли импровизированные мишени, заполненные песком от низа до горла. Когда последняя из бутылок оказалась на своём месте, мы достали ружья. Мне своё иметь было не положено, но отец считал умение метко стрелять одним из важнейших для мужчины. У ветерана несколько горячих точек наверняка есть причина так считать.

— Ну что, готов? — я чуть не ляпнул в ответ «Как Гагарин и Титов». Еле удержался и просто кивнул.

— Тогда стреляй давай, хули кота за яйца тянешь?

За словами отца последовала канонада. Бутылки падали только в путь. В каком-нибудь тире на побережье Ялты я вполне бы мог выиграть небольшую плюшевую игрушку с моей меткостью. Отец был доволен. Ещё бы, мои заслуги как ученика — его заслуги как учителя.

— Тебя в лес пускать опасно, ещё всех муравьёв переставляешь, — пошутил он над моей суетливой манерой стрельбы, но по глазам видно было, что батя едва не светится от счастья.

После приёма первого стакана я переключался за мангал, а Павла принялся воспитывать отца. Сегодня он быстро дошёл до кондиции. Жаль я сегодня не пью — мне ещё везти всех назад. Зато наелся до отвала, слушая доносящийся со стороны матерок. Красота...

В хорошей семье такие вылазки на природу только в удовольствие. Прежняя мать, впрочем, меня ни разу не вывозила на подобный отдых. Чтобы только я и она. Обязательно нужно было взять какого хрена, чтобы он мне портил нервы. Что касается поездок с ночёвкой вместе с одноклассниками — о них и речи не шло. Скандал, слёзы, истерика, что её бросаю одну. Удивительно даже, как я с таким прошлым умудрился вырасти относительно нормальным парнем.

Вообще интересно, я один такой, что сохранил свою память о прошлой жизни? Или мне подобные умело скрываются? Ещё один вопрос возникал от того, что в этом мире и Рай, и Ад однозначно существовали. Когда я погиб в старом мире, родился ли я в новом сразу, минуя загробную жизнь? Или же просто ничего не помню? Сложные вопросы, и вряд ли я когда-нибудь получу на них ответ.

Шашлык был съеден в один миг, немногим дольше прожили салаты. И вот только солнце вышло в зенит, как я уже везу всю семью обратно. Отец еле сдерживал порывы спеть что-нибудь. Мать успокаивала его, не давая исполнить не предназначенные для ушей младшеньких полные сальностей куплеты. Глядя на отца через зеркало, отчётливо понимал, в кого я такой уродился. Тоже, как выпью лишнего, начинаю дурнеть. А в старом теле такой проблемы не было! После каждого стакана я остановился только грустнее. Пока не отключался от выпитого совсем.

По возвращению домой пересел за руль «Коррадо». В своей комнате торчат остаток дня не хотелось. А дороге хорошо думается. Казалось бы, получил права совсем недавно, но вожу словно имею десятилетний стаж минимум. И на самом деле я неплохой водитель! Одно из немногих занятий, что давалась мне в старом мире. Как-то даже участвовал в любительских гонках и пришёл не самым последним. может в этом мире попробовать что-то подобное? Машина есть, желание есть — так что вижу цель и не вижу препятствий.

Так и проездил до самого ужина. А потом уже нужно было ложиться спать. Завтра ещё отборочные. И как столько боёв подряд выдержать — ума не приложу. Ещё и скоро приезд сестры...

Утром я еле сумел разлепить глаза. Это уже входит в дурную привычку. Надо срочно исправляться. Взяв рюкзак с инвентарем и перекусом, я побежал к ожидающему у дозё автобусу. Можно сказать, жевал бутерброд на бегу. С колбасой, за неимением варенья.

— Хух, еле успел! — залетев в автобус, я тут же упал на первое свободное кресло. Нельзя так резко останавливаться после пробежки, но мой молодой организм стерпит. Хочется в это верить.

— Ты какой-то расслабленный. Соберись, важное дело на носу! — пожурил меня Дмитрий Олегович. Его слова были словно издевкой. Мне бы хотя бы отдышаться.

За время дороги до «Смоленск Будокан» я, впрочем, успел отдышаться десять раз. Мне повезло, что место спереди у окна казалось не занятым. Можно было наслаждаться видами древнего города.

Если в старом мире Смоленск был не очень большим городом на границе, то в новом он — настоящий мегаполис никак не меньше Минска. Отсутствие границ позволяло Смоленску быть важнейшим транспортным узлом. Он словно спрут раскинул свои щупальца, полные дорог-артерий. Минск, разумеется, всё равно был больше, но его подвела удаленность от Москвы. Интересно то, как она в этом мире стала столицей.

Во время Великой войны в начале двадцатого века Финляндия решила побороться за свою независимость и откололась от Российской Империи. Недолго финны были независимыми — меньше года. После, боясь угроз со стороны России, вошли в состав свежееобразованного Королевства Скандинавия. Решили, что вместе бояться сподручнее. Вернуть Финляндию помешала Британская Империя. Учитель истории чуть ли не молнии метал когда рассказывал о лицемерном заявлении британцев: «Каждая страна имеет право на самоопределение, и если Россия не согласна со словами, то ей придётся согласиться с оружием». А сами-то не спешили объявлять свои колонии независимыми! И так совпало, что в стране у нас были волнения с попытками выйти из состава Российской Империи по примеру финнов. Царь захотел, чтобы в истории его запомнили как мудрого и дальновидного, а не последнего и расстрелянного в подвале. Так что Финляндия покинула Россию, и держать столицу в Петрограде стало небезопасно. Вот такая вот история.

Объехав величественный холм с огромным собором и оказавшись в пределах крепостной стены, автобус остановился у зала боевых искусств. Огромный комплекс, выполненный в японском стиле. Очень похожий на Будокан в Японии, только больше. Возле него уже стояла куча народа, ожидавшая своей очереди. А ведь после первого этапа отборочных большая часть этой толпы отсеется, превратившись в бьющих баклуши зрителей. Кажется, я уже завидую проигравшим.

Помёрзнув немножко в утренней прохладе, я вместе с прочими претендентами на титул чемпиона из нашего дозё наконец-то попал в раздевалку. Надев каратэги с фамилией, почувствовал кучу взглядов на своей спине. Как и ожидалось. Придётся оправдывать претензии на чемпионство, иначе засмеют. Хотя не мне бояться. Не на пике формы. Пусть лучше соперники опасаются меня — авось поможет. Хотя тренер говорит, что все случайности и авоси — плоды усилий обеих сторон. Кто больше приложил усилий, тот и победил. По большому счёту он прав. Если считать усилиями все жизненные аспекты, разумеется. В таком случае шансов у меня не особо много. Пока все тренировались поте лица, я разве что бегал по утрам да немного тягал железо в качалке последние недели две. Хотелось бы свалить всё на подготовку к школьным экзаменам, но нет. Я признаю — проленился и буду побит с позором.

Список выступающих в абсолютной весовой категории также меня не обнадежил. Всё те же лица. Среди них Денис Фокин, которому я продул в том году на губернском этапе. Здоровый, выше меня на пол головы, что само по себе достижение. А в шестнадцать лет всё было так хорошо. Он лежал себе со сломанной в драке рукой и не помешал мне пробиться на пьедестал. Притом сам Фокин, оказавшись в финале, совершенно бездарно пропустил подсечку и завалился как мешок с картошкой. Соблазнительная идея уронить его так же, если попаду с ним в бой. Нет, глупо предполагать, что он эту дыру не закрыл за год. Тренер в его дозё — учитель Дмитрия Олеговича. Плохо учить он не мог принципиально.

Разбившись на группы по весовым категориям, мы начали соревнования. Сперва приветственная речь про то, какие мы все молодцы, что все прилагают много усилий, ну и так далее. Каждый может представить себе эту речь, а так же её пустое, не меняющееся годами содержание. После взаимного поклона с основателями целых направлений, что приезжали к нам каждый год, был дан старт первым поединкам. Их участники надели защитную экипировку — перчатки, гильфики, кирасы да шлема.

Я и мой соперник, тоже из Дорогобужа, вышли на татами. Неужели нельзя было городской этап провести у нас? Какие они всё-таки чудные, эти организаторы. Поклон судьям. Поклон сопернику. Парня я этого знаю, он мне не соперник. Окончу всё быстро.

Отклоняю удар и провожу контратаку. Обманный хук левой в голову и хороший лоуик по внутренней части ноги. Не упал. Надо же! Зло посмотрел мне в глаза. У него неровное дыхание, почти что рык! Видать, держался как

мог. Аккуратно, медленно приблизился ко мне. Крепкая низкая стойка, резкие движения. Он явно хотел меня вытянуть при следующем ударе, чтобы попробовать вывести на технику. Да на здоровье! Сделал ещё один обманный, на этот раз прямой в голову. Когда соперник уже протянул ладонь к моей руке, я резко ударил прямым с ноги по животу.

Было близко, но дистанцию разорвать успел. Этот парень стал лучше двигаться в сравнении с прошлым годом! Но это ему не помогло. В этот раз прямой левой в голову, правой и тут же отскок.

Эй, судья! Он уже он уже поплыл вообще-то, пора завершать бой. Но отмашки нет, всего лишь засчитал очки.

Как-то нехорошо выходит. Придётся укладывать противника на татами. В мою сторону вяло летит рука. Перехватил её, потянул на себя и скрутил. Парень завалился на спину, и я обозначил добивание:

— Хэй!

Победа! По правилам нашего стиля мне бы её засчитали раньше, когда я получил очки за проведённую комбинацию. Но правила чемпионата межстилевого карате другие. Всё никак не привыкну к этой дикой смеси кикбоксинга и собственно каратэ. Для победы по очкам достаточно разрыва в пять очков. Или же победа присуждается тому, отправил соперника в нокдаун более раза, успешно проведшему добивание или нокаутёру. Вот так вот всё сурово.

Поклон судьям. Поклон сопернику. Объявление победителя. После первого боя я собрался. Понял, что расслабиться не выйдет. Одними контратаками не победить. Даже самые слабые соперники, почуяв возможность попасть к членам императорской семьи в слуги, дрались как львы. Но я только последние недели две ленился. Весь год до этого вкалывал как проклятый, так что чёрта с два кто меня обойдет!

Соперники опадали один за другим. Особенно хорошо на этом этапе у меня выходил хук левой в голову. Что не осталась без внимания моих будущих соперников. Из всех меня волновал только один — Денис Фокин. Он довольно быстро разобрался со всеми своими оппонентами, большей частью добиваниями, но был и нокаут. Бедняга, получить по голове ногой от стадвадцатикилограммовой туши... Я их понимаю — сам так поиграл, чудом избежав сотрясения. Фокин бил так, что если бы не шлема — проламывал бы черепа. Но ничего, у меня для тебя припасён один подарочек...

Первый этап отборочных пролетел незаметно. Объявили перерыв, чтобы бойцы перевели дух, подышали свежим воздухом и поправили самочувствие как им ещё угодно.

Пока я отдыхал на ступеньках «Смоленск Будокан», рискуя застудить себе самое дорогое, ко мне подошёл Дмитрий Олегович.

— Расслабляешься? — в глазах его был озорной огонёк. Задумал что-то. Как бы мне облегчить жизнь на губернском этапе, не иначе.

— Немного. Расслабишься тут, когда впереди этот амбал...

— Не волнуйся ты так. Выглядишь, будто уже ему проиграл. А ну встань!

Повиновение тренеру, его приказам, вбито в меня годами занятий. И не только из соображений дисциплины. Сенсей и словом, и делом заслужил полное уважение. Так что я встал без разговоров.

Дмитрий Олегович потряс меня за плечо, смотря в глаза. По ощущениям — в душу.

— Ты можешь стать чемпионом. Ты это знаешь. Так что подобрал нюни и поставил Фокина на место. Тем более, что он первый твой соперник.

Ещё небольшое встряхивание. Не дал тренер мне нос повесить, разве что пощёчину не отвесил. Его слова и мои попытки бодриться наконец возымели эффект.

— Спасибо, Дмитрий Олегович. Я выиграю!

— Другое дело! Пойдём, сейчас уже начнётся, — похлопав по спине, тренер довёл меня до татами. Я вновь облачился в защиту. И полностью готов надрать задницу этому засранцу!

Вышли на татами. Поклонились судьё. Поклонились друг другу. На лице Фокина написано, что у меня он будет бить серьёзно. Но ничего, посмотрим ещё, кто кого!

Удар гонга объявил о начале поединка. Мы оба не спеша подходили друг другу, примеряясь. Легонько попробовали защиту ударами ног и рук. Фокин скакал, словно боксёр. Совершенно не присущая каратэ черта. Его же сбить с ног легче лёгкого... ага! Заманивает!словно молния он подлетел ко мне. Короткий обмен ударами, и я разрываю дистанцию. Ох, даже через кирасу меня словно ломом в грудь ударили.

Видя, как я едва не согнулся пополам, Фокин подскочил ко мне вновь. Закрепить успех хочет, паскуда!

Я делаю вид что быю хук левой, он отвечает мне ногой. Его удар проходит выше, я уклонился. Теперь ты мой, Дениска! Резко отскочив назад, я обрушил на голову соперника свою крепкую пятку. Удар топора. Я тренировал его весь последний год! И пока он не оклемался, наношу серию ударов руками. Лоукик, прямой левой в корпус.

Фокин открылся для подсечки, но я не повелся на это. Проще продолжать бить, пока судья не объявит победу. Даже пропущенный мощный удар в плечо не в силах меня остановить!

Судьи расцепили нас, не реагирующих на остановку боя. Это залёт. Я облажался! Хотя... что-то судьи долго

совещались. У меня зуб на зуб не попадало перенапряжения, а они всё говорили и говорили. Наконец, объявили общее решение. Моя победа по очкам. С предупреждением — ещё одно нарушение и вылету с чемпионата.

После того, как мой главный враг оказался повержен, остальные соперники щёлкались как семечки. Такой вот произошёл у меня душевный подъём после победы.

В конце отборочных я стою на центре пьедестала. Выше других. Вижу Дмитрия Олеговича, что довольс кивает с суровым видом. Первое место в Смоленской губернии — моё!

Вновь я за рулём своего «Коррадо». Держу путь из Дорогобужа на центральный вокзал Смоленска. В три часа ночи, черт побери! И далась мне эта родня! Если они такие уж дорогие родственники, то почему бы отцу самому не забрать их? Ах да. Очередное дежурство. Военная служба — она такая.

Из динамиков лилась ненапряжная мелодия. Даже убаюкивающая, что в такой час на неосвещенном участке дороги смотрится как-то опасно. Но совсем без музыки я бы точно уснул. Как же мне не хватает всех тех исполнителей старого мира... Нет, в новом мире тоже хватает хороших групп, но... Это не то. Прямо совсем не то. Знал бы музыкальную теорию — непременно наворовал всяческих хитов и стал миллионером. Но увы, я даже нот не знаю, и потому обречен слушать что предлагают, а не то что хотелось бы.

Оказывается, отец говорил уже о приезде родни, но я напрочь это позабыл. Потому после ужина, на вечернем чаепитии перед уходом на дежурство, у отца состоялся со мной следующий разговор.

— Кстати, Ваня, ты же не забыл? — посмотрел он на меня внимательно, рискуя утопить печенюшку в кружке. Эти кругленькие — его любимые. Обидно будет.

— О чём? — я не понимал, про что начался разговор. В голове на тот момент были только мысли о том, какой я молодец, что прошёл в финальный этап чемпионата по межстилевому каратэ.

— Ваня, ёптыть, ты должен будешь встретить свою сестру из Японии и её слуг в пять утра в Смоленске, — посмотрел отец на меня так, что я почувствовал себя дурачком с дырявой головой.

— Ого! А почему я узнаю об этом только сейчас? — изумлению моему не было предела. Я уже планировал отоспаться после соревнований да завтра провести пару тренировок в додзё. Утром и вечером.

— Ну ёб твою! Я же говорил, ещё на дне рождения твоём, — хлопнул отец ладонью по столу. Так, что я и сам вспомнил, что он и правда что-то такое говорил.

— Так это было неделю с лишним назад! Откуда я буду помнить такие вещи? Тем более что ты только приезд каких-то родственников говорил. Речи про встречу не было! — я точно помнил, что не было. Меня не проведёшь!

— Ну извини, блять, не знал тогда, что командир сегодня, пидорас такой, вызовет меня. А сам в сауну поедет, мудака ёбаный... — слушать про командира части, и правда бывшего тем ещё козлом, мне совсем не хотелось. Я быстренько перевёл разговор обратно в русло, касающееся сестры.

— Тогда почему не сказал раньше? Я бы хоть поспал днём перед дорогой, — туда-обратно на своей машине ехать всего три часа, но сонному и усталому даже это будет тяжело.

— А я чего, не говорил?.. — отец сделал глаза по пять копеек. Советских копеек — настолько он полуудивился, полувозмутился.

— Вообще-то нет, — задумчиво почесав затылок, батя глубоко вдохнул. Поджал губы к носу. Выдохнул.

— Ну ладно. Ехать тебе всё равно придётся, это не обсуждается.

— Эх, ну ладно. Она с Москвы приедет? — отвертеться не выйдет, так что придётся вздремнуть пару часиков да поехать встречать. Осталось выяснить точное время и место.

— Не-не. Они на скоростном поезде, прямо от Хабаровска. На этом, как его, блять?.. Ну ты понял.

— «Россия Синкансен»? — уточнил я на всякий случай.

— Да, на нём. Охуеть, конечно, каким хреном ты всё это помнишь, сосены-мусены эти? — отец совсем не дружил с японским. Как и я — пару-тройку фраз знаю, и то благодаря благодаря аниме. Решил подшутить:

— Так у нас все удары по-японски называются. Маваша гери, уракен, вот это вот всё. Вот и нахватался понемногу.

— Вот оно что, понятно тогда, — да, у меня всегда было туговато с юмором, как можно понять. Даже несколько неловко за себя: — Ладно, я пошёл на дежурство, а то ебаклак этот опять доебётся.

— До завтра! — помахал ему на прощание и запер двери. Сам же отправился отсыпаться. Даже два часа сна лучше, чем полное их отсутствие.

И вот теперь еду по тёмной дороге. Жду, когда впереди появятся хотя бы намёк на городское зарево, так хорошо заметное за километры. В более светлое время суток на подъезде к Смоленску часто можно увидеть тучи, грудящиеся над городом. Влажный климат из-за болот по всей Смоленщине приводит к такому странному эффекту. Будто въезжаешь не в древний город, а владения какого-нибудь темного властелина. Жуть, одним словом!

Неожиданно в глаза ударил отражённый зеркалами свет фар. Кто-то настойчиво моргал дальним, но обгонять меня не спешил. Впереди на километр чисто, проедь уже! Через несколько секунд я всё-таки понял, чего этот водитель добивается. Поморгал аварийкой, и тогда на соседней полосе показался дорожкой «Порше». Что за модель не знаю, но автомобиль и в этом мире дорогий. Его водитель, молодой, весь напояженный смазливый паренёк чуть старше меня, ткнул пальцем вперёд. Освещенный участок дороги. Ясенько, померяемся с ним силами. Хотя шансов у меня немного.

А рядом с ним симпатичная брюнеточка. Куда там до неё моей Асе! Это ни разу не мой уровень. Уже понятно, что это дворянские детишки ищут себе приключений на разные места. Что же, как я могу упустить шанс покрасоваться. Заодно проверим, на что способен мой «Коррадо».

До освещённого участка остаётся совсем немного. Три секунды. Две. Одна! Педаль в пол, рука на передаче! Автомобиль резко ускорился, повинувшись рычащему под капотом двигателю. Сто километров в час. Сто десять. Следующая передача!

Соперник тем временем, ревя мотором, уже вырвался вперёд. Увы, похоже на то, что дистанция между нашими машинами будут только расти. Но я не сдаюсь. Разгоняюсь всё больше и больше. Стрелка спидометра уже давно улетела за сто шестьдесят. А я боялся, что шкала спидометра до двухсот пятидесяти километров в час на приборной панели смеха ради. И похоже, что я всё-таки начал догонять этого богатенького мальчика! То ли он боялся ехать быстрее... То ли его заботливый папашка не стал снимать электронный ограничитель скорости. Прости, парниша. Мой батя круче твоего!

«Коррадо», взывая от натуги, вырвался вперёд и спустя десять секунд оставил «Порше» далеко позади. Расстроенный дворянин бросил педаль газа. Могу его понять. Его машина бы обставила меня в два счёта, и я бы в жизни догнал его, если бы не этот ограничитель скорости. И всё это на глазах подруги, какой конфуз! Мне очень повезло с соперником.

Весьма довольный собой, я снизил скорость до разрешённой. Теперь даже местная радиостанция вполне мила ушам! Какой неплохой всё-таки день. Заодно и доехать до города вышло быстрее.

Вскоре впереди показались огни ночного Смоленска. Выехав на городское шоссе, я медленно стал взбираться на холмы. До прибытия «Росиа Синкансэн» ещё больше часа. Могу позволить себе полюбоваться улицами, наполненными сотнями ярко горящих неоновых вывесок. Интересно, почему в этом мире они настолько популярны? В моём родном мире такие виды стали бы отличной декорацией для съёмок фильмов в жанре киберпанка. Синие, красные и жёлтые огни ласкали глаза.

Кстати, если уж речь зашла о «Росиа Синкансэн». Примерно тридцать лет назад, за огромные деньги, царь приказал построить невероятную по протяжённости скоростную магистраль. От самого Хабаровска и до Варшавы. Созвали специалистов со всего мира. В основном, конечно, из Японии. Даже с их огромным опытом тот проект выполнить было невероятно трудно. Но справились, пускай и не сразу — лет за десять. Но зато теперь добираться из одного конца страны до другого на поезде можно чуть более чем за двое суток. Великолепное достижение. Суммы конечно вышли астрономические. Но спустя годы «Росиа Синкансэн» обязательно окупится. Трястись в поезде неделю, как раньше, дураков нет.

Где-то за полчаса, по практически пустому городу, я добрался до вокзала. Центральный железнодорожный был произведением искусства. Огромное зелёное здание, со шпилями, более подходящими готическому собору. Не иначе как влияние поляков.

Оставив машину на парковке, отправился в зал ожидания. Внутри этого вокзала я до этого ни разу не бывал. Оттого и шараялся как в музее, разглядывая с открытым ртом интерьер здания. Похож он был на картинную галерею. ярко освещённые залы, выкрашенные в белый, нежно персиковый и бледно-золотой цвета, были полны сюжетов о железной дороге. Не иначе как этими картинами занимался идейный последователь Айвазовского, только помешанный на поездах. И сочетании железнодорожных путей с природой Смоленского края. Блеск!

Через некоторое время пустой желудок за жалобно заскулил, словно брошенный под дождём щенок. Хорошо, что на вокзале в любое время есть где перекусить. Притом есть ещё из чего выбирать. Запах блинчиков привлёк меня больше всего. Я не пошёл — полетел на него, как мышь из мультфильма. Только у него такая реакция была на запах сыра... Эх, решено!

Подойдя к тётеньке, что работала в блинной, я попросил:

— Здравствуйте! У вас есть блинчики с сыром? — женщина слегка удивилась. То ли сырная начинка была непопулярна, то ли она не ожидала увидеть огромного голодного блондина в полпятого утра. Ответила, впрочем, довольно лениво и гнусаво:

— Есть только с сыром и ветчиной. Будете?

— Спрашиваете! Конечно, даже звучит вкусно! Сколько стоит порция? — запахи у самой кассы дразнили так, что захлебнуться от прорезавшегося аппетита было проще простого. Чуть ли не пришлось утирать слюнки рукавом.

— Десять рублей. Подождите две минуты, — кивнула тётенька, когда я достал десятку. Ожидание вкусной еды подобно вечности. Нечто, с чем может потягаться только ожидание, когда туалет освободится. Прошу простить за такое сравнение, но понять его сможет каждый.

Ждать дольше обозначенного времени мне не пришлось. Женщина выдала на белой одноразовой тарелке три блинчика. Таких здоровых, что выйдет не перекус, а полноценный приём пищи.

— Спасибо вам большое! — только я взял тарелку и собирался отойти к столикам, как тётенька поинтересовалась:

— Молодой человек, вы не против покушать в компании?

Я пожал плечами. Вообще не люблю сидеть с кем-то в закусных, но раз уж всё равно надо скоротать ближайший час...

— Почему бы и нет? — улыбнулся ей, и продавщица тут же просияла окончательно. Да, видать ей тут совсем скучно, раз уж она с посетителями готова разделить трапезу. Или просто на мою внешность клюнула? Нет, надо перестать думать как пубертатный подросток. Всё-таки мне не пятнадцать лет. Второй раз в жизни как.

Женщина села со мной, как только приготовила ещё одну порцию блинчиков. На этот раз со сгущёнкой. Да ещё и принесла пару стаканчиков чая.

— Приятного вам аппетита, — я сам тут же вгрызся в свою порцию, от которой шёл ароматный пар.

— И вам того же. Угощайтесь, — подвинула она ко мне один из стаканчиков.

— Благодарю.

Покушали молча, слушая объявление диспетчера. Первой наше безмолвие нарушила блинщица:

— Кого встречаете?

— Сестру. Должна скоро на «Синкансэн» приехать, — ответил я, потягивая чай. Какая-то дешёвая бурда. Это даже не чай, а какая-то пыль с кенийских дорог. Благо в кипятке вкус особо не чувствуется. Надо побыстрее допить.

— С Дальнего Востока, получается? Путь неблизкий! А вообще, здорово иметь родственников по всей стране. У меня вот тоже сестра есть, во Владивостоке живёт. Всё никак не свидимся с ней... — как прорвало. Этой женщине слушатель нужен, а не собеседник! Дождавшись, пока поток информации о родне ещё и на Кавказе, и в Польше, ещё бог знает где, я уточнил:

— Вот как. А моя сестра японка. Знатная какая-то, раз слуги есть, — пожал я плечами, и тётенька ненадолго замолчала. Похвастаться тем же она явно не могла. Недолго был момент затишья. Блинщица с некоторым подозрением спросила:

— А как зовут вашу сестру?

Полез доставать из кармана свернутый вчетверо листок. Отец всё же перед уходом решил не полагаться на мою память, всё записал. Имена, номер вагона, точное время прибытия. Разобрав корявый почерк, прочитал:

— Фудзисава... нет, Фудзивара Хана. Вот.

Тётенька недоверчиво отодвинулась. С чего бы это? Странная какая-то реакция.

— Что-то не так? — уточнил я на всякий случай. Блинщица помотала головой, похлопала глазами, а затем медовым голосом ответила, поправляя русые кудри:

— Всё так. Интересно, должно быть, иметь таких родственников, — подёргала она себя за маленькую золотую серёжку.

Уточнить, каких именно родственников, я не стал. Решил подумать сам. Интересно скорее то, что об этой родне не знали ни я, ни мои младшие брат и сёстры. А тут вдруг объявились. Надо будет спросить отца и мать, почему так вышло.

Раздался в очередной раз звон перед объявлением диспетчера. Женский голос с нотками как у робота оповестил:

— Скорый поезд «Россия Синкансэн» прибывает на первый путь, к первой платформе через пять минут. Стоянка поезда продлится три минуты.

Я встал из-за стола, кивнул своей собеседнице:

— Спасибо вам за компанию, но мне пора идти.

— Пока-пока, — помахала она мне вслед своей пухлой ручкой.

После некоторой духоты в помещении уличная прохлада была приятной, словно запах цветущей сирени. Несмотря даже на то, что в воздухе висели типичные для железнодорожных вокзалов запахи. Не то отработанное горячее, не то ещё что-то. Почему-то, несмотря на всю очевидную вредность и техногенность, я его обожал. Ещё в прошлой жизни. В этом запахе чувствовались скорые открытия, убаюкивающее покачивание вагона на ближайшие часы и многое другое. Какие-то глубинные, скрытые эмоции из детства, не иначе.

Глядя с платформы на восточное направление путей, я увидел первые лучи солнца, пробивающиеся из-за невысоких зданий. Вторя светилу, в глаза ударили в фары «Россия Синкансэн», на всех парах мчащегося к вокзалу.

Спустя минуту мимо меня, стоящего за оградой, пронёсся первый вагон. Красный, синий и серебряный цвета отлично подходили к этому торжеству человека над расстоянием. И остановился поезд ровнёхонько. Двери поезда напротив дверей ограждения. Ликованию моему не было предела — такой уж я фанат поездов. Сам в себе этого не подозревал.

Двери с шипением разъехались, прячась в стенки, и на платформу высыпали пассажиры. Немного — большая часть вышла ещё под Москвой. Но из нужного мне вагона вышли только две девушки. Японки с угольно-чёрными волосами и в строгих костюмах. У каждой на поясе висел спрятанный в ножны меч. Катаны! От удивления у меня

чуть челюсть не отвисла. Приглядевшись ещё немного, я понял, что обе эти японки ещё и близняшки.

Одна из них, повернувшись к тамбуру вагона, кивнула. Наружу тут же вышли ещё восемь человек, одетых в точно такие же костюмы. Девушек и парней поровну. И все примерно моего возраста. Может чуть постарше — по азиатам сложно сказать.

Всё они окружали одну девушку, прекрасную настолько, что назови я её сказочной принцессой — вряд ли бы ошибся. Моя сестра. Даже как-то обидно, если честно.

Подошёл чуть поближе, и путь мне тут же преградили близняшки, положив руки на рукояти своих мечей. Я поднял руки кверху, демонстрируя пустые ладони.

— Меня зовут Ронин Иван Андреевич. Я приехал встретить Фудзивару Хану, — надеюсь, они понимают русский язык. А то почему-то у меня впечатление, словно они пропустили моё представление мимо ушей.

Вперёд вышла сестра. Чёрные волосы с причёской химэ, кукольное личико — и небесно-голубые глаза. С едва заметным акцентом она переспросила:

— Вы приехали за мной? — я кивнул, после чего она сказала что-то по-японски близняшкам. Вся охрана тут же успокоилась. То, что все они телохранители, сомнений не было.

— Позвольте отвести вас к нам домой. Мать наверняка уже нас ждёт, — поневоле вежливость порежется, когда чуть ли не сразу готовы зарубить. Сестра вместо того, чтобы кивнуть и последовать за мной, глубоко поклонилась... Ох, эти волосы и правда как у принцессы.

— Фудзивара Хана. Ёросику онегай щимас.

За окном поезда проносились пейзажи средней полосы. Фудзивара Хана не в первый раз приезжала в Российскую Империю, но в Смоленск, где проживала её дальняя родня, отправилась впервые.

Весь вагон, рассчитанный на тридцать человек, заняла компания из десяти японцев. Хана и десяток её слуг. Близняшки — Сибина Аки и Юки сидели рядом со своей госпожой. Фудзивара посмотрела время на своём телефоне. До прибытия в Смоленск оставалось ещё полчаса.

Двухдневный путь высосал из девушки все силы, но выбора у неё не было — невероятный страх высоты преследовал её самого детства. Даже из Японии в Россию ей пришлось добираться на корабле, заботливо предоставленном её отцом.

— Хана, зачем мы приезжаем так рано? До чемпионата ведь больше недели, — спросила Аки. Её можно было отличить по цветочной заколке справа на длинных прямых волосах. Её сестра Юки носила такую же заколку, но на левую сторону.

— Хочу познакомиться поближе с родными. Бабушка рассказывала удивительную историю, и я решила посмотреть, с кем у меня одна кровь, — улыбнулась Хана своим телохранительницам: — Кроме того, отец хочет, чтобы я осмотрелась в Смоленске, привыкла к этому городу. Хочет, чтобы я там училась. Говорит, это престижно.

Юки прыснула в кулак и согнулась пополам, едва сдерживая смех.

— Что-то не так, Юки-чан? — улыбка Ханы всё больше и больше становилась натянутой.

— Хах, ха-ха-ха, просто показалось забавным... Почему Фудзивара-сама не отправил вас в Москву или в Лондон? Почему не в Токийский университет, в конце концов? — близняшка тяжело дышала, едва давая смех.

Её госпожа прикрыла глаза, словно успокаивая себя, и с недовольно сжатыми губами ответила:

— Отец считает, что я должна учиться именно там, где жили наши русские предки. Независимо от моего желания. И раз Смоленский университет славится своими выпускниками на всю Российскую Империю, выбор, как мне кажется, более чем очевиден.

— Кто же рассказала вам об этом, Хана? — Аки вела себя куда как сдержаннее в сравнении с сестрой, но и в её карих глазах плясали искорки смеха. Фудзивара вздохнула, закатив глаза:

— Мне это рассказал отец. А ему — его помощник. Выпускник Смоленского университета.

Юки покатила со смеху. Чего-то такого она и ожидала:

— Как там говорят русские? Всяк кулик свое болото хвалит?

Хане оставалось только молчать и не стараться не обращать внимания на то, что даже вечно строгая Аки едва сдерживается от смеха.

Она сама была не в восторге от затеи своего отца. Но если уж тот что-то вбил себе в голову, то переубедить его она была совершенно не в состоянии. Хоть она и была его любимой дочерью — даже это несколько не помогало.

Скорый поезд начал замедлять свой ход. Пейзажи за окном сменились на городские улочки, едва освещённые рассветами лучами солнца. Линии неоновых вывесок бледнели с каждой минутой. Впереди показался вокзал — что Хане нравилось в России, так это то, что из каждой крупной остановки пытались сделать едва ли не архитектурный ансамбль. Чтобы сразу, ещё на въезде, можно было почувствовать настроение всего города.

«Синкансэн» мягко притормозил и остановился, едва качнувшись. После японских скоростных поездов даже такие едва уловимые толчки казались очень и очень неприятными.

Близняшки поднялись и пошли к выходу. Хана, не говоря ни слова, пошла следом. Хотя всё должно было быть наоборот, но телохранительницы были ей настолько близкими подругами, что им прощалось подобное поведение.

Аки и Юки вышли первыми и, убедившись в полной безопасности для своей госпожи, позвали Фудзивару на платформу. Хану тут же окружили прочие телохранители, тащившие заодно и весь багаж.

Встретил их один русский парень. Большой, светловолосый и голубоглазый — прямо как сошедший с картинки. Близняшки перехватили его, готовясь обнажить клинки. Но Фудзивара услышала своё имя и поняла — это её брат.

— Вы приехали за мной? — спросила она парня по-русски, и тот кивнул. Хана обратилась к близняшкам на японском.

— Аки, Юки, спокойно. Это мой родственник.

Брат японки, когда его допустили до важной персоны, тут же предложил перейти к делу:

— Позвольте отвести вас к нам домой. Мать наверняка уже нас ждёт.

Фудзивара, хоть и устала от поездки, всё равно должна была соблюсти формальности и поклонилась, представившись:

— Фудзивара Хана. Ёросику онегай щимас.

Парень поклонился в ответ. Видно было, что японский поклон для него — привычное дело, не вызывающее каких-либо колебаний:

— Иван Андреевич Ронин. Пройдёте, моя машина в паре минут ходьбы отсюда.

На обратной дороге я то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. Вовсе не потому, что не мог налюбоваться гостями, нет. Хотя все трое севшие в мой «Коррадо» девушки были ослепительной красоты, самая прекрасная из всех осталась на платформе. Со мной поехали только сестра да охранницы-близняшки.

Смотрел на них из-за того, что они выглядели разочарованными. Одна из близняшек уселась впереди, вторая и сестра — сзади. И вот как раз Хана расстроилась больше всего. Неужели она ожидала лимузина, или вертолёт? Увы, чем богаты — тем и рады. Хорошо хоть что они не говорили на японском. Непременно подумал бы, что обсуждают меня, мою бедность и всё в таком духе.

Я уже был начал рассчитывать, что всё время поездки буду слушать лишь радио, но Фудзивара, легонько постучав по моему подголовнику, спросила где-то на середине поездки:

— Простите, а нам долго ехать?

— Где-то ещё полчаса. Надо остановить? — вдруг она терпит до туалета. Мало ли.

— Нет. Просто спросила, — девушка откинулась обратно на сиденье.

Я подметил, что при чисто японских чертах лица и волосах — густых и чёрных, словно уголь — глаза у девушки были совершенно как у членов моей семьи. Удивительно даже, но какие только гены не дают о себе знать спустя поколения. Кстати, какая у нас вообще с ней степень родства? Нет, спрашивать прямо сейчас не буду. Как по мне, получится неприлично. Лучше и дальше буду ехать молча — авось сойду за умного.

Добрались до дома довольно быстро. В дороге я был уверен и уже знал, что никаких ночных засад от сотрудников дорожной службы по пути нет. Потому смело придавил педаль газа и погнал со скоростью сильно больше разрешённой.

Сидящая впереди близняшка посмотрела на меня с неодобрением, но ничего не сказала. Похоже, мне и моим навыкам ещё не сильно доверяют, но всё-таки все решения за рулём принимаю я.

Странными могут показаться мои опасения, но я ожидал от дворянки, тем более иностранки, чего угодно. В том числе претензий, что не так еду, не так сижу, не так дышу. Опыта общения с носителями голубой крови у меня практически нет. Не считать же те разы, когда я бил их на татами, правда же?

Припарковавшись у ворот во двор, высадил японок и повел домой. Свет на первом этаже горел, а значит, моя мать кашеварила и ждала наших дорогих гостей. Хорошо, а не то бы я себя совсем странно чувствовал — кормить с дороги печеньками с чаем... Это точно окончательно похоронило бы меня в глазах этих красавиц. Да и кто вообще захотел бы, чтобы про него плохо подумали? Даже про целую семью.

Мать с готовностью распахнула нам двери, ослепляя после утренних сумерек. В носу ударил приятный запах жареных колбасок и омлета. М-м-м... Я хоть и поел совсем недавно, но уже вновь чувствую себя голодным!

— Ох, приехали наконец! Проходите, присаживайтесь, — мать поправила фартук и побежала дальше хлопотать у плиты, оставив на меня японских гостей. Пришлось и правда подавать им чай. Хоть печеньками портить аппетит и не стал — дождутся положенного завтрака.

Однако японки довольно обескураженно стояли. Ни приветов, ни сколь либо официального знакомства — ничего. Слышал ещё в прежней жизни, что для японцев формальности и строгое следование этикету — залог душевного спокойствия. Сразу понятно, кто есть кто, кому поклоны бить ниже, как обращаться к собеседникам. В этом мире, где традиции у японцев занимают куда более крепкие позиции, понять шок девушек было легко.

И если я, за счёт какого-то элементарного понимания японского этикета, не растерялся и сделал всё как надо, то простая русская женщина вогнала японок в ступор. Да, тяжело им придётся. Особенно со мной в роли культурного мостика.

Кое-как посадив гостей, подошёл к матери, после чего намекнул, что надо бы хоть познакомиться, а не бросать родню так:

— Пойди поболтай с Ханой и её помощницами — их зовут Ако и Юко. А за плитой я присмотрю.

— Ой, и правда, я надо бы хоть представиться им, что-то я совсем дурею, — чмокнув меня в щеку, мать побежала к японкам.

Готовлю я отвратительно, но испортить уже почти готовый завтрак я вряд ли смог бы. За спиной послышался приглушенный разговор матери и гостей. Причём говорила в основном мать. Задавала стандартные вопросы: как доехали, не устали ли случаем, может что нужно... В общем, ничего особенного.

Но я всё же прислушивался к болтовне и проворонил тот момент, когда из сковороды повалил дым. Черт побери! Пришлось включить вытяжку на максимум да отколупывать от посуды чуть подгоревший завтрак. Определённо, не лучшее мнение сложит Хана о нашей семье.

Понадеявшись, что сойдет и так, я разложил по тарелкам еду и подал на стол. Девушки чуть было не набросились на получившиеся горелики, но воспитание взяло вверх. С ножом и вилкой в руках сестра принялась

кушать. Плохо только, что нож у них один на троих, да и тот кухонный.

— Мам, не знаешь, где у нас ещё есть столовые приборов?

Она намёк поняла и побежала рыться в шкафах:

— Сейчас найду, где-то тут у нас был набор...

Спустя секунд двадцать послышался грохот. Похоже, мать обрушила на себя содержимое всего шкафа. Вечно она суетится слишком много. Пришлось бежать к ней на помощь. Оказалось, что весь искомый набор в виде ложечек, вилок и ножей оказался на полу.

Вдохнул. Выдохнул. Ничего матери не говорил, просто помогал собрать побыстрее. Стараясь обращать при этом поменьше внимания на причитания. Невольно вспоминается бабуля из моей прошлой жизни. Она тоже была такой женщиной. Всегда всё хотела сделать как можно скорее, лишь бы было комфортно детям. Вроде тогда это раздражало, а пока собирал приборы с пола, вспоминал с улыбкой.

Всё так же не говоря ни слова, помыл и протёр три ножа и выдал каждой из японок. И только после этого почувствовал ужасную усталость. Ещё бы, полдня пришлось колотить всех на татами, да вдобавок потом заставили ехать на вокзал после всего трёх часов сна.

С трудом подавляя зевоту, поклонился японкам и предупредил мать:

— Я пойду к себе, завтра вставать рано.

— Куда тебе вставать? Отоспись лучше, — тут же принялась она со мной спорить. Да, мать желала как лучше, но она не права.

— Точно не лучше — мне надо в додзё сходить. Через неделю ведь финал, а я и отборочные то еле-еле сумел затащить, — чёрт, словечко из родного мира прорвалось!

— Пропустишь денёк, ничего страшного.

— Да ничего, успею выспаться, — помахал я ей рукой и поднялся по лестнице до своей комнаты.

Да, один денёк пропустить всегда не страшно. Но за одним днём всегда идёт другой, третий... а потом ты обнаруживаешь себя тридцатипятилетним, задыхающимся от спровоцированных ожирением проблем со здоровьем. А ведь их можно было избежать ещё в детстве. Но стоит лишь поддаться лени хоть один раз в череду рабочих дней — и она пожирает тебя всего без остатка. В новой жизни я старался каждый день провести так, чтобы от него была хоть какая-то минимальная польза. Исключение — семейные праздники. Просто чтобы не плодить конфликты с роднёй на ровном месте.

Дойдя до кровати, я кое-как стянул с себя одежду и завалился в мягкую постель, практически мгновенно уснув. И снились мне вновь горящие пустоши, полные каких-то непонятных, даже жутких тварей. Но усталость была такой, что подниматься после каждого кошмара не хватало сил, и я вновь проваливался к каким-то чертям.

Наутро ощущал себя совершенно разбитым, но всё же, собрав волю в кулак, пошёл на тренировку. Про гостей нашего дома, мирно спящих, я совершенно позабыл. Да и не волновали они меня в тот момент, если быть честным. В голове крутилась только одна мысль. Как перетерпеть две тренировки за день.

Успел прийти в додзё до начала утренней тренировки, на которую один за другим стягивались юноши и девушки. В их числе и мои школьные товарищи.

Толик похлопал меня по плечу после обмена приветствиями:

— Ну ты конечно дал вчера жару! Бедный Фокин теперь с сотрясением лежит, — видно было, что проигравшему он несколько не сочувствует.

— А у меня теперь пятка болит из-за него. Крепкий гад! — пожаловался я своему лучшему другу. Та действительно побаливала, но не настолько, чтобы жаловаться.

— Поболит и перестанет. Ну а ты видал, как я отделал этого засранца? Фадеева, кажется, такая у него фамилия, — глаза у Толика ярко горели. Похоже, бой действительно был хорошим.

— Сорян, как-то пропустил, — с друзьями я словечки из прежнего мира вворачивать не боялся. Здесь, несмотря на могущество Британской Империи, англицизмы почему-то не прижились. Зато компания моих друзей приняла их довольно хорошо.

Друг несколько погрузтел, но ненадолго. Я услышал весь пересказ боя в красках:

— ... Значит, он давай меня по правой ноге бить лоукиком. А ты знаешь же, она у меня ломаная. И он знал, гадюка подлая. И тут я ему подбивочку под опорную — на! И добил. Бедняжка чуть не разрыдался, как девочка, — у меня даже вырвался смешок. Слишком живо он рассказывал о самом обычном бое. Акцентируясь при этом на эмоциях соперника и забавно корча рожи.

— Что ж ты тогда в финал не прошёл? — состроил я ехидную морду. Толик не расстроился и пояснил:

— Там вообще было без шансов. Ещё ни разу так не прилетало в первую же секунду. Фролова бы и тебе бока намаял, я думаю, — глядя на весь мой скепсис, проступивший на лице, товарищ настоял на своём, подкрепляя слова жестами: — Да-да, не кривись. Тебя даже разница в двадцать кило не спасла бы. Такой он резкий...

И давай демонстрировать прямой в голову. Понять не могу, как чёрный пояс, пусть первый и дан, смог

пропустить такой удар?

— Дикий, дерзкий, как пуля резкий, значит... И что ты, уклониться совсем никак?

— Так в том-то и дело, что даже шанса не было. Я вот бью, и это раза в два медленнее получается. Как так можно — ума не приложу, — разочарованно Толя всё пытался повторить молниеносный выпад, что уложил его на татами.

— Ну он и зверь конечно. Тренироваться больше надо.

— Куда уж больше...

Пришёл Дмитрий Олегович и открыл дверь додзё. Коротко поприветствовав наставника, всей толпой мы пошли в раздевалку.

Утреннее занятие прошло как обычно. Разминка, растяжка, техника и спарринги. Ката — те самые похожие на бой с тенью движения — не практиковали. До следующей сдачи на пояса ещё три месяца, торопиться некуда. Особенно когда на носу чемпионат.

Отмахав положенные два часа без особого энтузиазма, я отправился обратно в раздевалку. Одна из привилегий чёрных поясов — выходить из зала первыми. Такая вот традиция, что все ученики покидают додзё согласно своему мастерству. Статус, дворянство, высокая должность — всё это остаётся снаружи. И я, как помощник сенсея, был самым первым в очереди.

Наш наставник вышел из зала, чтобы проводить своих учеников. У нас всё же занимаются ребята разных возрастов и состояния здоровья. Конкретно сегодня — от четырнадцати лет и старше. Мало ли, вдруг кому поплохеет после тренировки. Случаи бывали, но к счастью довольно таки редко.

— Дмитрий Олегович, до вечера! — поднял я руку, прощаясь, но меня остановили.

— Ваня, подойди, — я медленно обернулся и сделал пару шагов назад к додзё, чувствуя на себе тяжёлый взгляд тренера: — Ты сегодня какой-то еле живой. Вчера не было никаких травм?

— Нет, просто ночью не удалось поспать толком. Ничего страшного, приду домой да отосплюсь, — попытался было отмахнуться от заботливого наставника, но тот, сложив руки на груди, посмотрел на меня самым строгим взглядом.

— Не приходи вечером. Приведи себя в порядок, и чтобы завтра как огурчик!

— Хорошо! До завтра, Дмитрий Олегович! — взаимный поклон. После чего я, тяжело вздыхая на ходу, поплёлся домой.

По приходу я первым делом наткнулся Аю. Или Юю. Мне и так нелегко отличать японцев друг от друга. Близняшки же смотрелись настоящим издевательством. Одета, кем бы она ни была, в домашнее. Не кимоно, как можно было бы ожидать, а простой тренировочный костюм тёмно-синего цвета.

Я поклонился ей, она поклонилась мне. С некоторой неохотой, задержавшись на секунду. Где-нибудь в Японии знать бы могла раздуть из-за этого настоящий конфликт с требованием официальных извинений. Я так думаю. Ну а мы люди не гордые, проглотим мелкую обиду. Пусть думает, что уела глупого гайдзина, ничего не понимающего в настоящей культуре.

В гостиной сидели одетая в тонкое домашнее кимоно Хана, вторая близняшка — в тёмно-красных спортивках, как удобно — и моя мать.

— Здравствуйте, — и вновь поклон. Интересно, у японцев спина не болит от постоянных поклонов друг другу? Японки встали и поклонились в ответ, а мать только хлопнула в ладоши, предвкушая что-то.

— Хана, не расскажешь ещё раз эту удивительную историю Ване? Он, я уверена, будет счастлив её услышать!

Да, уже дрожу от нетерпения. Устраиваясь в свободное кресло, ответил:

— Интересно, я бы послушал, — вру конечно, но нельзя себя вести хоть сколько-нибудь неприлично в присутствии таких красивых девушек, особенно дворянок, особенно при матери. Хотя вдруг и правда история интересная, и я пожалею о своих словах.

Фудзивара, сложив руки на коленях, начала издалека:

— Иван, мы с вами очень дальние родственники. И тем удивительнее то радушие, с которым вы нас приняли.

У неё неплохой русский, как для японки. Либо хорошие учителя, либо очень много практики. Скорее всего и то и другое вместе. Она продолжала говорить. И пусть эту историю она рассказывала не в первый раз, на лице можно было заметить тень удовольствия:

— У меня и у вас один прапрадедушка. Максим Ронин. У него было два сына — два прадеда, ваш и мой. Михаил и Гавриил Ронины. Михаил служил в полиции. Гавриил был простым крестьянином. В то время у вас в России было неспокойно. Так вышло, что Михаил увидел Гавриила на одном из выступлений против царя. Прабабушка говорила, что мой дед нёс портрет царя на штыке...

Я чуть не поперхнулся. Ничего себе родственнички! Не просто дальние, а самые дальние из всех, что я знал. Так ещё и с какой-то причудливой историей, что нас связывает. Почему я этого никогда не слышал раньше? В общем, весь мой скепсис улетучился, и я целиком превратился в слух.

— ... Михаил спас Гавриила, загнав в кусты и приказав не высовываться до утра следующего дня. После этих событий всю деревню, в которой жили наши прадеды, наказали. Почти всех повесили или сослали на каторгу. Кроме Гавриила. Ваш прадед добился того, чтобы моего прадеда сослали подальше, а не наказывали со всей строгостью. Гавриила отправили во Владивосток. Там он познакомился с моей прабабушкой. Дальше, думаю, вам будет уже не так интересно.

Я даже немножко похлопал сестре. Не каждый день услышишь такие вещи. Ни разу не пожалел о том, что уселся в кресло, а не пошёл спать!

— Очень интересно. Я впервые услышал эту историю о своей семье, и рад, что её поведали именно вы. Спасибо вам за увлекательный рассказ!

Фудзивара мягко улыбнулась. Но внутри едва ли не подпрыгивала от удовольствия. Не каждый день ей попадаются благодарные слушатели. А ещё приятно то, что возможно, она пообвыкнется и перестанет держаться как на светском рауте. Ведь вроде как нормальная девчонка. Пусть даже у нас и общие прапрадеды — погулять с ней как-нибудь точно не повредит.

А как же Ася? Это подала голос моя совесть. А что Ася?.. Я её уже давненько не видел. Целую неделю. Причём без объяснения причин. Нет, то есть причина была — козёл папашка, но хоть на сообщения можно было ответить? Как встречусь — поговорю с ней серьёзно.

Ну а пока же я продолжил болтать с гостями, потихоньку начиная разбираться, кто из близняшек кто. Серьёзная, в красном костюме — Ако Шибата. Другая, более весёлая и говорливая — Юко.

Долгим был этот семейный разговор. Даже не чувствовалось, что моя сестра дворянка. Хотя сестрой её называть теперь сложно. Но пусть будет сестра, прилипло уже. Важно то, что сословного барьера между нами не было. Эх, если бы я знал что будет дальше...

Снова мне пришлось трястись в автобусе вместе с прочими ребятами из своего додзё. Прошла уже неделя, как моя сестра приехала. И эта неделя была тяжёлой. Во-первых, тренировки до упаду каждый день. Пара недель халявы мне аукнулась так, что я большую часть времени напоминал выжатый лимон. Но не сегодня. Тренер дал нам прикурить, и мы отправились на финал чемпионата по межстилевому каратэ на пике своей формы. Так что уверенности в своих силах — хоть отбавляй!

Отец вместе с сестрой и её охранницами-близняшками отправился следом за автобусом. Хана выказала желания посмотреть на бои с моим участием. И добавила загадочную фразу: «Хочу ещё сделать свои дела». Чтобы это значило? Спрошу как-нибудь потом. После всего этого чемпионата.

За прошедшую неделю мы с ней в каком-то роде подружились. По крайней мере, погуляли по набережной Днепра — в Дорогобуже не особо-то и видно, насколько велика эта река — да сходили пару раз в кинотеатр. Фильмы в прокате были аналогами тому, что я видел в своём родном мире. Разве что вышли ленты не год в год, не то удивлению моему не было предела. Сага про космических самураев и продолжение нашумевшей истории про киборга-убийцу. К счастью, не самые худшие аналоги не самых худших частей. Время мы с ней и её подругами провели хорошо, так или иначе.

Омрачало только упорное молчание Аси, что игнорировала мои сообщения. Читала, но не отвечала. Очень плохой признак, знаю ещё по прошлой жизни. Но я постарался абстрагироваться от этого. Впереди важные дела, а с девушкой можно разобраться и попозже.

Разговор с одной из близняшек — Ако, кажется — пролил свет на семью Ханы. Оказывается, род Фудзивара довольно-таки известный. На всю Японию, прямо говоря. Интернет подтвердил — Хана в числе потомков того дома Фудзивара, чьи представители когда-то были регентами целых поколений императоров. Но во всемирной паутине информации о дворянах не оказалось очень-то и много. Знать удаляла хоть сколько-нибудь ценную информацию о себе. То же самое касалось и волшебства. Когда я обнаружил в себе магический дар, то, разумеется, начал искать способы его развития. Но в интернете было глухо. Пришлось учиться на кошках, то есть на свечах, как придётся.

Автобус вскоре припарковался у «Смоленск Будокан». И меня немножко удивило количество народа перед залом боевых искусств. Были представители не только каратэ, но ещё и многих других направлений будо. Луки, мечи, копья в руках спортсменов выдавали в них представителей кэндо, кюдо и прочих видов. Выделялись они также и формой — некоторые уже успели переодеться и красовались в одеждах разных фасонов и цветов. Похоже, что наш чемпионат каратэ — всего лишь открывающая часть для огромного парада японских боевых искусств.

Тем важнее не ударить в грязь лицом! Всё же с большей частью нынешних соперников в своём весе все уже знакомы, не так много людей оказывается в финале. Даже со всей Российской Империи наберётся человек пятьсот на все весовые категории. Перед ними опозориться стыдно, но не настолько, как перед представителями иных направлений. Что для меня тот ещё парадокс, хочу заметить. Ну и нельзя забывать о княжне, что должна посетить «Смоленск Будокан» сегодня.

А вот, кстати, и она. Кортёж чёрных автомобилей с мигалками в окружении мотоциклистов. Кроме княжны такое великолепие принадлежать никому не может. У дворян сопровождение обычно куда проще.

Посмотреть на особу императорского рода мне не удалось. Даже с моим ростом. Настолько плотно обступили её телохранители — муха не пролетела бы. Расталкивая зевак, процессия в чёрных костюмах пошла прямо к «Смоленск Будокан» и исчезла за его дверьми. И лишь через пару минут в зал вновь стали запускать участников соревнований.

Осмотревшись ещё немного в поисках отца и сестры, сильно удивился, что их никак не найти. Несмотря даже на примечательный внешний вид. Пожав плечами, я пошёл переодеваться. На входе на этот раз стояли охранники с металлодетекторами. Запускали строго по одному, с довольно-таки тщательным досмотром.

Арена едва-едва вместила всех спортсменов. Трибуны были забиты не только родней, но и дворянами с журналистами. Тут и там виднелись охранники, стоящие между рядами. Неудивительно — зал большой, и в той толпе, что в него втиснулась, вполне мог оказаться какой-нибудь идиот, желающий причинить добро окружающим. В том числе устроив какой-нибудь взрыв.

Для меня, уже знающего про перерождения, пожалуй, не так страшно умирать. А вот другим хуже. Особенно родне, что будет оплакивать погибших. О таких вещах даже думать не хочется, но они сами так и лезут в голову.

От дурных мыслей меня отвлекло оживление среди спортсменов. Шёпот пробежался по рядам, словно ветер по траве. На небольшое возвышение, где обычно стояли признанные мастера, вышли княжна и...

Надо было догадаться раньше, что за мелкие дела у моей сестры. Стоять в нарядном кимоно — вроде бы юката называется — с напудренным личиком рядом с Анастасией Николаевной. Одной из внучек нашего

императора.

Княжна, высокая стройная блондинка лет двадцати пяти, была одета в каратэги. Носит чёрный пояс с несколькими золотыми полосками. Интересно, она настоящий мастер или это почётное звание за вклад в развитие стиля? Уверенная стойка и развитая мускулатура, заметная даже под плотным слоем белой ткани — похоже, пояс заслужен в полной мере.

На плече у неё сидела чёрная птица, похожа на ворону. Её фамильяр в животном облике. В Российской Империи запрещено водить с собой сверхъестественных созданий в их реальной форме, даже первым лицам. А то всякое бывает — говорят, демоны даже в нарушение контракта лезут в драку с ангелами. Чтобы не провоцировать конфликты сверх меры, ввели вот такие ограничения. Так что я ни разу в жизни не видел ни ангелов, ни демонов в их настоящей форме. Настолько спокойной и даже скучноватой была моя жизнь.

Демоническая птица посмотрела на меня, и внутри словно что-то вскипело. Тварь! Ещё один взгляд на меня, и я её уничтожу! Чёртова мразь!

Меня легонько потрясли за плечо, вырывая из этой странной вспышки ярости.

— Всё нормально? — обеспокоенно спросил Миша. Со встревоженно приподнятыми бровями он посмотрел мне прямо в глаза.

— А?.. Да вроде нормально... Почти... — тело слегка потряхивало, словно в панической атаке. Сердце гулко колотилось, и в голову настойчиво лезли картины, что я видел в своих кошмарах. Почему — не могу понять. Голову словно забили плотной ватой.

— Просто... будто прибить кого-то хочешь, — друг всё продолжал внимательно смотреть на меня. Я и правда всем своим видом напоминал готового к бою дворового котяру. Кулаки сжаты до хруста, зубы до скрежета. На лбу бьётся жилка. Само тело сжалось в монолит напряжённых мышц.

— Ничего, не обращай внимания...

А нас уже принялись шикать со всех сторон. Вот-вот княжна и сестра откроют финал чемпионата, а я тут на какую-то птицу ни с того ни с сего обозлился.

Шёпот и шиканье вокруг утихли, как только Анастасия Николаевна подошла к микрофону. Раздался приятный, уверенный голос. По одному его счастливому звону было всё понятно — она приехала не просто как какая-то важная шишка, а была действительно вовлечённым в дело человеком. Товарищ для всех тех, кто занимается каратэ, независимо от стиля:

— Здравствуйте! Дорогие участники Вседержавного чемпионата японских боевых искусств! Вы все очень старались, и сегодня, в этом зале, я имею честь видеть лучших! Каждый из вас сегодня приехал за победой, но достанется она лишь единицам. Поэтому призываю вас показать всё, на что вы способны! Сегодняшний день может оказаться для вас судьбоносным! На вас смотрит вся Россия, и не только она, — на этих словах княжна отступила в сторону, предоставляя слово моей сестре. Фудзивара немножко волновалась, но непохоже, чтобы подобные выступления были для неё чем-то необычным.

— Здравствуйте! Меня зовут Фудзивара Хана. Я представляю японскую сторону на этом чемпионате. В течение следующих семи дней с помощью наших уважаемых судей мы выясним, кто будет представлять Россию на всемирном чемпионате, что состоится в Японии этим летом. Мы все рассчитываем на честные и красивые соревнования. Удачи всем вам!

Всё слушатели поаплодировали. Важные персоны — не слишком-то оживлённо. Хотя перед ними выступали две особы, от которых много что зависит. В том числе бюджеты, что выделяется на соревнования. Но нет — даже главы спортивных федераций как-то не показывают свое рвение. Не бояться последствий?..

А потом ты меня дошло. Сказать прямо, возмутиться во весь голос они не могли. Потому и протестовали против нынешнего формата проведения соревнований. Смотрелось, если честно, жалко. Но таковы реалии мира — дворянам не стоит перечить, императорской семье — тем более. Чревато.

Зато спортсмены весьма оживились. Как же, две красавицы, одна с колоритом Страны Восходящего Солнца. Перешёптывания начались сразу же, как Хана пожелала успехов. И чего только не говорили, но в основном обсуждали шансы на успех в завоевании расположения. Причём большей частью — у моей сестры.

После аплодисментов и княжна, и сестра поклонились и отправились в зону для VIP-зрителей. Их место у микрофона занял организатор соревнований. Ушаков Андрей Витальевич. Его я знаю столько, сколько езжу на соревнования в Смоленск. Очень одарённый каратист, по слухам — сильный маг. Но не дворянин — так бывает. Может, ему просто выгоднее быть под крылом у семейства Воробьёвых? Кстати, вот а сам Пётр Павлович сидит, как всегда на своём месте. Только сегодня рядом с ним не друзья и члены семьи, а Анастасия Николаевна и Хана. В плотном кольце охраны, куда же без неё.

Андрей Витальевич, вдохнув поглубже, унял своё волнение и объявил:

— Сейчас перед вами выступят маги, приехавшие из Японии для демонстрации умений чистой магии! Поприветствуем наших дорогих гостей.

Ушаков начал аплодисменты, задав темп, и по залу вслед за ним прокатились аплодисменты куда как более оживленные, чем были даже после речи Фудзивары. Причин тому целых две. Первая — теперь никаких протестных настроений среди руководства. Только не по отношению к чистым магам. Потому как вторая причина — безмерное уважение к тем, кто добился в магии удивительных результатов, не занимая силу у демонов или ангелов.

Чистые маги принципиально не пользовались услугами гостей из Ада или Рая, предпочитая изучать свой внутренний потенциал. Значительных успехов в магии они достигали хорошо если к сорока годам, и поэтому тренировались с самого детства. Но зато они не были скованны какими-то там ограничениями, что влекут за собой контракты с демонами и ангелами. Грубо говоря — их сила всегда с ними. За то их и ценят. Но в основном люди всё же выбирают себе фамильяров — это куда как быстрее и легче.

Микрофон убрали в сторону, освобождая сцену для десяти человек. После краткого поклона каждый из них показал то, чего добился. Пробивающие стены удары, срывающиеся с кулаков огненные вихри, замораживающая вертушка в голову манекену — лишь немногие элементы этого великолепного шоу. Самые эффектные из тех, что можно показывать в закрытых помещениях. В теории каждый из чистых магов их уровня способен оставить от группы простых солдат кучу пылающих трупов. Или замороженных, уж кто как любит. Мне выступление пришлось по душе. Да и всем зрителям тоже, если судить по бурным и продолжительным овациям.

Маги поклонились, и каждый из спортсменов совершил нижайший из поклонов в ответ. Что привело к конфузам вроде упирания в носом в спину или куда ещё придётся. После чего выступавшие покинули сцену, и на их место вернулся Ушаков:

— На этом торжественная часть окончена, приступаем к чемпионату по межстилевому каратэ! Все, кто не участвуют, могут остаться в качестве зрителей или, если есть такое желание, покинуть зал.

Слова Андрея Витальевича послужили причиной возмущения практически всех не-каратистов. Тащиться в Смоленск вместо привычной Москвы, чтобы после часовой толкучки и двадцати минут формальной части организатор помахал ручкой со словами: «До завтра»? Это совсем нехорошо, и сам Ушаков отлично это знал. Но повлиять никак не мог. А ведь кому-то придётся быть зрителем всю неделю! Вот что на самом деле неприлично. Эх, как же здорово, что я сегодня отсоревнюсь да поеду к себе домой.

Большая часть народа ожидаемо покинула «Смоленск Будокан». Сразу же стало легче дышать, да и порывавшийся сорваться с бровей пот моментальный испарился. Я даже не замечал всё это время, насколько же было душно в зале. Все прочие каратисты также выдохнули с облегчением. Не одному мне, оказывается, приходилось туго.

Разбивка по весовым категориям прошла моментально, в отличие от губернского и городского этапов. Всё же вес каждого уже известен, вряд ли кто-то за неделю сумел отъесться настолько, чтобы иметь преимущество в бою.

После начались сами соревнования. Уже было несколько теплее, чем самом начале мая, да и обогретый толпой воздух не спешил улетучиваться. Так что в защите было жарковато. К счастью, первые бои для меня не были сложными. Получилось выйти победителем с помощью добиваний в семи из десяти боях. Ещё три победы достались по двум нокадаунам. Такое чувство, словно губернский был этап куда сложнее. Это вполне могло оказаться правдой — Смоленск считался столицей российского каратэ не просто так. Или же тот ад, через который пришлось пройти на тренировках, дал свои плоды. Проблем у меня, как и у пары моих товарищей по додзё, не было до самого финала.

Вот он, финальный бой. Против меня чемпион прошлого года — Антон Самойлов. Тот самый, что побил Фокина. Чуть выше меня, с длинными руками и ногами. Надо будет навязывать ему ближний бой, иначе он просто меня перебьёт по очкам. Может, попытаться вывести на технику? Если получится — это будет неожиданная и красивая победа. Но шансы, мягко говоря, не велики.

И пока я обдумывал тактику, взгляд мой упал на VIP-зону. Снова я встретился с птицей княжны глаза в глаза. Тварь! Не могу ничего с собой поделать! Хочу уничтожить это! Вырвать перья! Заставить страдать!..

Удар гонга вырвал меня из кошмарных вспышек, что волнами накатывались и распяляли изнутри. Самойлов, как обычно, пробовал защиту лёгкими ударами, искал дыры в обороне, высматривал слабости. Я же ещё не отошел от всех этих жутких, поистине страшных картин, что лезли в моё сознание.

Всё произошло как в замедленной съёмке. Удар чемпиона летел прямо мне в голову. Я видел, как слегка поворачивалась опорная нога, готовясь к сильному удару маваши гери в мою голову. Через густой, словно кисель, воздух я рвался вперёд. Схватил Антона за едва приподнятую ногу. И изо всех сил ударил по лицу. Послышался хруст. Шлем совершенно не помог, и я сломал ему нос. От сокрушительного удара Самойлов пошатнулся, но я всё ещё держал его под колено. И только теперь подбивка под опорную ногу. Антон упал, и я обрушил на его грудь добивающий удар пяткой.

По телу прошла лёгкая дрожь. Мир вокруг покачнулся, но я удержался на ногах. Руки мелко затряслись, с них едва ли не струёй полился пот. Не знаю, что это был за приступ, но отпустил он меня вовремя.

Помотав головой, лишь бы скорее прийти в себя, я протянул руку лежащему на татами уже бывшему

чемпиону. Самойлов не то прокряхтел, не то выдавил смешок. Но руку отталкивать не стал и принял мою помощь. Похлопав меня по плечу, он отправился на противоположный конец татами, шмыгая при этом носом. Капли крови падали на маты. Пока я шёл на свою сторону поля боя, думал о том, что явно перестарался. Почему у меня вызывает стойкое неприятие этот проклятый фамильяр? Видел же уже неоднократно в Дорогобуже подобных...

Да почему у меня вообще это сейчас волнует? Чёрт побери, я же чемпион Российской Империи! Лучший из лучших! Вот что важно, а не какие-то там чёртовы птицы.

Судья объявил победителя:

— Победа достаётся Ронину Ивану!

Из VIP-зоны донеслись первые уверенные хлопки в ладоши. Подхваченные зрителями и переросшие в бурные аплодисменты.

Я поклонился Самойлову, он поклонился мне. И только потом — судьбе. Не по правилам, но думаю, на это маленькое нарушение закроют глаза. Всё же, не впади я в какое-то изменённое состояние сознания, то бой бы затянулся. И его исход был бы совершенно не так очевиден. Но это всё если бы да кабы — победа моя, и очевидно, я оправдал вышитую фамилию на спине. Теперь это не просто дерзкая ребячья выходка в глазах других, а заслуженный элемент формы.

Дальше шло награждение. Медали раздавала сама Анастасия Николаевна. Стоя на пьедестале, мне мало того что пришлось согнуться в три погибели, так ещё и всячески избегать пересечения взглядов с её долбаной вороной на плече. Было бы смешно в приступе ярости отправить княжну пинком прямо в больничную койку. А самому затем сесть в камеру до конца дней своих. Что уже совсем не смешно.

Анастасия Николаевна и Хана вновь вышли на возвышение перед залом, и княжна объявила:

— Поздравляем победителей и призёров восемьдесят третьего чемпионата по межстилевому каратэ! Всех занявших места на пьедесталах мы ожидаем увидеть вечером, на праздновании в вашу честь. Подробности вам сообщат чуть позже... и я хочу добавить — вы все бились достойно! Россия гордится вами!

После церемонии награждения Анастасия Николаевна вернулась в свой автомобиль. В этот раз её окружала не только личная охрана, но и телохранители Фудзивары Ханы, что шли рядом с ней. Японка решила не утруждать родню и поехала в Смоленскую резиденцию Романовых вместе с княжной. Хана, кроме прочего, теперь опасалась попасть под прицел местных борцов с монархией. Подставлять родню, с которой она успела сблизиться за неделю, девушка совершенно не хотела.

Во время небольшой поездки Анастасия Николаевна решила обсудить свои впечатления от чемпионата. С VIP-мест она видела все бои, и составила своё мнение о каждом награждённом чемпионе. Фудзивара, насколько было известно княжне, отлично разбиралась в современных боевых искусствах, в том числе и не японских. И потому как нельзя лучше подходила на роль собеседницы.

— Хана, как тебе выступления и соревнования? — подпёрла девушка голову рукой, оперевшись локтем в дверь.

— Бились хорошо. Особенно Фролов. Если у него есть магический дар — уверена, что его захотят заполучить даже у нас, — японка наконец-то расслабилась. Княжна была выше её по статусу, но в то же время их обеих связывала давняя дружба. Кроме того, Ако и Юко сейчас были в другой машине и не могли намекнуть всем своим видом, что девушкам их статуса и положения не пристало вести себя как простым девчонкам со двора.

— А вот меня Ронин заинтересовал. Такой он... Как будто не замечал соперников. Прошёл через них, как нож через масло. Ты же понимаешь, о чём я? — неуверенно спросила Анастасия Николаевна. Несмотря на хорошее владение русским языком, её подруге не всегда давались устойчивые выражения. Точно также, как было у самой княжны с японским.

— Он тоже был хорош. Но Фролов лучше, — Фудзивара несколько принижала успехи Ивана. Не потому что хвалиться родней неприлично — ей хотелось посмотреть, как Анастасия будет защищать понравившегося спортсмена. К тому же, интересно было увидеть реакцию княжны, когда та услышит, что Иван приходится ей кем-то вроде брата.

— А вот не соглашусь. Егор Фролов действительно бился технично, даже умело, с этим я спорить не буду. Но... Без изюминки. И этот Ронин... он словно бы сторонился меня, когда я наградила его. Даже ничего не сказал... — картинно вздохнула Анастасия, отворачиваясь к окну.

— Настя, только не говори пожалуйста, что изюминка — твой личный вкус на парней, — прикрыла японка ладонью свои и ровные белоснежные зубки, звонко захихикав.

Княжна зарделась до кончиков ушей. Хана поняла, что попала прямо в точку, и теперь уже откровенно рассмеялась.

— Неправда. Как могут мне нравиться простолюдины, сама подумай?.. Это же совершенно невозможно! — сбивчивые оправдания Анастасии Николаевны лишь раздражали Фудзивару. Ей хотелось скрывать факт родства подольше, лишь бы посильнее вогнать подругу в краску.

— Ничего страшного в этом нет. Подумаешь, понравился мальчик без титула, — княжна решила промолчать и подождать, пока смущение пройдёт. Но себе врать она не привыкла и признала то, что простой парень смог её чем-то зацепить. Тем более что он уже не простой, а настоящий чемпион. Что открывает ему многие дороги.

— Я бы взяла его к себе на службу, если бы он владел магией, — наконец нарушила повисшее молчание Анастасия Николаевна. Негромко, всё также смотря в окно, а не в глаза подруге.

— Думаешь, у него нет способностей? — Хана слегка подалась вперёд. Японка всё же решила не издеваться над княжной и искала повод рассказать о родстве. И похоже, что Анастасия сама его только что дала.

— Просто посмотреть на него достаточно, чтобы понять — он совершенно не одарён магией, — голос княжны прозвучал не особо уверенно.

— Зря. Ведь он — весьма неплохой маг!

— Правда? — Анастасия тут же повернулась к Фудзиваре и разве что не набросилась с горящими глазами.

— Я в этом полностью уверена, — Хана прикрыла глаза, уже предвкушая реакцию собеседницы.

— Почему же? Ты что, заранее просмотрела документы и решила, кого увезти к себе? — японка расплылась в улыбке и молотом обрушила на княжну новость:

— Нет. Он мой брат, — лицо княгини исказилось. Сперва от неверия, а после — от осознания того, что её подруга не шутит. Прикрыв лицо обеими руками, Анастасия Николаевна попросила:

— Пожалуйста, ничего не говори.

С золотой медалью на шее я сошёл с пьедестала. Анастасия Николаевна вместе с Ханой, окружённые людьми в чёрных костюмах, быстро покинули «Смоленск Будокан». К моему облегчению — можно не бояться за внезапную вспышку ярости, что могла бы испортить мне всю жизнь.

А эту жизнь я себе портить точно не собираюсь. Такой шанс определённо даётся не всем. И то, как у меня всё получается, можно назвать чудом, идеалом. Большого и желать не стоит.

Всех победителей подозвал к себе Андрей Витальевич. Похоже, нас ждут те самые подробности о вечернем праздновании в нашу честь.

— Ещё раз поздравляю каждого из вас. Вы боролись как львы, и весь цвет нации тому свидетели. Но сейчас вам следует подготовиться к тому, чтобы не ударить в грязь лицом сегодняшним вечером. Значит так — сейчас вы пойдёте в душ, а я пока обеспечу вам достойные наряды, если у вас нет своих. Давайте, бегом!

Помыться нам всем и правда не мешало. Мало того, что потные как кони, так ещё и перемазаны кровью. Кто своей, а кто чужой. Касалось это большей частью меня и Самойлова. Антону как раз успели приладить нос на место и залепить пластырем. Как-то стыдно за себя даже — ему теперь на приёме придётся ходить с глазами как у панды.

— Ты уж прости, что я тебя так, — подошёл я к нему с извинениями, но он махнул на меня рукой:

— Да мля, брат, сломал нос да сломал, с кем не бывает. Я сам дурак, что подставился. А ты, мля, молодец, — прогнусавил Самойлов.

— Как скажешь, — мне оставалось только развести руками. Если Антон не в претензиях, то мне переживать точно не стоит.

После душа нас уже ожидала одежда для вечера. Как и обещал Ушаков. Придётся носить что дают — из своего у меня только школьная форма, но вряд ли она считается приличным нарядом в тех кругах, что будут присутствовать на вечере.

Костюмчик сидел неплохо, но не идеально. Сразу видно, что пошит не на меня, а просто подошёл по размеру. Надо будет сходить как-нибудь в ателье, что ли. А то как-то несолидно. Да и цвет костюма настолько чёрный, словно я иду на похороны. Хоть галстук сумел урвать приличный, всё хлеб.

Отец успел прокричать мне поздравления за ту пару минут, что я шёл от дверей «Будокана» до автобуса, в котором нас всех должны были доставить к месту проведения торжества. Поздравил батя, как обычно, по-своему, потрясая кулаком:

— Молодец ты! Таких пиздюлей ввалил этим салабонам! Иэ-э-эх!

Вот ведь блин, давно мне не было так неловко. Смешно немного, но чёрт побери! Можно ведь было иначе или как-нибудь потом поздравить и не устраивать такое при всех. И, конечно же, по-моему каменному лицу все поняли, что обращались именно ко мне.

Усевшийся рядом со мной Фролов с гаденькой ухмылочкой начал делать вид, что пытается меня подбодрить:

— Хороший у тебя отец. Сразу видно, вашей семье стесняться ничего.

Наглая рыжая морда. Но такой же чемпион, как и я, только в тяжёлой весовой категории. Проще махнуть рукой да не обращать внимания на подколки. К сожалению, этот внешне похожий на стереотипного ирландца-задиру паренёк и характер имел соответствующий:

— Ну ты чего, обиделся что ли? Я же шучу, а ты нахохлился и надулся как индюк. Проще надо быть!

Как же я не люблю такой тип людей. Усядутся рядом и долбят по мозгам, как дятлы. Ладно хоть обычно выходит пугать их своими габаритами. Но этот товарищ явно не думал бояться меня. Как же не хочется огрызаться...

И тут Фролов принялся подпихивать меня под рёбра локтем, чтобы привлечь внимание. Не отреагировать я просто не мог:

— Не делай так. А то мне иногда глаза застилает кровавая пелена, и я превращаюсь в очень нехорошего человека.

— Ай-яй-яй! Ладно, буду считать, ты меня напугал, — ни разу не испугавшийся меня Егор всё продолжал. Помощь пришла со стороны Антона. Опустив свою лапищу на плечо Фролову, он произнёс глядя ему в глаза:

— Спасибо что подогрел место для меня. Теперь можешь уёбывать в конец автобуса. Пошёл!

Зло цыкнув, Фролов поднялся с кресла и действительно ушёл. Я-то думал, что конфликт из-за этого только разгорится. Повезло, что я ошибался. Антон, сев на место Егора, пожаловался:

— Этот крысёныш выказывает уважение только тем, кто ему рожу начистил. Плохо, что дерётся он хорошо. Только этим и жив до сих пор.

— Вот как, — я был немногословен, и Самойлов понял, что ко мне приставать сейчас не стоит. Так и ехали

молча. Егор прицепился к кому-то ещё, и Антону вновь пришлось вставать и грубо затыкать пересмешника. Вот бы Фролова приковать к Самойлову наручниками, был бы тот ещё номер.

Автобус довёз нас до окруженного стеной поместья, стоящего на изгибе Днепра. Солнце только-только сошло с верхней точки за этот день и медленно покатилося к горизонту. Жара... Но не успели мы постоять под палящими лучами и пяти минут, как нас повели — нет, не в роскошный особняк на берегу реки. Сперва каждого по очереди завели сторожку и обыскали на предмет оружия и прочих способных нанести вред здоровью VIP-персон вещей. Вот им заняться нечем — будто какой-то идиот-киллер пойдёт выигрывать соревнования по каратэ. Есть же пути куда более простые. На взгляд профана вроде меня простые.

Не успело моё возмущение улечься, как нас наконец-то повели к месту проведения вечера.

Красивое белое здание, построенное в стиле петровского барокко. Три этажа, башенка с балконами по центру. Интересно, архитектор вдохновлялся Кунсткамерой или же сходство чисто случайное? Если нет, то сегодняшние события приобретают нездоровую окраску. Но здание впервые использовалось с целью показать чемпионов и призёров дворянам. Наверное, всё это совпадение. Просто нездоровые мысли немного уставшего от сегодняшних событий мозга.

Нелегко переварить три важных момента. По степени важности: я чемпион, моя сестра вращается в самых высших кругах страны, фамильяр княжны и моя ненависть к нему. Последнее вообще никак не мог понять, просто чувствовал, что это важно.

Непонятно, при чем здесь мои кошмары? Не просто так они всплывают в моём сознании, но связи я не видел. На тот момент. Уже сильно позже стало понятно, что к чему.

Через шикарный холл с двумя лестницами, ведущими на второй этаж и в башню, мы прошли в ярко освещенный зал. Ровно такой, в каком по моим представлениям и должны проводиться балы и прочие важные мероприятия высшего света. Прямо сейчас зал спешно обустраивали слуги,нося столы и стулья, заготавливая столовые приборы и занимаясь прочими делами, которые обычно не выставляются напоказ. Дворян пока не было. Ни княжны, ни Ханы. Похоже, под торжественным вечером подразумевали именно вечер как время суток. Началось долгое тоскливое ожидание. Скрасить его помог выход на улицу. Со стороны Днепра у особняка пристроилась огромная терраса, переходящая с помощью лестниц в набережную.

Стоило только опереться на перила и начать наслаждаться свежим речным воздухом, как у меня появилась компания. Опять Самойлов. В друзья набивается? Если да, то я всеми конечностями за! Парень он неплохой. Встал рядом, он прогундосил, глядя на реку, город на холмах и великолепный Успенский собор:

— Красотища-то какая! Даже матом ругаться не хочется.

Я еле подавил смешок. Забавный он парень, этого не отнять. Я протянул ему пятерню:

— Иван Ронин.

— Антон Самойлов, — пожал мне руку серебряный чемпион этого года. И золотой — прошлого, не стоит об этом забывать!

— Да, твоя правда. Есть в Смоленщине какая-то своя, особая красота, — бывал я в прошлой жизни проездом в этом городе. И уже тогда полюбил эти места.

— Много где довелось побывать, есть чем сравнить? — спросил меня Антон. Я чуть не ляпнул, что исколесил по работе половину России, но удержался.

— Только в Москве. Но там... Что-то там не то.

— Понимаю, — глубокомысленно прогнусавил Самойлов.

В непринужденной болтовне мы провели практический час, в основном обсуждая сам чемпионат и наши возможные перспективы после него.

— Вот бы попасть к той японочке в услужение... Эх, у тебя шансов больше, — посетовал Антон в какой-то момент. Наверное, не стоит делиться сведениями о нашем родстве. Могут не так понять.

— Даже не знаю. Она ничего, конечно, но я бы скорее к княжне пошёл. Если предложат — соглашусь, — сменил я фокус с сестры на Анастасию Николаевну. Это сработало.

— Хорошо бы... С магией у тебя как дела обстоят? Романовы берут к себе только сильных, — чистая правда. Императорской семье служат лучшие из лучших. Среди их подчинённых и простолюдинов, конечно же. Дворяне своих выдающихся магов держат при себе. Что позволяет иногда диктовать свои условия и не обращать внимания на царские хотелки.

— Вроде как неплохо, — между моими пальцами пробежала коротенькая электрическая дуга. Вроде как ничего впечатляющего, но учитывая отсутствие доступа к развивающим способности методикам — уже очень много.

— Ого. Да, неплохо. Определённо неплохо! Будешь заниматься сам или призовёшь фамильяра?

А вот интересный вопрос. Хочется силы, да побольше. Причём сразу. С уже имеющимися способностями я смогу призвать на помощь кого-нибудь очень могущественного, и тогда меня с руками оторвут. Но так и мне оно

нужно, особенно на фоне победы? Надо будет обдумать.

— Пока не знаю. Зависит от того, как вечер пройдёт. Службы дворянам мне не избежать, я в этом уверен. Но хотелось бы узнать их мнение по вопросу, как мне быть дальше. Может скажут что новое. Повезло мне, что до призыва фамильяров в этом году ещё целая неделя, — Антон покивал головой, соглашаясь с моими словами, после чего решил немного меня обнадежить:

— Ну, даже если не обломится ничего сегодня — позову тебя к нам.

— А? — не понял. Антон что, из дворян? Не понятно тогда, чего это он в услужение к Хане надумал пойти.

— Позову к нам. Самойловым. Не знаешь что ли нашу семью? — Антон так обращался ко мне, будто я слаб на голову. Не без причины, его можно понять.

— Так ты, получается, из этих, из дворян? — зачем-то уточнил я. Самойлов прищурился, смеясь одними только глазами.

— Быстро же до тебя дошло. Даже странно, что ты ничего про нас не слышал. Мы же самые близкие к Воробьёвым из всех знатных семей.

— Однако... Признаюсь честно, что впервые слышу про эту дворянскую фамилию. Не в обиду — я вообще за всеми этими межродовыми делами не слежу, — немножко привираю. Иногда интересно почитать о том, как Булычевы и Ермолинские вновь что-то не поделили и устроили перестрелку на улицах Смоленска. Но за политической обстановкой не следил, считая это тратой времени.

— Тогда тебе придется тяжело, если всё же тебя возьмут к себе Романовы. Заманаешься все знатные семьи запоминать, — вырвался у него невеселый смешок. Он знал, о чём говорил. Все более-менее значимые в стране дворяне должны знать друг друга в лицо, чтобы не возникало проблем со случайными стычками. То же касалось и их слуг.

— В этом случае я ещё подумаю, идти ли в услужение к Анастасии Николаевне, — оба мы посмеялись, и я задал интересующий меня вопрос: — Так чего ты тогда про службу у Фудзивары помышлял?

— Будто уже помечтать нельзя. Круто же — настоящая японская принцесса! Строгая к себе на публике и кроткая с любимым мужчиной, прям как у них заведено... Я что-то смешное сказал?

От фантазий Самойлова я чуть было не рассмеялся во весь голос.

— Нет-нет. Просто подумал — может вас познакомить?

Теперь уже едва не рассмеялся Антон. Хлопнув рукой по перилам, он с коротким выдохом ответил:

— Шутку понял. Смешно. Давай уже будем реалистами — скорее мне придётся познакомить тебя с ней.

Вот ничего себе у него самомнение! Огорчить этого дворянина, что ли? Тем более что вечер уже практически начался, и Фудзивара стояла у одного из видимых с террасы столиков, попивая вино из бокала.

— Давай подойдем к ней и посмотрим, — Самойлов уже открыто усмехался. Вот мы сейчас и похохочем!

— Давай, — согласился Антон, и мы направились напрямиком к моей сестре.

Увидев нас, та поклонилась, и нам пришлось кланяться в ответ, причём куда ниже. Нет чтобы рукой помахать, не на приёме ведь ещё. Пока что.

— Поздравляю с победой, Ваня, — мягко улыбнулась мне Хана. В который раз жалею, что мы родня. Впрочем, кому я вру — с нашей разницей в положении вряд ли что-то вышло.

Смотреть на вытянувшуюся физиономию моего нового друга можно было вечно. Такое сочетание выпученных карих глаз с влезшими на лоб по самую чёлку бровями увидишь не каждый день. Даже пластырь с носа чуть не отклеился.

— Спасибо, — кивнул я сестре: — Хана, позволь представить тебе Антона Самойлова. Он сегодня был моим соперником в финале.

— Рада нашему знакомству. Не повезло вам — брат не оставил вам и шанса на победу. Как ваш нос?

Самойлов даже сделал шаг назад. Бросая взгляд то на меня, то на японку, он всё больше выглядел сомневающимся в здравости своего рассудка. Все знания этикета от удивления словно испарились.

— В смысле?.. То есть?.. — он быстро ткнул пальцем в нас обоих и нашёл-таки в себе силы задать вопрос: — Вы одна семья?

Фудзивара с улыбкой покачала головой:

— К несчастью, к счастью ли, но нет. Мы очень дальние родственники. Возможно, что вы с Ваней в большем родстве, чем я с ним.

— Как же так вышло? — всё продолжал гнусаво вопрошать шокированный Антон.

— С этим связана интересная история. Не хотите послушать? — Я уже видел, куда всё идёт. Вошедший в зал телохранительницы Ханы позволили мне избежать очередного прослушивания история о двух прадедах. Сестра чрезвычайно гордилась русскими корнями. Не смущало её даже крестьянское происхождение прадеда. Он владел магией — а значит, был достойным предком. У японцев с этим как-то попроще, чем у нас.

— С удовольствием, госпожа, — хитрый лис этот Антон. Сразу стал строить из себя хорошего слушателя.

— А я, пожалуй, отойду ненадолго, — указал я рукой в сторону близняшек. И той, самой красивой из всех приехавших на «Росиа Синкансэн».

Получив разрешение у сестры — словно я тут младший брат, хотя её возраста не знал до сих пор, так что всё может быть — подошёл к прекрасной охраннице.

Чёрные волосы собраны в конский хвост, янтарного цвета очи. И почему-то довольно свободно сидящий костюм. У близняшек одежда была в обтяг, подчеркивала их стройные фигурки. А у неё нет. Но это меня не смутило, слишком прекрасна она была.

Близняшки посмотрели в мою сторону. Юко помахала рукой, Аюко лишь кивнула. Кое-как, я по поведению я научился их различать. Помахав в ответ, поклонился и заговорил с интересующей меня особой:

— Доброго вам дня. Иван Ронин. Мы виделись на вокзале неделю назад.

— Здравствуйте. Сакай Рёто, — поклонилась она мне. Какой приятный глубокий голос. Мне эта девушка нравится всё больше и больше!

За разговором с Рёто время пролетело незаметно. У нас оказалось неожиданно много общих тем при всей нашей разнице в культурах и воспитании. Момент, когда зал наполнился дворянами, прошёл мимо меня. Что несколько этих самых дворян задевало. По их представлениям я должен был бегать вокруг них и стараться делать всё, лишь бы меня приняли на службу.

Сестра, обратив внимание на то, что я занят вовсе не тем, чем следовало бы, подошла к нам с Сакай и спросила, в чём дело:

— Ваня, ты что, не хочешь попасть к кому-нибудь роду на работу? Ждешь, что к тебе подойдут первыми? Это так не работает.

В голосе Ханы слышался укор. Хорошо, что она знала, как исправить ситуацию. Посмотрев на Рёто, сестра приказала ей:

— Рёто-кун, Ако и Юко нужна твоя помощь.

В первую очередь слова Фудзивара предназначались мне, потому и были произнесены на русском языке. Телохранительница, махнув своим конским хвостом, развернулась и быстро зашагала к близняшкам. Одарив меня при этом брошенной через плечо улыбкой. День уже удался!

— Тебе следует подойти к Анастасии Николаевне. Она, как мне кажется, будет рада пообщаться с тобой. Ну же, иди!

Недовольно вздыхая, я ленивой походкой направился к княжне, что стояла в окружении нескольких очень важного вида мужчин. Даже не знаю, хочу ли я к Романовым попасть. Но если Хана меня послала сразу к Анастасии Николаевне, то та точно должна иметь на меня виды. Вот не могу ничего с собой поделывать, в прошлой жизни ещё вечно не решался на способные изменить жизнь поступки. В конечном итоге меня это и сгубило. Нужно просто набрать полную грудь воздуха и шагать вперёд, как при прыжке с трамплина в воду.

Анастасия Николаевна обратила на меня внимание ещё за пять метров до того, как я подошёл к её дворянскому кружку. Вся знать замолчала и смотрела, как я подхожу к ним вразвалочку. Неловко-то как! И что принято говорить в таких ситуациях, хотелось бы знать? Всё же эту свою скромность, даже застенчивость перед людьми мне вытравить из себя не удалось. Разве что в компании друзей или тет-а-тет чувствую себя комфортно. А сейчас...

— Иван Ронин, кажется? Поздравляю вас с заслуженной победой, — как же хорошо, что княжна сама со мной заговорила. А не то бы я от стыда за себя сквозь землю провалился. Здоровенный двухметровый лоб, чемпион! И боится хоть слово сказать своим потенциальным нанимателям. Что за издевательство, а не сочетание?

— Вы правы, Ваше Сиятельство, — я слегка поклонился Анастасии Николаевне, уже в силу привычки. Что удивительно, та поклонилась в ответ, приняв мою неловкость за приветствие. Похоже, что она посчитала этот жест за проявление уважения к её мастерству как каратиста.

— Чем мы обязаны вашему присутствию? — невозмутимо спросила она меня. А дворяне молчали. Смотрели пристально, внимательно. Причём именно на меня. Растерявшись и не придумав ничего умнее, ответил как есть:

— Хана сказала, что Ваше Сиятельство хотели бы поговорить со мной.

Знать перевела взгляды с меня на княжну, едва сдерживающую проступивший на щеках румянец. Шумно выдохнув носом, Анастасия Николаевна взяла меня за руку и потащила на террасу, бросив дворянам:

— Извините нас, мы ненадолго отойдем.

На улице, стоило только завернуть за угол, княжна схватила меня за грудки, заливаясь краской с головы до ног:

— Ты что же это делаешь?! Знаешь, как это смотрелось в их глазах, недоумок?

В ответ на злобное шипение я только и смог выдавить из себя:

— Как?..

— А вот так, придурок! — меня обожгла мощная пощёчина: — Теперь у них будет повод посудачить, что сама Анастасия Николаевна положила глаз на дурачка-простолодина!

Как следует встряхнув, княжна припечатала меня затылком об стену. Ай, больно, чёрт подери! Я же даже ответить ничем не мог. И потому что княжна, и потому что женщина.

— Да за что?! — обиженно спросил я у гневно пыхтящей мне в лицо девушки.

— И правда. Ты тот ещё балбес, если не понял. Тебе объяснить, в чём дело? — я покивал, и Анастасия Николаевна испустила разочарованный выдох: — Если бы ты не ляпнул ту ерунду, то уже был бы фактически принят ко мне на службу. Но я теперь не могу тебе позволить быть моим работником. Понятно?

С чего бы это должно быть понятно? По мне разве не видно, что я между строк считать вообще не умею и все эти дворянские шутки не понимаю от слова совсем? Так что пришлось помотать головой, вызывая всё большее и

большее раздражение у княжны.

— Ну что мне с тобой делать, а? И на кой чёрт Хана тебя ко мне послала...

— Она сказала, что Ваше Сиятельство будете рады мне...

— Да, я радуюсь, сейчас в пляс пушусь! Что ты за кретин такой, Ронин?

Наверное, я и правда глуповат, раз в упор не вижу причины, по которой Анастасия Николаевна так взбесилась. Княжна разжала руки, и я смог наконец-то отойти от стены. Ну и силища же у неё!

— Не попадайся мне на глаза до конца вечера. Это в твоих же интересах, — покрасила девушка мне кулаком и вернулась после этого в зал. Вот ведь странная особа! Но на всякий случай я остался на улице. Только спустился поближе к Днепру, чтобы успокоиться да вновь попытаться счастья в попытках дописаться до Аси.

Мне пришло от неё короткое сообщение: «Поздравляю». Значит, чемпионат она смотрела. Но ответа на вал моих сообщений не было совершенно никакого. В ногах появилась неприятная слабость. Ходили конечно всякие слухи про неё, да про козла-папашку. Но я старался в них не верить всеми силами. Ведь мы с Асей были вместе уже больше полугода — рекорд для меня по длительности отношений за обе жизни. Нет, какого-то рода внутрисемейных извращений точно не было. Слухи касались выдачи Аси замуж за какого-то служащего дворянам паренька. Но если бы это было правдой, то она бы мне наверняка сказала, что у неё намечается брак по расчёту. Ничего подобного я от неё не слышал. К несчастью, объяснить полное игнорирование моих сообщений и пропажу на неделю можно было только этим. И что же мне с этим делать? Похоже, что ничего. В обеих жизнях мне с девушками не везло...

Но разумеется, спокойно посидеть и пострадать на набережной, думая о своей неудачливости, мне после всего произошедшего не дали. Стоило только прилечь на уличную скамейку и прикрыть глаза, чтобы подумать о том, что именно я сделал не так в отношениях и на этом вечере, как прибежала Хана в сопровождении близняшек. Ну как прибежала — быстро пришла. В кимоно и деревянных сандалиях не побегаешь.

— Что ты сказал Насте такого, что она пришла ко мне жаловаться? — Фудзивара была очень недовольна. К тому же сильно волновалась, от чего акцент прорезался всё сильнее.

— Эх... всего лишь то, что мне сказала ты, — на меня очень строго посмотрели все японки, и пришлось пояснить: — Я сказал Анастасии Николаевне, что ты сказала мне, что она будет рада со мной поговорить.

Глаза девушки округлились. Она прикрыла лицо ладонью и усталым голосом спросила:

— Анта бака?

Этот вопрос я, как любой смотревший аниме хоть раз в жизни, понял и на японском.

— Да, видимо я дурак. Им и останусь, если ты не назовёшь уже причину такой реакции что у вас, что у неё, — немного накипело уже. Если Хана не объяснит мне, в чём дело, то я просто свалю из этого великосветского дурдома.

Сестра сила ко мне на скамейку. Только я попытался встать, как она тут же уложила меня обратно. Но под головой теперь оказались не твердые и холодные доски, а тёплые и очень мягкие и бёдра сестры. Всякие странные мысли — прочь из головы!

— Глупый. Всё тебе объяснять надо, — погладила она меня по волосам. Со спокойным и даже нежным голосом. Я сразу же успокоился, одним долгим выдохом выпустив всё накопившееся за день раздражение.

— Прости уж. Какой есть.

— Ничего страшного. Просто из-за твоих слов Настя теперь никак не сможет принять тебя к себе. Хотя она этого очень хотела.

— Почему? — ещё немного поглаживаний по голове, и я замурлычу.

— Из-за репутации. Она не может признать, что хотела видеть тебя среди своих подданных. Ты должен был напроситься к ней, она должна была подумать пару дней и только потом ответить.

— Как всё сложно...

— А как ты хотел? Она же не простолюдинка, а княжна императорской крови, — вроде теперь я понял, в чём дело. Ну и дурак!

— Вот я накосячил, конечно. И тебя подставил, — гладить меня перестали. Видимо, русский жаргон сестре не особо понятен. После где-то минуты тишины она сказала:

— Тебя хотел видеть Андрей Витальевич.

— Ему я тоже должен сперва набиться в собеседники? — тут даже Ако не сдержала смешка. Отсмеявшись, сестра пояснила:

— Нет. К нему можно и так. Это насчёт каратэ.

— Ну и что нам с ним обсуждать по этому поводу?

— Спроси у него, — убрав руки с моей головы, Хана дала мне встать. А мне не хочется, совсем: — Давай. И постарайся не нервировать Настю.

Эх, пришлось мне всё снова сунуться в зал. Надеюсь, Анастасия Николаевна не вытащит меня за шиворот на

улицу, а даст спокойно поговорить с Ушаковым.

Перед тем же, как показаться на глаза дворянам, я некоторое время помялся у дверей, собираясь с духом. Надо было идти, а то мог потерять ещё одну возможность за этот вечер. Я сделал шаг через порог, и он был для меня тяжелее всех пройденных от набережной до особняка лестниц.

Благо, Андрей Витальевич оказался практически у самого входа. Откинув свою совпадающую на глаза чёлку, он извинился перед собеседником и подошёл ко мне сразу, как увидел:

— Иван, наконец-то! А я вас везде ищу, — вместе с рукопожатием Ушаков положил мне руку на плечо и повёл обратно на улицу. Отойдя подальше от тех, кто уже развесил свои любопытные уши — а таких оказалось на удивление немало — мы начали наш разговор.

— Ваня, перво-наперво поздравляю тебя с победой, — Андрей Витальевич решил зайти издали и всячески меня подготовить к предложению: — Ты очень долго к этому шёл и наконец-то получил давно заслуженный титул.

— Спасибо вам, Андрей Витальевич!

— Не за что. Но я тебя не поздравить лишний раз хотел, а позвать к себе в додзё, — вот как. Я немножко застопорился от такого внезапного приглашения: — Я не тороплю тебя с решением, но тебе надо расти дальше. Дмитрий Олегович это понимает. Более того, это его идея.

Меня это удивило ещё сильнее. Третий дан сообщает первому, что учить того больше нечему. Причём через другого человека, что самое странное.

— Андрей Витальевич, можно я сперва поговорю с Дмитрием Олеговичем по этому поводу?

— Разумеется. Я ведь сказал, что не тороплю тебя с решением. А теперь, если позволишь, я пойду выполнять свои обязанности. До встречи!

— До свидания! — интересные дела. Слишком уж. Завтра же пойду в додзё и всё выясню у тренера. Я пока всерьёз не планировал переезжать в Смоленск — так, были мысли об учёбе, да и только. С другой стороны, это выглядит совершенно логичным шагом на моём жизненном пути.

Следующие полчаса я потратил на поиск занятия себе до конца вечера. Даже для меня уже было очевидно, что после устроенного мной нормальные дворяне не захотят иметь никаких дел даже с чемпионом. Ненормальных же на вечер просто не позвали. Поиски окончились на набережной, где я вновь встретил Фудзивару. Та о чём-то оживлённо говорила по телефону на японском. Для меня предмет разговора остался загадкой. Но интересно, что могло вызвать у довольно спокойной Ханы волнение и разговор на повышенных тонах?

Когда телефонный разговор закончился, я подошёл сестре:

— Надо будет мне как-нибудь выучить японский. Кстати, где Ако и Юко? — отсутствие близняшек прямо-таки бросалось в глаза. Обычно они разве что не держали в Фудзивары под руки, настолько были неразлучны со своей госпожой.

— Отошли ненадолго. Зачем тебе учить японский? — спросила девушка с видимым любопытством.

— Когда-то хотел переехать в Японию, — озвучил я своё желание из прошлой жизни. Почему бы нет, собственно? Я может и сейчас хочу, просто меня в Российской Империи всё более чем устраивает. Хана задумчиво протянула:

— М-м-м... А сейчас уже не хочешь?

— Обстоятельства изменились, — мой уклончивый ответ вызвал ещё больший всплеск любопытства у сестры. Глаза девушки сузились сильнее обычного, так, что их цвет перестал казаться таким же голубым, что и у меня. Гораздо темнее. Или же мне это только показалось?

— Какие у тебя были обстоятельства раньше?

Ну вот. Придётся что-то выдумывать. Я научился немного врать за эти восемнадцать лет своей жизни. Но почему-то подумал, что уж кто-кто, а сестра мою ложь раскроет на раз-два. Ещё мне немного интересно, что она ответит, когда услышат правду.

— Раньше я жил в другом мире, а после смерти переродился в этом.

Хана долго смотрела мне в глаза. Немного страшно даже стало, вдруг она поверила, и у меня теперь появилась огромная проблема. Мало ли, вдруг дворяне и правда знают о том, что некоторые люди могли прибыть в этот мир из других измерений? К моему облегчению, девушка всего-навсего со смешком сказала:

— Раз не хочешь говорить, то так бы и сказал. Но не жди теперь, что я буду помогать тебе с японским, — улыбка Фудзивары сквозила неприкрытой неискренностью. Может, она и хотела бы мне поверить — как-никак всем известно, что загробная жизнь существует, и совсем отбрасывать возможность перерождений нельзя — но не могла. Это было слишком невероятно даже для такого мира.

Надо сменить тему. Иначе неловкость разговора будет лишь расти, пока мы оба не сгорим напрочь от стыда.

— Как там Анастасия Николаевна? Всё ещё в обиде на меня?

— Да. И будет обижена на тебя ещё долго. Не рассчитывай на быстрое прощение, — как я думал. Молодец, Иван Ронин! Ты восемнадцать лет держался, прежде чем всё-таки засрал себе новую жизнь. Можно считать это

твоим новым рекордом. Главное чтобы не случился эффект домино, которой угробит твою жизнь ещё сильнее. Боже, как же мне хочется, чтобы этим вечером всё и ограничилось!

— Вот я идиот, всё-таки...

— Идиот или же нет — неважно... Я хотела узнать, не хочешь ли ты перебраться в Смоленск?

Сегодняшний день весь насыщен какими-то неожиданными событиями и разговорами. Совпадения или меня судьба решила крепко потрясти, взяв за шиворот?

— Пока не знаю. Но скорее всего да, — сперва разберусь с переводом из додзё Дмитрия Олеговича к Андрею Витальевичу. Вот после этого уже можно будет думать о переезде.

Фудзивара с довольным видом хлопнула в ладоши:

— Хорошо! Потому что я как раз с кое с кем договорилась об аренде одного домика неподалеку от центра. И без кого-то из местных нам будет нелегко.

— Вам? Это кому это?

— Всем, кто со мной приехал, разумеется. Думаешь, я буду жить без охраны?

Вариант переезда в Смоленск заиграл новыми красками. Жить под одной крышей с толпой красивых девушек. С Рёто... Это звучит очень заманчиво. И уже готов согласиться.

— Понял. Поговорю только с Дмитрием Олеговичем да с родителями. Возможно, я даже сумею поступить в Смоленский университет, чтобы не болтаться без дела, — сколько, оказывается, хороших возможностей у меня есть. Даже без службы дворянам! И чего я раньше не обдумывал такую возможность всерьёз? Наверное, опять из-за своей проклятой боязни совершить что-то по-настоящему способное изменить жизнь.

— Вот и умница... Кажется, вечер закончился. Ты так и не нашёл кого-нибудь, кто принял бы тебя к себе? — я помотал головой, и Хана в очередной раз вздохнула: — Что-нибудь придумаем! Нельзя, чтобы из-за одного поступка вся жизнь пошла прахом.

— Ты права, сестричка! — приобнял я её за плечо: — Рано я нос повесил.

— Что сделал?.. — недоуменно посмотрела на меня Фудзивара.

— Нос повесил. Опечалился то есть. Впал в уныние, ну и всё такое, — пояснил я девушке, и у той задорно заблестели глаза:

— Подучишь меня русскому, раз будем жить вместе?

От поместья Романовых до дома я добирался на одной из машин, что была в кортеже княжны. Видимо, на меня хоть и обиделись, но решили сделать одолжение Хане. Сама сестра отправилась в арендованный особняк на другой машине. Я доехал ещё до того, как на Дорогобуж спустились сумерки. Родной дом встретил меня сытным ужином — мать знала, что я обожаю макароны с мясом.

После еды настало время серьёзного разговора. Кухню к тому времени покинули все, кроме меня, отца и матери.

— Ну, Ваня, что дальше планируешь делать? — батя пошевелил усами. Самый верный признак того, что лучше мне говорить конкретные планы на будущее, а не какие-то абстрактные хотелки или рассказ, как я собираюсь провести вечер. Давно было пора, так что я собрал накопившиеся за этот вечер мысли по этому поводу в кучу и, сделав лишний глоток чая, ответил:

— Хм... Хана позвала меня в Смоленск. Думаю переехать к ней, а там уже поступлю в университет да продолжу заниматься каратэ. Открою своё додзё и буду учить младшее поколение, — в общем-то, иных вариантов с моими достижениями у меня и нет. Отца это, как ни странно, несколько напрягло. Он отставил кружку в сторону и упёрся в меня пронзительным взглядом. Смотрел не как отец на сына, а как офицер на косячного солдата.

— А что насчёт дворян? Ты думал о таком варианте? — видя, как я закатил глаза, отец тут же изменил тон: — Не подумай плохого. Просто... это нормально для тех, кто что-то может... Ты меня понял, короче.

Я понял. И даже заметил, что батя проглотил свой привычный матерок. Как бы только ответить, чтобы не выглядеть дураком в глазах своих родителей. Вот не люблю юлить и обманывать. В прошлой жизни ложь меня ни к чему хорошему не привела.

— В общем, думаю, что с дворянами у меня ничего хорошего не выйдет.

— Да ну ёпт, как так-то? Ты же чемпион! — на лице отца проявилось даже не удивление — возмущение.

— Вот так вот получилось, — я развёл руками в стороны: — Сам виноват в своих проблемах.

На кухне повисло напряжённое молчание. Родители смотрели на меня не мигая. Я же напротив, прятал взгляд, словно нашкодивший щенок. Наконец батя, надув усы, вынес своё решение:

— Ладно. Раз Хана зовется, собирай вещи да переезжай, — на моё счастье отец, скрепя сердце, решил не задавать неудобных вопросов. За что ему большое спасибо.

— Хорошо. Пойду набивать сумки, — я вышел из-за стола и отправился в свою комнату. На спине чувствовались взгляды, и стоило только начать подниматься по лестнице, как послышался оживлённый спор отца и матери.

У двери в свою комнату я встретил Пашу. Брат стоял с довольно грустным выражением лица:

— Что, уже уезжаешь?

— Похоже, что да. Чего тянуть кота за это самое?

— С Ханой жить будешь? — в его голосе слышался не то укор, не то ещё что-то.

— Да. Она предложила поселиться с ними всеми. Какой-то дом арендовала, сказала, что со мной им будет полегче.

— Вот как... Ладно тогда, выходит, у тебя всё схвачено, — Пашка расстроился ещё сильнее. Что ж, я бы тоже грустил, соберись он переезжать от нас. Как-никак хороший друг в пределах семьи, без которого будет некомфортно.

— Как-то так, — пожав плечами, я вошёл в свою в комнату и достал спортивную сумку. Что там нужно? Одежда, мыльно-рыльные принадлежности, ноутбук и все прочие гаджеты с зарядными устройствами...

На шум от сборов прискакала Ульянка. Молча постояв у приоткрытой двери, младшенькая всё-таки решилась постучаться и заглянуть ко мне.

— Тук-тук! Чего делаешь?

— Да так. В Смоленск уезжаю. Хана позвала.

— Ну-у-у... — Уля сразу надула губы: — Ладно она. Но тебе уезжать зачем?

— Надо же твоему брату развиваться, расти дальше. Не то вместо прогресса будет сплошная деградация, — как же забавно она показывает свою обиду. Но самой сестрёнке было не до смеха.

— Оставайся, будем вместе деградировать, — я чуть не крикнул от смеха. Но увидев, как влажно заблестели глазки Ульянки, удержался. Вместо этого подошёл и по-отечески приобнял за плечи:

— Лучше ты приезжай ко мне. Вместе будем развиваться.

— Я на каратэ ходить не буду, если уедешь, — так, нечего её утешать, пора воспитывать.

— Ты это брось! У тебя ведь уже такие большие успехи, ты меня заткнешь за пояс скоро.

— У меня только жёлтый пояс... — младшенькая совсем погрузилась. Надо срочно что-то предпринять, а не

то ещё расплатится.

— Уже не белый. Это что-то да значит, — следует успокоить её какнибудь по-другому, раз это не убедило и она уже начала всхлипывать: — Вот что. Будет тебе шестнадцать лет, ты сдашь экзамен на чёрный пояс, и я увезу тебя в Смоленск. Хорошо?

— Но это же будет через целых девять лет! — ты права, сестрёнка, это будет нескоро. Что ж, озвучу что-то, что хотя бы похоже на мечту.

— И за это время я открою своё додзё. Буду учить других. Как раз ты приедешь и станешь моим помощником, — Ульянка перестала дрожать от обиды и загорелась моей идеей. И тут же задала вопрос:

— А если не откроешь додзё?

— Не могу не открыть. Обязательно нужно работать с учениками, чтобы получить второй дан, — чистая правда. Наш стиль обязывает любого претендента на вторую и выше мастерские степени проводить занятия. А уж с чемпионством за плечами мне насчёт учеников волноваться точно не стоит.

— Тогда хорошо, — сестрёнка не выдержала и всё-таки кинулась меня обнимать. Потрепав младшенькую по волосам, я закинул сумку на плечо и потащил в свой «Коррадо».

Наконец-то взрослая, самостоятельная жизнь вдали от родительского гнездышка! В прошлой жизни я себе такого аж до тридцати лет не мог позволить. Прогресс по всем фронтам на лицо.

Что же, завтра первым делом к Дмитрию Олеговичу, а потом уже поеду к Фудзиваре.

Набрал номер сестры. Пришлось немного подождать, видать, занята распаковкой багажа или чем-то ещё.

— Моши-моши? — послышался голос из трубки спустя полминуты гудков.

— Хана, привет. Я приеду утром. Где-то в девять часов, может в полдесятого, — адрес арендуемого дома она назвала мне перед тем, как мы расселись по машинам. По идее, дом этот совсем на берегу Днепра, чуть в стороне от крепостной стены. Красота, и опять же, рядом парк.

— А, хорошо. Я предупрежу охрану, чтобы тебя пустили.

— Понял. До завтра!

— Бай-бай!

Надо ли отучать Ханну от японских привычек в телефонных разговорах, или всё же оставить как есть? Немного это необычно, но ухо не режет. Да и в целом мило. Нет, не буду портить это японское очарование.

Утренний поход в додзё прошёл крайне быстро. Дмитрий Олегович сразу же разрешил переехать в Смоленск, подтвердив слова Андрея Витальевича. Кроме того, оказалось что он уже давным-давно написал рекомендацию, просто ждал подходящего времени, чтобы наконец отправить меня под крыло своих собственных учителей.

Попрощаться со мной вышла вся семья, кроме Ленки. Её и ночью не было — небось опять со своим парнем зависает. Я бы ему рожу начистил, гаду такому. Сестру мою портит, сволочь! Да... братская ревность даёт о себе знать. Не подумайте, я не из числа любителей особо тесных семейных отношений. Просто немного бесит, когда сестра ценит кого-то из парней больше, чем своих отца и брата.

На дороге все светофоры будто нарочно били красным светом по глазам. Пришлось добираться на добрых десять минут больше запланированного. Это притом, что к половине десятого пробок на дорогах уже не было. А в остальном же доехал без каких-то особенных происшествий.

Дом, что арендовала Хана, впечатлял. Не дом даже — особняк в три этажа, с высокой оградой и воротами, как положено. Колонны, нежно-розового цвета стены и общая схожесть со зданием, где проходил вечер в честь победителей. Сколько Фудзивара платит за всё это, чёрт побери? Я даже если полжизни батрачить буду, едва ли смогу обзавестись чем-то подобным хотя бы на пару месяцев. А она позвонила и договорилась об аренде, просто так!

Встретила меня Ако, явно довольная моим приездом. Пришлось извиниться за задержку, но меня легко простили — не моя ведь вина. Сестра выделила мне комнату в правом крыле здания на третьем этаже. Это я так говорю — комната. На самом деле целых три помещения, отделённых от остального здания общей дверью. Расположился с комфортом, понятия не имея, на кой ляд мне нужны такие площади.

После знакомства с домом — всё же лучше знать, где туалет, когда припрет — я отправился на поиски Ханы. Мне стоило обсудить с ней своё будущее, как-никак она меня сюда притащила. Да и посоветоваться насчёт скорого призыва фамильяров не мешало бы. Я в этой теме ни в зуб ногой.

Обнаружилась сестра в столовой. А вместе с ней — чернющий кот. От которого у меня по спине побежали мурашки. Похожее ощущение вызывал ворон княжны, но сейчас всё было несколько иначе.

— Всё хорошо? — японка смотрела на застывшего словно каменное изваяние меня с видимым беспокойством.

Я продолжал смотреть на кота. Он отвечал тем же. Словно между нами была какая-то связь. Пока безуспешно пытающаяся до меня достучаться Хана не отозвала своего фамильяра, ушедшего в тень хозяйки. Только после этого я смог наконец посмотреть на сестру, встревоженную моим поведением и видом:

— Ваня, ты как?

— А?.. Всё нормально... — сестра недовольно засопела, явно не веря моим словам.

— У тебя какие-то проблемы с фамильярами?

— Не знаю. Просто странное чувство было, когда смотрел ему в глаза, — Хана призадумалась. Не найдя достойного объяснения, лишь пожала плечами:

— Наверное, так оно бывает... От волнения. У тебя же скоро призыв своего собственного фамильяра?

— Да, через неделю.

— Ну вот. Должно быть из-за этого. Я тоже по-своему волновалась из-за призыва. Как видишь, зря, — её слова должны были меня успокоить, но почему-то беспокойство продолжало точить меня изнутри. Я словно знал, в чём причина на самом деле, просто никак не мог сформулировать... Даже не так, не мог уловить ту самую мысль, что всё бы мне объяснила. Размышления решил оставить при себе. Не хватало ещё, чтобы Фудзивара подумала, что мне совсем отбили голову. Пришлось соглашаться:

— Наверное, ты права. Кстати, что скажешь насчёт фамильяров?

— Хм? Что ты имеешь в виду? — приподняла сестра брови.

— Ну, как бы сказать... Кого посоветуешь призывать? — призыв фамильяра штука непростая. И у ангелов, и у демонов свои нюансы при заключении контрактов. Выбор, помимо всего прочего, важен не только с моральной, но и с практической стороны.

— Зависит от того, чем ты хочешь заниматься.

— Хана, я же уже рассказывал тебе свои планы, — сидя рядом с ней на набережной, я зачем-то тогда поделился своими мечтами. Которые позже рассказал родителям.

Девушка ненадолго призадумалась. Почему-то мне кажется, что ответ она нашла быстро, но долго подбирала правильные слова. Не то из-за всё ещё сохраняющегося языкового барьера, не то просто не хотела задеть.

— Простолюдинам, что решили в таком раннем возрасте открыть своё додзё, лучше всего должен подойти демон.

— Почему так? — на этот вопрос Фудзивара ответила чуть ли не моментально.

— Тебя попытаются прижать родовитые конкуренты, чтобы ты не забирал у них хлеб. Демон поможет тебе своей силой охотнее ангела, — интересно, это ещё почему? Вроде как же самозащита не предполагает ничего такого, что могло бы интерпретироваться ангелом-фамильяром как применение силы со злым умыслом. Озвучил сестре свои мысли по этому поводу, на что она ответила:

— Тут всё из-за одной тонкости. Ангел сам помогает тому, к кому он привязан. Демон же подчиняется хозяину полностью. На решение ангела уйдут секунды, за которые тебя могут убить. Тебе придётся вести очень хорошую жизнь, чтобы у ангела-фамильяра не было сомнений в твоих действиях.

— Надо же. Я этого не знал, — в школах объясняли кое-что насчёт фамильяров, но далеко не всё. Некоторые вещи точно замалчивают, и сестра подтвердила эту мою догадку.

— Во многих странах не говорят об этом. Не хотят распространения демонов. Они иногда ведут себя не так, как их просят, — зато вот об этом вещают из каждого утюга.

— Я читал, что у арабов с этими демонами несколько проще.

— А как они с ними борются? — спросила Фудзивара, явно никогда не интересовавшаяся Ближним Востоком.

— Замеченных в связях с демонами лишают силы и забивают камнями. До смерти, разумеется, — японка вздрогнула и побледнела. Видимо, представила себя на месте казнённых.

— Какой ужас...

— Зато практически нет демонологов. По прикидкам учёных, среди них больше всего тех, кто попадает в рай. И ангелы им помогают охотнее, если верить слухам. Как видно, против демонов работают только радикальные методы, — Фудзивара смотрела на меня с явным неодобрением.

— Только не говори, что ты их поддерживаешь.

— Их страны — их законы, — пожал я плечами. На этом разговор себе изжил, и тема больше не поднималась.

Неделя до призыва фамильяра пролетела как один миг. Я облюбовал для утренних пробежек Лопатинский Сад с цветущей сакурой. Деревья были подарены Смоленску в год открытия «Смоленск Будакан», около двадцати лет назад. Вклад смолян в продвижение японских боевых искусств по всей стране оценили так высоко, что некоторые из деревьев были привезены аж с территории императорского дворца в Токио! Хотя и без деревьев с красивой — под стать цветкам — историей было на что посмотреть. К сожалению, Рёто бегала в другое время, и компанию мне составляла только одна из близняшек — Аки. Зато, можно сказать, что мы с ней подружились из-за этого.

С Рёто выходило поговорить нечасто, но это были приятные минуты, заставляющие меня забыть ситуации с Асей. Я написал ей, что переехал в Смоленск. Она наконец перестала хранить молчание и ответила: «Я тоже переезжаю. В Вязьму. Отец выдаёт меня замуж за Олега Каширина. Прости, что не сказала тебе сразу. Надеюсь, у тебя всё будет хорошо.» Меня это порядком разозлило. Взбесило даже. Но ничего не попишешь. Я смирился с этим, восприняв наше расставание как знак, что мне и правда место в Смоленске. Хотя пытался писать ей ещё, но

улетел в чёрный список, что меня добило. Неприятно это всё, конечно, и осадочек остался неслабый. Но так уж вышло. Придётся стиснуть зубы и перетерпеть всё то, что кипело внутри. Как и в прошлой жизни.

И наконец настал этот день. Судьбоносный, меньше о нём и не скажешь. День призыва фамильяра. Конечно же, как и во все дни с важными событиями, всё валилось из рук и шло не по плану.

Проснулся я не от будильника, что был выключен мной в полудрёме, а от настойчивого стука в дверь. Недовольно посмотрев на время, я вскочил с кровати. Ещё полчаса — и я опоздаю даже концу призыва.

Наспех одевшись и закинув в желудок пару бутербродов, я помчался к машине. Не к своему «Коррадо», а арендованному Фудзиварой «Мерседесу», где меня уже ждали сестра и близняшки. Юко сидела за рулём, и как только я уселся на пассажирское кресло, девушка вдавила педаль газа в пол. Чудом избежав пары аварий по пути, мы добрались до места проведения церемонии призыва буквально за десять минут до окончания. Не успели бы — пришлось бы ждать целый год.

Пробежавшись от стоянки до величественного готического здания, выстроенного на месте соприкосновения реального и загробного миров, я добрался до главного зала с помощью одного из работников. Облачён он был, как и все прочие, в длинную чёрную рясу. Интерьеры Храма Призыва напоминали собор — всюду фрески, изображавшие сюжеты о соприкосании Рая и Ада с Землёй.

Последние из призывавших как раз заканчивали свои ритуалы с заключением контрактов — все с ангелами, как на подбор. Странными, светящимися фигурами с крыльями, всех форм и размеров. Описать увиденное мной невозможно. Осознать — тоже крайне тяжело. Можно было сказать только то, что Изекеииль был очень близок в своих описаниях.

Я по указанию жреца в белой рясе и с седой бородой по пояс, вышел в центр зала, к странной пентаграмме, опоясанной по кругу сотнями рун.

— Кого вы будете призывать? — спросил меня главный жрец.

Вот он. Час икс. Момент истины. Точка невозврата. Собравшись с духом, я положился на рекомендацию сестры и ответил:

— Демона.

Жрец посмотрел с неодобрением, но продолжил церемонию как положено. Прогрев нож над огнём, он дал его мне в руки.

— Пары капель крови будет достаточно, чтобы привлечь демона, что сочтёт вас достойным хозяином. Как только он явится — дайте ему опробовать свежую кровь из надреза. И не забудьте прочесть заклинание...

Тут у меня голова пошла кругом. Но вроде как всё запомнил и проговорил несколько раз про себя. Для пушей уверенности.

Проколов палец, дождался, пока капли крови упадут на край пентаграммы. Спустя пять секунд в центре разгорелось пламя. Жаркое, алое, страшное. И... знакомое.

Из огня появился крупный, похожий на человека демон с чёрными глазами, когтистыми лапами и похожими на небольшую корону рога. Вдохнув полной грудью воздух, он пошёл на меня, стуча копытами и размахивая хвостом.

Окружающие в зале ахнули. Похоже, это непростой демон, а очень даже сильный! Я очень доволен. Осталось дать ему попробовать свежей крови да прочитать заклинание контракта. Только что это за странное чувство в груди?..

Стоило гостю из Ада подойти для заключения контракта к краю пентаграммы, как мои руки сами собой легли на его рога. Резким движением я повернул демону голову до характерного щелчка, и тот, рухнув на пол, стал гореть и истаявать дымом.

Граф Воробьёв, оставив охрану позади, шёл по длинному тёмному коридору. Он уже опоздал на экстренно созванную встречу, но срываться с быстрого шага на бег себе позволить не мог. К тому же, попытайся он ускориться ещё — непременно запутался бы в полах своего похожего на судейскую мантию белого одеяния.

В круглом тесном зале с таким же круглым столом с единственной лампой в центре комнаты уже сидели трое коллег Петра Павловича — самые могущественные люди Смоленской области из числа тех, что избегали в своей жизни лёгких путей. Те, кто всегда опирались на силу ангелов, и положили свою жизнь на то, чтобы избавить хотя бы вверенные им земли от демонического присутствия. Сами себя они никак не называли, но среди приближенных за собраниями этих людей закрепилось неофициальное название — Совет Четырёх.

— А мы вас уже заждались, Пётр Павлович, — граф Булычев, напоминая своим видом увенчанную русыми кудрями прямую палку, пронзительно смотрел на опоздавшего своими серо-стальными глазами.

— Чаю не желаете? Печенье, увы, закончилось пять минут назад, — с глубоким голосом вторил Булычеву граф Загоровский. Полная ему противоположность — низкий и толстоватый брюнет, что даже усы свои, казалось, стрижёт под линейку. Насмешливые зелёные глаза кололи взглядом, словно кактус.

— Извините, господа. Был в отъезде, поздно узнал новость, — распинаться и раскланываться с извинениями он мог и на официальных мероприятиях. Здесь же была встреча тех, кто друг друга знал с самого рождения.

Последний из присутствующих, граф Ермолинский, решил не тратить время на колкости. Откинув со лба длинные светлые пряди волос и сверкнув своим орлиным взором, он предложил:

— Давайте о деле. Как думаете, это он свернул шею демону сегодня утром? — в центр стола, под самую лампу, полетела фотография Ивана Ронина.

— Если не он — то кто тогда? Я других людей, что убивали демонов голыми руками, не припомню, — Загоровский облокотился на стол, подперев подбородок обеими руками.

Воробьёв напряжённо думал. Нет, не было сомнений в том, что именно Ронин убил демона — даже видео с камер имелось. Граф посмотрел его по пути на тайную встречу.

Дело было в другом. Двадцать лет назад по всему миру разлетелась новость — около сотни магов, что работали с ангелами всю свою жизнь, были найдены мёртвыми в лесном лагере. Массовое самоубийство ядом на тайном слёте величайших магов, что смело могли звать себя светлыми и рассчитывать на месту в Раю. И вдруг все они взяли билет на ближайший рейс до Ада. Слухи ходили разные. Истина же была такой — вся сотня совершила самопожертвование, чтобы призвать из Преисподней душу, что сохранит воспоминания обо всех демонах и поможет миру избавиться от этой греховной чумы. До сегодняшнего дня их жертву считали напрасной.

Однако полной уверенности у Воробьёва не было:

— Если это он — нам следует с ним встретиться и спросить прямо, помнит ли он что-то про Ад. В этом был весь смысл, не так ли?

— Я вполне готов его принять. Но всё же хотелось бы быть уверенным полностью, что это не ошибка, — граф Булычев откинулся на спинку стула, покручивая пальцем прядь своих волос.

— Какие ваши предложения? — граф Ермолинский впился в Булычева немигающим взглядом.

— Я отправлю к нему одну из своих девочек. Она последит за пареньком и прикроет его, если вдруг что случится, — хрустнув похожими на паучьи лапки пальцами, Булычев продолжил: — Ведь не только мы будем рассуждать в таком ключе. Демонологи со всего Смоленска... Даже всей России сделают парня целью номер один, если он тот, кто нам нужен.

— Вы правы. Но я настаиваю на том, чтобы каждый из нас направил лучших людей на защиту Ронина. Приглядим за ним, и при первых же подозрениях на то, что это Тот-кто-помнит, возьмём его под свою опеку, — слова Петра Павловича по итогам встречи стали тем самым общим знаменателем, что устроил Совет Четырёх.

Вокруг — пылающая равнина, напоминающая одновременно и марсианскую поверхность, и Помпеи в день извержения Везувия. И так от горизонта до горизонта. С редкими скалами на пути.

Каждая из скал — крепость демонических ублюдков, в которых они веками мучали души грешников. Но этому скоро настанет конец. Спустя сотни или даже тысячи часов, но мы всё равно отобьём эти скалы. Мы бессмертны — и они бессмертны. Но нам, душам, терять в Аду ничего. Каждая секунда наполнена болью. Вены словно залито битое стекло, лёгкие разрывает на части от бесконечного серного удушья. Но мы не позволим, чтобы нас касалась боль от нескончаемых унижений. От обращения, как со скотом. Мы грешные души, но всё ещё люди. И мы поборемся за это чёртово пекло! Хотя бы ради того, чтобы увидеть сверкающие копыта своих бывших мучителей, убегающих в страхе.

И нас, и их — миллионы. Но демоны — привыкшие истязать беззащитных палачи. А людские души оттачивали навыки войны и выживания всю свою жизнь до загробного мира. Мы стоим плечом к плечу в пылающей огнём расселине, укрытые от стрелков Сатаны.

Я поднимаюсь первым, с горящим от воли к борьбе сердцем, и махом руки указываю на ближайшую из залитых стекающей лавой скал:

— Вы знаете, что делать! Мочи козлов!!!

В едином порыве тысячи душ поднимаются из своего горящего укрытия и начинают отчаянный забег. Каждый из нас вопит во всю глотку — так, что стены крепостей на всём круге Ада содрогаются от нашего крика.

На равнинах расцветают один за другим взрывы, выкашивая разом сотни моих верных товарищей. Не беда — куда они денутся из Преисподней? Проснутся в своих камерах и снова в бой. Каждая секунда загробной жизни должна быть посвящена этой борьбе за самую нашу человеческую суть — гордую и неsgiбаемую.

Неважно, кем ты был в своей жизни — здесь, на Войне Воли, каждый из нас брат или сестра другому. Нас убивают, и мы лишь с большей злобой бьём бессмертного врага в ответ. Потому что его хоть и нельзя убить, но возможно победить. Три отбитых круга Ада лучшее этому подтверждение. И мы будем теснить ублюдков до тех пор, пока я лично не обломлю рога Повелителю Ада.

Подбадривая себя — подбадриваю братьев и сестёр, издавая клич, которого враг боится до дрожи в своих мохнатых коленках:

— Волей победим!

— Согнём их нашей волей!!!

Рёв введомой армии разносится раскатом грома. Демоны стреляют, но уже не целясь. Мы их раздавим!

Ударом ноги сношу две каменные плиты, которые силятся удержать хилые бесы. Жалкое мясо, что задержит нас лишь на секунду. Коридоры и лестницы окрашиваются кровью врагов и товарищей. Бежим вверх, всё выше, навстречу хозяину твердыни.

Рыцарь или барон Ада? Судя по упорному сопротивлению — никак не меньше графа. Он может доставить нам проблем, но ничего страшного — и не таких уродов смешивали с грязью!

Увенчанные рогами черепа раздавливаются руками, словно спелые фрукты. Я по локоть в демонической крови. И я уже иду к дверям, ведущим в покои хозяина крепости. Ещё один удар ногой — и каменные плиты вылетают в рыцарей ада, что своими телами закрывают...

Огромный, краснее крови, с рогами в форме жуткой короны. Никаких сомнений — это герцог. С криком бегу на его когтистые лапы и...

— А-а-а! — с криком подскочил я на кровати, обливаясь холодным потом и трясясь всем телом.

Японки вокруг меня вскочили с криками, напуганные. С ничего не понимающим видом. Я заозирался, готовый порвать на лоскуты любого, кто мог оказаться демоном. А почему?..

Кровь медленно стала остывать, и я, кажется, пришёл себя. Хана, Ако и Юко смотрели на меня так, словно бы увидели поднявшегося из гроба покойника.

— Ваня, как ты? — подалась вперёд моя сестра. Глаза заплаканные, в трясущихся руках насквозь мокрый платок.

— Я?.. Хер его знает... Что за хрень со мной произошла? — прочие вопросы, например, как я оказался в своей постели, подождут. Надо понять сперва, что вообще творится.

— Я не знаю. Ты только-только успел вызвать фамильяра... — в глазах моих ощутило полыхнуло пламя, когда я вспомнил рогатого ублюдка перед собой. Девушки отшатнулись от кровати. Значит мне точно не показалось: — ... И ты его убил одним махом. Потом...

Хане явно тяжело было вспоминать произошедшее, но она пересилила себя и продолжила:

— ... Потом ты упал на спину и закричал так, будто тебя убивают, — сестра дрожала от одних только

воспоминаний о случившемся, тяжело дыша и всхлипывая.

— Что было дальше? — я опустил обратно в кровать. Стоять с кулаками наизготовку — не лучше, чем можно заниматься во время разговора.

Ответила вместо Фудзивары Ако, с еще более серьезным выражением лица, чем обычно:

— Тебя еле утихомирили. Обливали водой из ведер, пока ты не перестал метаться огнём во все стороны.

Чего?!.. Я же так не умею, я далеко не настолько сильный маг. Так, похвалиться иногда люблю, но реального толка от моих способностей — ноль.

— Обалдеть, конечно... — я спрятал лицо за ладонями, пытаясь понять хоть чуть-чуть, что за чертовщина произошла со мной.

— Это ещё мягко сказано. Мы тебя еле дотащили до машины втроём, и потом ещё вытирали насухо. А то ты был мокрый до последней нитки, — невесело ответила вторая близняшка.

— Простите, что так вышло...

— Было бы за что извиняться. Никто же не знал, что тебя на два дня оставит сознание из-за призыва фамильяра, — Хана села ко мне на кровать.

Я наконец посмотрел на себя внимательнее и заметил спустя минуты разговора, что всё это время был нагишом. Не врал, блин, когда говорили, что протирали меня насухо! Я стыдливо натянул на себя одеяло, чуть ли не до подбородка. Что вызвало смех у Юко.

— Похоже, ты приходишь в себя. Давайте дадим ему отдохнуть немного.

— Лучше поесть дайте, — предложил я. Желудок скоро начнёт сводить от голода, и мне бы этого не хотелось.

— Хорошо, сейчас всё будет! — сестра хлопнула в ладоши, явно довольная тем, что больше на напоминаю затравленного и раненого зверя. После чего вся троица покинула мою спальню, оставив меня наедине со своими мыслями.

Да... Ну я, конечно, и выдал. Сам не в силах понять, что случилось. Но кое-какие догадки у меня всё же возникли.

Этот кошмар и все другие, что я видел за свою жизнь — не просто сны с тяжёлым содержанием. Это что-то, намертво засевшее в моей голове, но напрочь стёртое, размытое. Может ли быть так, что я помню свою загробную жизнь, просто мозг не хочет этого осознать? Нет, это вряд ли. Откуда может быть в Аду восстание, скажите на милость? Если бы так обстояли дела в загробном мире, то вряд ли бы демоны позволяли себя дёргать прямо с полей сражений в этот мир. Как-никак, каждая пара рук на счету.

Накормили меня сытно. Хана и служанка хлопотали вокруг, словно мать у кровати тяжело больного сына. Сестра едва ли не порывалась кормить меня рисом с ложечки. Но всё же по моей просьбе успокоилась.

Покушав и поблагодарив заботливую сестру, я продолжил бессмысленно лежать в кровати. Делать ничего не просто не хотелось — не хватало силы воли даже поднять голову. В какой-то момент, когда начало темнеть, мне наскучило пялиться в потолок. Он хоть и был загляденье, но предел внимания к себе исчерпал ещё в первые дни моего пребывания в этом особняке.

Полез за телефоном — он лежал на тумбочке у кровати, где я его и оставил два дня назад. Почитать часик новости заряда вполне должно хватить.

Спустя несколько новостей, посвященных скандальному увольнению Павлова после окончания соревнований — то ли он сливал данные об особо важных гостях, то ли ещё что-то подобное — я наткнулся на заметки об инциденте с моим участием. Слава богу, упоминались только сами события, и моей фамилии или хотя бы фотографии найти было нельзя. Хорошо... Мне слава убийцы демона точно не нужна. И без того привлек к себе много внимания. Но вообще интересно, с чего это журналисты не растиражировали мою физиономию? Наверное, это Хана через Анастасию Николаевну надавила на издания, чтобы к нам в дом не ломались толпы ищущих сенсации идиотов.

Так, листая новости, я не заметил, как уснул. И сон мой был спокоен, как у младенца. Без всяких страшилищ или пепельных земель.

Утро началось с того, что меня кто-то толкал в бок, пытаясь разбудить.

— Ваня, просыпайся. Уже одиннадцатый час. Завтрак давно остыл.

С огромным трудом разлепив глаза, я посмотрел на Ако. В её взгляде читались одновременно и строгость и... ласка? Нет, мне точно со сна мерещится всякое. Наверное японка просто соскучилась по совместным пробежкам, а я, как настоящий непонимающий жизни — второй уже раз — паренёк выдумал себе всякую ерунду. Надо уже взрослеть и перестать в каждой девчонке видеть возможного партнёра.

— Встаю-встаю, — лениво зевнув на всё продолжающиеся толчки в бок, я поднялся с кровати. Совершенно забыв о том, что под одеялом, собственно, всё ещё несколько не одет. Мягко говоря. И осознал я это только только когда увидел на щеках Ако густой румянец и взгляд, направленный понятно куда.

— Прости-прости! — как и вчера, пришлось срочно укрываться одеялом. И только сейчас она отвернулась. А

до этого стояла как загнипнотизированная.

— Ничего... Я же уже вчера всё видела, — о Господи, это что, ухмылка у неё на лице? Какой конфуз, какой позор! Японка же, прокашлявшись, сообщила:

— Звонил Андрей Витальевич. Очень хочет тебя видеть в своём додзё и ждёт на первую тренировку этим вечером.

— Вот как. А я планировал бить баклуши весь день, — на самом деле надо было привести мысли в порядок. Понять, как жить дальше без фамильяра и с подозрениями насчёт воспоминаний из Преисподней.

— Хочешь, мы пойдём с тобой? — предложила вдруг Аки. Теперь отказываться как-то некрасиво, раз предлагают хорошую компанию.

— Я буду только за. Надо только сумку собрать.

— Тогда договорились, — девушка с едва уловимой улыбкой покинула комнату. Видимо, для этого она и пришла меня будить, а вовсе по тем причинам, что я уже успел себе придумать в глубине души.

Часы до вечера галопом пробежали один за другим. И вот пришло время ехать в додзё Андрея Витальевича. Компания у меня подобралась хорошая — обе близняшки, Хана, и ещё парочка. Её телохранители — коренастые парни Рюдзи и Тетсуо, похожие друг на друга не меньше, чем Аки с Юко. Но не братья и даже не однофамильцы. Жалко только, что Рёто с нами не едет. Оказалось, что она занимается не каратэ и даже не ещё каким-либо японским боевым искусством, а корейским тхэккёном. Я о таком услышал впервые — по объяснениям девушки вроде как предок более современного тхэквандо. И хотя я настаивал, что все азиатские единоборства вышли из общих китайских направлений, она отказалась. Очень-очень жаль.

В додзё, расположившимся по соседству со «Смоленск Будокан», Андрея Витальевича не оказалось. Что странно. Но раз уж приехали — глупо не посетить тренировку. Тем более что вела её Такахаси Аки — живая легенда мира межстилевых чемпионатов, в свои сорок лет имеющая шестой дан.

У меня даже закралось подозрение, что Ушаков специально позвал меня именно на эту тренировку. Ведь Такахаси — очень занятая особа, разъезжающая по всему миру в поисках новых талантов для своей школы боевых искусств. Наверное, благодаря своему авторитету она была не менее влиятельной персоной, чем моя сестра.

Занятие прошло очень бодро, несмотря на то, что вчера я был в совершенно разбитом состоянии. Разминка, техники, ката. Больше всего это напоминало не тренировку, а семинар или какой-нибудь мастер-класс.

Такахаси-сенсей отошла в сторону, когда начались спарринги. Оценивала наши возможности, искала кого-то, кто ей подойдёт. Хотя наверное слово сенсей по отношению к ней употреблять неправильно. Шихан — так зовут самых старших в учителей, достигших вершин мастерства.

Спарринги с Рюдзи и Тетсуо, несмотря на их второй и третий даны, прошли очень легко. Телохранители либо давно не практиковались, либо не хотели втаптывать меня в татами.

Зато в боях против близняшек было тяжело. Юко скакала как газель по всему полю боя, отвечивая мне меткие пинки вполсилы. Однако, если бы я мастерски не укрывался от её ударов, определённо поплыл бы. Половина силы этой японки была примерно как треть моей собственной. Что при нашей почти двукратной разнице в весе для меня неутешительно.

Кое-как устояв перед первой из близняшек, я готовился сокрушительно проиграть второй. Если Аки в бою также серьёзна, как в жизни — у меня огромная проблема.

Поклон друг другу, и спарринг начался. Аки, в отличие от своей сестры, не металась на с одного края татами на другой. Её ноги уверенно опирались на землю при каждом шаге, отчего она в каждый момент времени стояла так же непоколебимо, как вбитая в землю свая.

Легонечко попробовал её защиту рукой, нагло пользуясь преимуществом в росте и длине конечностей. И сразу же получил щелчок по носу, чувствительный и обидный. Словно в насмешку следом меня погладили ударом по голове.

Так просто выиграть бой у Аки мне точно не удалось бы. Я-то привык драться на контратаках, но стремительная японка билась и отходила прежде, чем я успел что-то сделать ответ. Но я же чемпион Российской Империи, хоть и среди юношей! Нельзя было отдавать победу всухую.

Я начал изучать движения Аки. В какой-то момент, когда девушка вновь подскочила ко мне для резкого удара, я подался вперёд и сшиб её всем телом. Крепкая стойка подвела японку, и она завалилась спиной на татами. Но не сдалась — мне прилетело по ногам и я упал следом, стараясь не задавить Аки своим весом.

Чудом удалось — я на четвереньках каким-то образом навис над ней. Если бы завязалась борьба — ей бы точно пришёл конец. Но мы оба впали в ступор. Лицом к лицу, тяжело дышащие, разгоряченные.

Судившая все наши бои Хана остановила спарринг и привела нас обоих в чувство:

— Эй, потом налюбуетесь друг другом! Аки, ты проиграла.

— Фукода... — что-то произнесла вторая близняшка на японском, явно раздосадованная результатом. Хотела реванша хотя бы через свою сестру, хех! Увы. Хотя Аки была ближе всех к победе этим вечером. Во всех смыслах,

что приходили в мою голову.

С шутками и прибаутками занятие подошло к концу. Это был очень интересный и ценный для меня опыт, который я не постесняюсь использовать на ближайших соревнованиях. А то и на экзамене на второй дан, чем чёрт не шутит!

Мне определённо есть ещё куда расти, но опыта моего хватает на то, чтобы уделять телохранителей сестры. Рюдзи с Тетсуо, как оказалось, не играли в поддавки, а на самом деле ничего не могли со мной поделать. Какой-никакой практический результат!

На выходе из додзё мой взгляд на несколько мгновений зацепился за скучающую симпатичную блондиночку в коротких джинсовых шортах. Вернее было бы это назвать трусами странного фасона — столь короткие они были, прикрывая собой примерно ничего. Красная куртка скрывала практически всё тело девушки. Пронзительный взгляд её изумрудных глаз направлен прямо на меня. Стоило помотать головой, как симпатяжка вскочила на свой спортивный мотоцикл в тон куртке и, заставив мотор взречь, улетела с улицы в мгновение ока. Что это было? Показалось, или она наблюдала за мной?

Несмотря на всё произошедшее, жизнь пошла своим чередом. Японки старались не вспоминать о случившемся в Храме Призыва, а я свою очередь не хотел нисколько эту тему обсуждать. Спасибо Хане, что она своего фамильяра при мне старалась держать в тени, чтобы он не попадался на глаза и не нервировал лишней раз.

Мучившие меня кошмары не появлялись с тех самых пор, как я увидел тот чудовищно реалистичный кошмар, что пришёл ко мне, пока я лежал два дня в беспомощности. Немного непривычно и странно — хотя бы раз-другой в неделю дурные сны меня посещали. Но я не жаловался. Лучше уж у меня будут спокойной ночи, даже продолжительная горячка с прилюдным убийством демона не такая уж большая цена за крепкий сон.

Утром пробежка, днём подготовка к поступлению в университет, вечером тренировка в додзё. И так день за днём целую неделю.

Разнообразие в рутину внёс Андрей Витальевич, приехавший на пятый день. После занятия он отвёл меня в сторонку и спросил:

— Ну как тебе у нас, Ваня? Всё устраивает?

— Очень хороший зал, Андрей Витальевич. Особенно в плане заезжих мастеров. В Дорогобуже такого не бывает, дай бог вы нас посетите раз в году, — новое додзё и вправду было шикарным, и Ушаков отлично это знал. Так что отреагировал я достаточно скромно. Зачем перехваливать что-то хорошее без особой на то надобности? Но мой новый тренер немного обиделся на мои слова:

— Вот значит как. Я не устраивал тебя как мастер всё это время?

— Нет, что вы, я просто имел в виду, что Такахаси-сама... — начал было я оправдываться, но Ушаков только посмеялся.

— Я шучу, Ваня, расслабься. Меня ты обидеть не сможешь, даже если очень захочешь.

— Я точно не захочу, — ответил ему с поджатыми губами. У отца подхватил эту привычку, что ли.

— Тем более. Такахаси-сама, между прочим, хорошо отзывалась о тебе и твоих подругах. Кстати, где они? — поискал Андрей Витальевич гостей из Японии взглядом: — Сегодня не пришли?

— Они составили мне компанию в первый день. Сейчас заняты своей работой, — Хана и правда была занята в последние дни чем-то, о чём я мог только догадываться. Даже как-то обидно, что сестра мне не доверяет. А с другой стороны, такая особа вполне могла ворочать делами межгосударственной важности. Тогда я получил шёлчок по своему любопытному носу вполне заслуженно. И близняшки, что более подозрительно, не отходили от неё ни на шаг. Разве что в туалет и ванную вместе с ней не ходили. На счёт последнего, прочим, не уверен. Как минимум раз я слышал усиленный эхом девичий визг, который моя бурная фантазия сразу же превратила в картину весьма и весьма пикантного содержания. Давненько я таких вещей не думал.

— Работают, значит, — выдернул меня из полёта фантазии Ушаков: — Очень жаль. Не подскажешь, кто они? Мне Такахаси-сама почему-то не захотела рассказывать.

— Хана Фудзивара и её охранницы. И ещё с нами были в тот день два парня, тоже её телохранители, — Андрей Витальевич изменился в цвете — не то побелел, никто посерел. Так или иначе, имя сестры заставило расслабленного тренера встряхнуться.

— Прошу простить меня за любопытство — как так получилось, что вы с Фудзиварой-сама оказались в одной компании? Насколько мне известно, вы не состоите у неё на службе.

— Андрей Витальевич, вам не за что извиняться. Я вообще никому не служу. Мы с Ханой — дальние родственники, — глаза Ушакова полезли на лоб от удивления. И тут же встретились с этой его вечно болтающейся чёлкой.

— Ничего себе... такого я о вас не знал, — ничего себе — это мои слова. Бедный мой тренер, с удивления даже на вы перешёл. А ведь он тоже не последний человек, к тому же теперь мой тренер. Вполне может и на ты обращаться.

— Так вышло. Я сам этого не знал до недавнего времени, — пожал я плечами. Пора мне заканчивать этот пустой трёп да идти домой. Не то девчата будут волноваться: — Простите Андрей Витальевич, но мне надо идти.

— Да-да, конечно. До свидания, — кивнул мне Ушаков.

— До свидания, — поклонившись, я отправился домой, к своим японкам. Ну как к своим, это я уже маху дал. Просто к японкам, что были мне хорошими подругами. И к японцам тоже, куда же без мужской части охраны?

К сожалению, с тех пор Андрей Витальевич перестал относиться ко мне по-отечески, сменив свой тон на более официальный. Не буду лукавить — будет не хватать некоторой теплоты в общении с Ушаковым. Приятно, когда тебя уважают за твои личные заслуги, с полным осознанием, что тобой гордятся. И как-то противно, если вежливость вынужденная, с оглядкой на знакомства, семью, родню и прочие связи. Но сделанного не воротить, придётся жить дальше без тёплых подбадривающих слов тренера. Ещё одна ложка дёгтя в бочке связанного с

переездом мёда. Что-то многовато его становится, хочу заметить. Как бы я не пожалел о том, что принял предложение сестры.

И вот спустя неделю после первого посещения додзё, впятером мы сидели в столовой нашего особняка и уплетали ужин под шум телевизора — я, сестра, близняшки, Рюдзи. На столе — блюда из японской кухни. Я как раз распробовал кацудон — вкусная штука, хотя на вид в нём намешано чёрт-те знает что. За окном — похожая на салюты торопливая канонада. Не иначе как свадьбу празднуют. На экране — новости. Опять Китай требует от Японии вернуть ему восточное побережье. Это уже тянется бог знает сколько времени, от самой Великой войны, и конца-края этому нет. Японцы вцепились в материковые земли Китая и Кореи с такой силой, что вряд ли они их когда-то отдадут. Так уж было решено в своё время коалицией из России, Британии и США, что не желали отдавать друг другу и сантиметра азиатских территорий. Японская Империя отчаянно сопротивлялась, но у неё не было ядерного оружия, а вот у членов коалиции... В общем, не избежала Страна Восходящего Солнца бомбардировки и в этом мире. Пришлось вернуть хотя бы часть земель Китаю.

Затем последовал сюжет об очередных столкновениях на границах Израиля. Некоторые вещи не меняются. Хотя в этом мире Израиль — не самостоятельное государство, а республика в составе Британской империи. Пусть и с широчайшей автономией. Виновато в этом опять-таки дворянство со своим магическими силами, не желающее так просто расставаться с подчинёнными территориями. Хотя кто знает, может, так и задумано? В любом случае, даже протекция крупнейшей из империй не особо помогла поддерживать мир на священной земле.

Неожиданно очередной сюжет прервался экстренным включением с места событий. Хана даже вздрогнула от того, как оно громко ударило по ушам. На экране появилась корреспондентка с рыжими кудрями и недурной внешностью. Её лицо выражало крайнюю степень тревоги.

Ведущая сообщила:

— Экстренный репортаж. Как нам сообщают, в Смоленске на Благовещенской улице в течении последних пяти минут не стихает стрельба. Анна, пожалуйста, расскажите зрителям, что вы видели.

— Здравствуйте, Мария! Как вы и сказали, на Благовещенской улице, недалеко от собора пять минут назад раздались выстрелы. очевидцы посчитали это бандитской разборкой, но затем выяснилось, что был совершён призыв... Несанкционированный призыв демона.

Мои кулаки сами собой сжались до хруста. Я, не особо себя контролируя, встал из-за стола. Взгляды с экрана переползли на меня. А я всё смотрел репортаж, внимательно и неотрывно.

— Отряды Инквизиции уже практически на месте. К дому, в котором демон вырвался из-под контроля, стягиваются бронетехника и вооруженные отряды. Полиция оцепила место происшествия и эвакуирует последних пострадавших из близлежащих домов... Кажется, сейчас начнётся штурм дома!

Камера сместилась, перестав снимать корреспондентку на фоне Успенского собора, и выхватила один горящий дом в три этажа. С шипением в окно в здания влетела реактивная граната. Гулко ухнул взрыв. Потом звук повторился.

Это было не эхо. Взрыв недалеко, меньше чем в километре от нашего особняка. Чёртовы демоны! Как же хочется их уничтожить! Чтобы ни единой твари не осталось! У меня под носом, считай, такое устроили!

— Ваня! Ты как? Всё хорошо?

Помотав головой, я пришёл в себя. Японцы смотрели на меня, как на тяжелобольного. В особенности сестра и Аю.

Взрывы и выстрелы всё продолжали раздаваться и из телевизора, и с улицы, пока Анна наконец не объявила:

— Похоже, что инквизиция справилась с демоном. Обстрел здания уже прекратился, и в дом направились маги под прикрытием ангелов. Мы продолжаем следить за развитием событий.

— Спасибо, Анна!.. К другим новостям, — ведущая продолжила выпуск с большой тревогой на лице. Похоже, демоны не под контролем — действительно страшная и опасная вещь. Как минимум из-за того, что в городе на такой случай держали кучу бронетранспортёров, и самого гостя из Ада разнесли гранатомётами вместе с домом.

Хоть демона и убили, меня всё равно потряхивало. Вот же прицепилось это беспокойство! Всё никак не могу понять, что со мной не так. Когда после ужина все уже разошлись по своим спальням, я тупо смотрел в потолок и с каждой секундой закипал всё больше. Наконец, решил успокоить нервы самым верным способом — ночной поездкой под бодренькую музыку.

Надев спортивки, спустился на первый этаж, где встретился с Рёто.

— Куда-то собираетесь? — спросила она меня, и я с кивком ответил:

— Да так, освежиться хочу. Сделаю круг-другой по окружной и вернусь, — как же приятно встретиться именно с ней. Сразу же стало легче. Жаль, не настолько, что мне захотелось бы отказаться от ночных покатушек. Шальная мысль пришла в голову, я поинтересовался: — Не хочешь со мной прокатиться?

С лёгкой улыбкой девушка вздохнула:

— Простите, но мне надо делать свою работу.

— Эх... Ну нет так нет. Увидимся через пару часов!

Усевшись свой «Коррадо», я медленно выехал из гаража и отправился в город. Правда, пришлось сперва поболтать с Тетсуо, что сегодня дежурил у ворот, но это была недолгая задержка.

Смоленск, как и всегда в такой час, радовал меня морем неоновых огней. Бары, клубы, магазины — всё светилось и ласкало глаза. Разве что собор да «Смоленск Будокан» обходились классической подсветкой прожекторами. Красота!..

За рулём я быстро пришёл в себя. Мысли о Преисподней, её жителях и их визитах в наш мир растворились, словно дым из выхлопной трубы моего стального скакуна. Наверное, вожделение можно при желании назвать своеобразной формой медитации. Так хорошо оно успокаивает и даёт упорядочить мои мысли. Полностью довольный, я выехал наконец на окружную трассу. Моя поездка продолжила бы оставаться столь же умиротворяющей, если бы на полупустой дороге мне вдруг не начали мигать дальним светом из машины позади.

В зеркало заднего вида я разглядел мощное даже на вид авто неизвестной мне марки. Больше всего оно походило на какой-то спортивный «Мерседес», но точно им не было. Уж постыдился бы вызвать меня на дуэль, оседлав столь породистого зверя, хех. Нет, во мне точно говорят не то гены, не то воспитание отца. Уж если хочет погоняться со мной — почему бы и нет? Вдруг за рулём «Не-Мерседеса» окажется такой же невезучий соперник, как и в прошлый раз?

Стоило помигать аварийкой, как чудо-агрегат тут же поравнялся со мной, утробно рыча двигателем. Нет, на этот раз соперник точно не такой растяпа. Типичный мужик, про которых в моём родном мире говорят обычно — кабан. Лысоватый, толстоватый, да ещё и при деньгах — чем не мечта одинокой женщины за тридцать?

Глаза этого кабанчика округлились, когда он увидел моё лицо. Узнал что ли? Вполне мог — всё-таки я чемпион весьма популярных соревнований. Но причина оказалась совершенно другой.

Крутанув руль вправо, водитель «Не-Мерседеса» попытался ударить меня в бочину. Мой «Коррадо» спасло только то, что я долбанул по тормозам. Взвизгнув шинами, машина почти сразу же остановилась, лишь чуть-чуть вильнув задом. Мужик, не справившись с управлением, ушёл в неконтролируемый занос. Покрышки нестерпимо кричали, но удержать спорткар на трассе не смогли. Машина полетела в кювет днищем кверху.

Чёртов кретин! Теперь вызывай ему скорую, эвакуатор... Хорошо ещё если полиция не станет портить жизнь ложными подозрениями в мой адрес. Ублюдок тупой, если ты копыта отбросишь, я тебя на том свете найду и зашибу!

К огромному моему облегчению, кабанчик вылез из машины, осоловело озираясь по сторонам. Даже лба не расшиб! Хоть где-то молодец, раз ремни пристёгивает.

— Дядя, ты как? Может врачей тебе вызвать, или сам справишься?

Окрик заставил мужика обернуться в мою сторону. Его глаза тут же вспыхнули совершенно первобытной яростью.

— Ты-ы-ы!.. — заревел он и попёр прямо на меня.

— Дядя, у тебя с башкой беда? Ты меня сам чуть не убил! — моё возмущение мало интересовало неудачливого гонщика. Он всё шёл на меня, и я приготовился было давать отпор, но тут...

Из тени мужика появился чёрный пёс, обернувшийся в следующую секунду в лохматое чудище с собачьей головой и большими рогами. Демон!

Кровь вскипела вновь, за один только краткий миг. В сознании не осталось ничего, кроме этой твари. Перед глазами замерцали горящие пепельные пустоши...

Демон взвыл волком, выгибая свою мохнатую спину. Я заорал в ответ, готовясь к бою не на жизнь, а на смерть.

Первым ко мне бросился мужик. Кулаки его были объаты пламенем. Маг-демонолог! Еле уворачиваясь от смертельно опасных ударов, я отскочил назад. Мразь! Хрена с два я тебе дамся!

Уклонившись от очередного удара, я пнул мужика по ноге. Пяткой, прямо во внутреннюю боковую сторону колена. Со всей силы и злости, что были в тот момент.

Демонолог упал, срубленный невероятной болью от разрыва коленных связок. Как только он сознание не потерял?.. А, всё-таки вырубился.

Собакоголовый демон, оставшийся без контроля, вновь завыл и встал на четыре лапы. Ну всё, сука, я тебя уничтожу! Лёгкой смерти не жди!

Демон бросился с такой скоростью, что я не успел отскочить в сторону. Только перекрыл удар предплечьями. Несмотря на то, что в меня врезался когтистыми лапами заряженный огненными чарами песиглавец, я принял его так легко, словно это был не огромный магический зверь в три центнера весом, а моя младшая сестрёнка влепила в меня подушкой.

Демон не понял, в чём дело. Я поначалу тоже. Ещё один удар от демонов, и до меня дошло. Его удары практически не действуют!

Глаза твари в миг стали щенячьими. Но я не поверил. Никогда не верь демонам! Убивай их! Жестоко терзай! Разорви и доставь муки!

Сознание вернулось ко мне только тогда, когда песья голова под моими ногами превратилась в фарш из мозга и костей. Тело демона судорожно дёргалось от каждого удара. Остановившись и тяжело дыша, я смотрел на то, как останки песиглавца окутываются огнём и исчезают, становясь бледным дымом. Даже тот фарш, что застрял в подошве моих кроссовок, испарился.

Оглядевшись по сторонам, я понял, в какой оказался ситуации. Кошмар! Я же сяду, мне даже Хана не поможет! Стал перебирать варианты. Звонить хоть куда-то — значит подписать себе приговор. Лучше всего будет молчать. Сесть в машину и уехать. Как можно скорее.

За рулём «Коррадо» я принялся судорожно поворачивать ключ зажигания. Стартер крутился и кашлял, но авто не заводилось. Сердце пропустило пару ударов, ноги окутал холод. Чёртова железяка, на кой хрен я тебе вообще заглушил!

В зеркалах забрезжил свет одной-единственной фары. Подержав стартер несколько секунд и долбанув руками по рулю, мне наконец-то удалось завести автомобиль. Тут же, не теряя ни секунды, я утопил педаль газа в пол и с пробуксовкой уехал. Пусть этот мотоциклист разбирается, а с меня уже хватит!

Утро графа Булычева

Граф Булычев читал с самого раннего утра сводки событий за прошедшую ночь, сидя в своём аскетично обставленном кабинете. Борьба между дворянами шла практически непрерывно, но своего пика достигала после захода солнца. Его Императорскому Величеству очень не нравились междоусобные стычки, но ничего поделать с ними он не мог — слишком сильную независимость от короны благодаря магии обрели плотно сросшиеся с бандами дворяне. Потому приходилось закрывать глаза на ночные разборки, пока они не касались простого люда. Взамен знать обязалась поддерживать мир и порядок, сводя обычную, неорганизованную преступность до возможного минимума.

Потому каждая ночь была полна событий, и главам дворянских семейств, что вели днём вполне обычную светскую жизнь, приходилось нагонять случившиеся во тьме события.

Со стуком в дверь в кабинет вошёл начальник разведки рода Булычевых — ничем не примечательный на мужчину предпенсионного возраста.

— Николай Александрович, вот ещё, что не успел донести сразу, — на стол графу легла толстая стопка бумаг.

— Спасибо, Витя. Больше ничего не предвидеться? — граф с надеждой посмотрел на своего подчинённого.

— Никак нет. За сегодня в экстренные службы ничего другого не поступало, — интонация и выправка выдавали в Викторе отставного военного, достойного возглавлять важнейшую из всех структур, принадлежащих роду Булычевых.

— Хорошо. Тогда я пока разберусь с этим, а ты отдыхай, — начальнику разведки приходилось временами дежурить ночи напролёт, просто чтобы держать руку на пульсе событий.

Когда Николай Александрович, обречённо вздыхая от требующей его внимания горы бумаг перед глазами, уже был готов погрузиться в чтение, его вновь отвлек Виктор.

— Николай Александрович, один случай мне показался подходящим к тому делу, что вы попросили держать на особом контроле, — граф подался вперёд, готовясь внимать словам подчинённого. Особенного контроля требовал случай с Иваном Рониным. Любая новость об этом, казалось бы, выдающимся, но вполне обычном выпускнике школы была на вес золота. Если Иван и правда окажется Тем-кто-помнит, глава рода Булычевых хотел бы видеть его в рядах своих подчинённых. Даже несмотря на запрет Анастасии Николаевны, которая отчего-то разобиделась на самые обычные простолюдинские бестактность и незнание.

— Ну-ка, дай-ка посмотреть! — требовательно протянул граф руку. Виктор выудил из стопки одно дело и передал Булычеву.

— Вот, Николай Александрович. Сегодня на окружной трассе, предположительно в полночь плюс-минус двадцать минут, состоялась драка между неизвестным и Осиповым Константином Григорьевичем. По моему предположению, неизвестный — Ронин Иван Андреевич, — граф набрал воздуха в грудь.

— Пум-пум-пум... неожиданно. Так понимаю, Осипова побили?

— Выбит коленный сустав правой ноги, больше ничего. Если не считать царапин от падения на асфальт и последствий аварии, — заметив вопросительный взгляд своего господина, Виктор пояснил: — Судя по следам шин, Осипов попытался столкнуть автомобиль Ронина в кювет, но не справился с управлением.

— Гм... и что же тебя, Витя, привело к тому, что отделать Константина Григорьевича мог именно наш клиент? — Осипов был довольно известным дворянином, братом главы семейства. Прожигая жизнь, неоднократно влетал в плохие истории, Но каждый раз его выручали связи и неплохое владение силами своего демонического фамильяра. Получить по наглой роже Осипов мог только от кого-то куда более влиятельного — либо же безрассудного.

— Его фамильяра уничтожили. Призвать снова, по сообщениям из больницы, не выходит. И под описание нападавшего Ронин вполне подходит. Хотя Константин Григорьевич и не называет фамилию нападавшего.

Николай Александрович откинулся на спинку стула, нахмурившись. Необходимо было сделать шаг первым, иначе Того-кто-помнит могут увести прямо из-под носа графа.

— Однако да... Похоже, ты только что заработал себе премию в три оклада, — весело улыбнулся граф. Он нашёл подходящее решение проблемы. За одну удасть узнать со стопроцентной точностью, виноват ли Ронин в произошедшем на окружной дороге. И если да — то он точно тот, кого ищет Совет Четырёх.

— Знаешь, — граф поднял взгляд от бумаг на повеселевшего вслед за ним Виктора: — Отправь-ка официальное приглашение Ивану Андреевичу на этот вечер. Я бы не прочь пообщаться с ним лично.

Приехав домой, я до самого утра просидел запершись в своей комнате. Колотило страшно. Я же человека покалечил, и притом, судя по всему — не самого последнего в городе. Попытки успокоиться хотя бы просмотром видео с котиками результата не дали. Руки тряслись так, что пару раз телефон падал на пол.

Улегшись она подушки после продолжительного сидения напротив двери, я стал думать. То, что этот старый козёл меня узнал — сто процентов. Будет ли он меня сдавать полиции или же найдет какой-нибудь иной метод отомстить? Даже не знаю, что предпочтительнее. С одной стороны проблемы с законом мне не нужны, с другой — меня попытаются грохнуть. Понятно, что второе хуже. Но и первое мне почти наверняка испортит новую жизнь. Что ты там говорил себе, Ваня? Случай с княжной тебе засрал жизнь? Нет, не угадал — но вот зато теперь точно. И сам ты не выкрутишься. Надо идти к Хане и рассказать ей всё как было. Уж если она не сможет помочь решить проблему — мне конец.

Вышел из своей комнаты на рассвете, за пару часов до своего обычного времени пробежки. Сестра уже может не спать. Или ещё не спать, смотря сколько работы на неё вчера свалилось. Она ещё от утренних торжеств на чемпионате не до конца отошла — каждое утро всю неделю ей приходилось ездить в «Смоленск Будокан». Я бы и хотел составить ей компанию, но в VIP-зоне места мне не было. А тут каждый день всё больше и больше работы.

У двери в комнату Фудзивары сидела её служанка и мирно дремала. Кажется, её зовут Аясе — стыдно, что я до сих пор уверен ещё не во всех именах и фамилиях тех, с кем живу не первую неделю. Просто выходит так, что обычно я вижу с одними и теми же.

— Извините, — служанка приоткрыла глаза и посмотрела на меня: — Не знаете, Хана спит?

— Фудзивара-сама отдыхает. Не стоит её тревожить по пустякам, Ронин-сан, — строгий взгляд чёрных глаз из-под роговых очков пронзал насквозь. Наверное, она самая старшая и опытная из подчиненных моей сестры. Это чувствовалось во всём — даже Хана не особо спорила с этой служанкой. Хотя и смогла каким-то образом нарядить Аясе в форму викторианской горничной. У сестры своеобразное чувство вкуса, но не мне её осуждать.

— Можете, пожалуйста, передать ей, когда она проснётся, что я хотел бы с ней поговорить? — неохота посвящать Аясе в свои проблемы. Да и, наверное, прямо сейчас за мной никто не станет приходить.

— Разумеется, Ронин-сан, — стоило только Каваками-сан кивнуть мне, как с первого этажа донёсся звонок. Кто-то желал войти на территорию особняка. Кто-то, кого не знала охрана.

Твою-то за ногу налево! Зря понадеялся, похожа, что по мою душу уже явились. Не иначе как всё копившееся годами невезение решило обрушиться мне на голову за всего пару недель.

Послышались шаги на лестнице. Тетсуо поднялся на третий этаж, где жили я, близняшки и сестра. В грудь словно налили ледяной воды. Попытка вдохнуть ничего не дала. Телохранитель, увидев меня, позвал к себе махом ладони. Мне окончательно поплохело. На негнущихся ногах, кое-как, я подошёл к терпеливо ожидающему японцу.

— Иван, к вам пришли, — у меня сейчас удар хватит. Не хочу слушать это, лучше в окно выйду!.. Разумеется, никуда я не вышел. И потому что прирос ногами к полу, и потому что я не идиот — ещё не всё потеряно. Да и не выход это, в любом случае.

— Кто? — прохрипел я внезапно пересохшим горлом.

— Он представился посланником графа Булычева. Пригласить его в дом, или вы выйдете к нему сами?

— Сам выйду, — вместе мы спустились на первый этаж и, пройдя через двор, оказались у самых ворот.

Посетителем оказался паренёк ненамного старше меня самого. Ничего выдающегося, разве что стоял излишне скромно. Что меня насторожило куда сильнее, чем кобура с пистолетом — это-то у служащих дворянам было нормой.

— Здравствуйте. Вы — Иван Андреевич Ронин? — вежливо спросил он. Всё, кранты. Сейчас я отвечу и мне выстрелят в голову со словами «Господин Булычев передаёт вам привет». Разве что из пистолета, а не из лупары. Время замедлило свой бег, и я почувствовал, как в груди неожиданно разгорается пламя уверенности в себе. Опять в голову полезли назойливые страшные картины из кошмаров.

— Да, это я. Чем обязан? — мне протянули конверт, с именем, подписью и печатью графа.

— Его Сиятельство Николай Александрович просит вас принять его приглашение. Все подробности указаны в письме. За сим я откланяюсь, — стоило мне только взять в руки конверт, как посланник тут же уселся в свою неопределённой марки дорожную на вид машину и сорвался с места. Мне оставалось только стоять в недоумении. Что это было?

Вернувшись в дом, я распечатал конверт и достал письмо. Усевшись в столовой, принялся читать:

«Дорогой Иван Андреевич!

Мы с вами не знакомы лично, я предлагаю вам восполнить этот пробел сегодня. Буду ждать вас в пять вечера

на чаепитии у себя дома. Адрес прилагаю на обратной стороне письма. Надеюсь, что вы примете моё приглашение. В противном случае ваше опоздание будет считаться официальным отказом от нашей с вами встречи.

Ваш будущий друг, Николай Александрович Бульчев.»

Ничего не понимаю. Меня приглашают, чтобы тихо, без свидетелей прикончить? Тогда в чём смысл письма — я же просто уеду! Нет-нет, похоже, имеет место очень странное, пугающее совпадение. Иначе зачем меня вот так вот открыто звать? Надо ждать, когда Хана проснётся. Без неё я точно никак с этим делом не разберусь.

Пришлось подождать, благо — недолго. Через всего минут десять сестра вышла из комнаты, интересуясь, кто приходил и почему её не разбудили. Удивленная ответом Аясе, Фудзивара подошла ко мне, стоящему у окна с видом на Днепр в коридоре. Вид текущей воды хоть немного успокаивал.

— Доброе утро, онии-сан! Кто к тебе приходил? — с некоторых пор сестра зовёт меня братом по-японски. Я протестовал, но не сильно. Японцы вообще странный народ, со своими манерами и модой. Впрочем, это сейчас неважно.

— Доброе! Посланник графа Бульчева. Передал приглашение на чаепитие сегодня вечером, — я протянул Хане письмо, и та с задумчивым видом его прочла. Почесав подбородок, вернула мне и предположила:

— Наверное, Николай Александрович хочет принять тебя на службу. Зачем ещё звать тебя?

В висках застучала кровь. Рассказать сестре о произошедшем ночью? А вдруг она меня просто в полицию отправит, не сильно разбираясь? Но здравый смысл всё-таки подсказывает, что надо посвятить Хану в это дело. Иначе ей самой может достаться, если тот урод решится мстить. Японка уже поняла по моему виду, что меня кое-что беспокоит:

— Ваня, что то случилось?

— Ну... На самом деле да, — я коротко пересказал сестре события этой ночи. Чем дальше Фудзивара слушала, тем более мрачной становилась. И когда я поделился с ней своими опасениями насчёт того, что Бульчев может желать наказать меня за случившееся, Хана решительно помотала головой:

— Это невозможно. Бульчевы не имеют дел с демонами. Я тебе это могу сказать точно.

— Тогда выходят, что это приглашение на работу? — выдохнул с облегчением, оперевшись на подоконник. Ноги вдруг ослабли, как только я понял, что прямо сейчас мне ничего не угрожает.

— Скорее всего да. Если учесть тобою сказанное, тебе стоит принять это предложение не раздумывая. Иначе твоя жизнь окажется под угрозой.

Это я понял. Похоже, что ночная драка не только не выйдет боком, но ещё и поможет в жизни. Вот так вот бывает. Но об этом даже думать пока рано. Ведь всё может оказаться не так радужно. Наверное, мне стоит немного подстраховаться:

— Хана, могу я попросить тебя сходить со мной? Я просто не знаю толком, что графу отвечать, если вдруг начнет спрашивать про разные вещи о тебе и так далее... — сестра смотрела на меня с некоторым удивлением. Хмыкнув, она ответила:

— Так и быть, если тебе так будет спокойнее, онии-сан.

— Хорошо. Поможешь тогда мне ещё кое в чём? Не хочу выглядеть неподобающе перед таким человеком, так что...

— Я поняла. Отправлю с тобой Ако, она хорошо подбирает одежду для таких случаев, — именно так. Нужен был костюм на сегодняшний вечер. В том, что я носил после своей победы, показываться на глаза кому-то стыдно. Мало того, что сидел тот костюм так себе, так ещё и по швам начал расходиться.

— Спасибо тебе.

Поездка за достойным костюмом обошлась мне во все призовые с чемпионата. Ощутимые деньги, между прочим. Я их откладывал на чёрный день — привычка из прошлой жизни сидеть на куче денег, а самому при этом вести максимально экономное существование.

Так что Ако пришлось увидеть мою неприятную сторону. Как только она узнала, кому я иду, всё порывалась заставить меня купить отличнейший, но при этом чуть ли не самый дорогой из доступных мне костюмов. Я с упорством дятла долбил ей мозги, что деньги надо экономить, пока она не уломала меня фразой:

— У нас в Японии подобное стоит раз в пять дороже.

Я тут же прикинул, сколько экономлю в таком случае, и согласился. Сильно позже, вечером драг волосы на копчике. Меня же как дитё малое обманули! Но от жадности я страдал недолго. Пришло время ехать Бульчеву.

Разумеется, к дому графа мы отправились не на моём «Коррадо», а на кое-чем более презентабельном. Какая-то очень крупная, чёрная машина, напоминающая внешним видом «Роллс-Ройс Фантом». Только выпускалась она в Российской Империи, что немного меня позабавило.

Дом графа Бульчева поражал. Не своим богатством и размерами, вычурностью или ещё чем-то таким подобным. Напротив, для резиденции настолько богатого человека всё выглядело простым и функциональным.

Словно бы Николай Александрович знал, что ему пускать пыль в глаза высшему свету совершенно не нужно, и его поступки говорят о нём больше любого показного богатства. Ну или я сам себе напридумывал всякого, и Бульчев как раз-таки выпендривается таким образом, выделяясь из числа прочих графов Смоленской губернии.

Нет, бедным его особняк назвать было нельзя при всём желании. Но скромность, что подчеркивала уют, была несомненно.

Всею дружною толпою мы прибыли к назначенному сроку. Вместе с Ханой, разумеется, отправились близняшки. Только на входе возникла проблема.

— Извините, госпожа, но не могу вас пропустить.

Отказ охранника обескуражил сестру. Она-то наверняка с самого детства привыкла, что ей отказывать не принято, и потому не находила слов.

— Всё в порядке, она со мной, — попытался было я вступить за сестру, протягивая охраннику пригласительный конверт, но усатый мужчина был непреклонен.

— Его Сиятельство ожидает только Ивана Андреевича Ронин. Кого-то ещё в списках посещений нет.

— Да как ты смеешь!.. Я же Фудзивара Хана, представительница дома Фудзивара. Приехала в Смоленск с официальным визитом!.. — Хана всё сильнее раздувала ноздри, близняшки уже готовились не то хвататься за свои мечи, не то оттаскивать свою госпожу от твёрдо следующего инструкциям работника графа. Тот, свою очередь, по внутренней связи сообщил о японках:

— Николай Александрович. Вместе с господином Рониным приехала госпожа Фудзивара. Требуется впустить её.

— Это ты правильно делаешь, что докладываешь Его Сиятельству, — хмыкнула Хана, пока охранник получал инструкции от самого графа. Наконец он кивнул и спросил:

— Простите, госпожа Фудзивара, у меня к вам вопрос — у вас демонический фамильяр?

— А это тут причём? — с подозрением посмотрела девушка.

— Не могу разглашать эти сведения даже Вам. Так каков Ваш ответ? — на лице охраняющего ворота не дрогнул ни один мускул за всё время разговора. Похоже, он своих полномочиях был уверен более чем.

— Да, у меня демонический фамильяр, — сквозь зубы ответила Хана. И тут до меня дошло. Всё то, что вызывало определенное напряжение при виде магических слуг сёстры и княжны, очень хорошо складывалось с моей реакцией на демонов. Это, чёрт побери, не очень-то меня и радовало!

Я сам не заметил, как у меня сжались кулаки и вздулись вены. Охранник ответил сестре:

— Я не могу Вас впустить, госпожа Фудзивара. При всём моём уважении к Вам. Господин Ронин, пройдёт.

Только то, что охранник провёл застывшего в ступоре меня за ворота, спасло фамильяра Ханы. И, наверное, её саму от моих необдуманных поступков.

Разминувшись по пути к особняку Бульчевых с фыркнувшей при виде меня Анастасией Николаевной — что она тут делает только — я попал в гостиную графа. После пары досмотров, на входе в здание и вскрыло, где проживал сам граф.

Николай Александрович оказался высоким и крайне худым человеком с не выражающим ничего взглядом. Словно паук, затаившийся посреди своих тенёт в ожидании жертвы. Довольно жуткое первое впечатление. Неожиданно мягким, неподходящим голосом граф поприветствовал меня:

— О, здравствуйте, Иван Андреевич. Я уже было боялся, что вы не придёте.

— Ваше Сиятельство, как я мог огорчить вас? Это ведь было бы неприлично с моей стороны, — слегка поклонившись, я по пригласительному жесту будущего нанимателя уселся на небольшой уютный диванчик в жёлто-зелёную полоску.

— Не желаете чаю?

— Буду крайне признателен Вам, если угостите меня им, — как-то неловко я пародирую высокосветскую речь. Чувствую себя идиотом. Лучше бы мне прекратить позориться и вести себя как обычно. Граф хлопнул в ладоши, и тут же слуга поставил на столик между мной и хозяином особняка две чашки на подносе.

— Как ваши дела? Не планируйте пойти к кому-то из дворян на службу? У вас выдающиеся способности, насколько мне известно.

Вот так вот сразу! Стараясь не растеряться, я сдержал порыв рассказать, почему я до сих пор не нанят кем-либо. Вместо этого, подавляя нотки волнения в голосе, ответил, внимательно следя за своими словами:

— Спасибо, Ваше Сиятельство, у меня всё в порядке. Но, к сожалению, меня пока и правда не звала к себе ни одна дворянская семья. Мне бы доставила большую радость подобная служба, предложи кто такую возможность — непременно согласился бы, — главное говорить потенциальному начальнику то, что он желает слышать. Тогда, возможно, меня возьмут с большей охотой. Если Хана права насчёт причины моего приглашения.

— Я буду иметь это в виду, — коротко кивнул граф: — А сейчас — можете ли вы рассказать мне о том, как вы живёте? О родне, планах на будущее. Меня это очень и очень интересует.

— Ваше Сиятельство, даже не знаю, с чего мне начать, такой долгий у нас планируется разговор. О себе я могу говорить часами, лишь бы слушатель не устал от моих восхитительных историй.

— Тогда позволю себе выбрать за вас. Как ваши успехи в школе? Что думаете делать после неё? — серые глаза Булычева по-прежнему смотрели безразлично, что сбивало с толку. Но только первое время, пока я не разговорился.

Долго шли эти расспросы. Я рассказал про свою семью. Про Хану, возмущивший тому, что её не впустили — граф меня тут же успокоил тем, что Фудзивара сейчас проводит время с княжной и вряд ли скучает. Про учёбу и готовность учиться, расти дальше в интеллектуальном плане. Про желание открыть собственное додзё, чтобы развиваться как каратист.

Это продолжалось до тех пор, пока в гостиную не внесли клетку с бесёнком. Я тут же напрягся. Николай Александрович впервые за весь разговор слегка улыбнулся и прикрикнул на слугу с клеткой в руках:

— Ну куда же ты его понес, дубина? Забыл, что мы пойманную нечисть держим в другом месте?

— И-извините, — отбивая поклоны, паренёк выскочил из комнаты. Слегка прищурившись, Булычёв обратился ко мне:

— Ради бога, простите моего слугу. Вы, похоже, не очень любите демонов. Не расскажите, почему?

— Простите, Ваше Сиятельство, но мне не очень хочется рассказывать об этом, — кровь хоть и стучала по мозгам, но я держался. Хана же говорила, что Булычев и демоны — несовместимые вещи. Как так? Почему демон прямо у него в доме?

— Что ж, понимаю. У всех своих секреты... Батюшки, уже полседьмого! Прошу прощения, я опаздываю на одну встречу. Вас выведет мой подчинённый, — граф тут же засуетился, словно потерял ко мне всякий интерес после первого же отказа. И не успел я даже опомниться, как он вышел из гостиной. Не оставалось ничего, кроме как покинуть особняк и дожидаться сестры.

На улице шёл дождь, как обычно в Смоленске. Повезло, что Фудзивара задержалась ненадолго и забрала меня всего через пару минут после моего звонка.

— Как всё прошло? — глаза Ханы горели интересом, который мне, увы, пришлось погасить.

— Мы просто поговорили с графом и попили чаю.

— И всё? Он не предложил тебя работу? — рука японки легла мне на плечо под недовольный вздох Ако.

— Первым делом спросил, не планировал ли я служить кому-то. Я ответил, что появится возможность — с радостью пойду. Больше мы этой темы не касались.

— Странно, — Хана уселась обратно на своё место с задумчивым видом. Вот и мне всё это показалось странным, если не сказать бессмысленным. Я хотел было спросить у неё про фамильяра, но кое-как удержал волну ненависти и промолчал. Не стоит оно того, пока что не стоит...

И когда мы уже заворачивали на въезд к нашему особняку, я вновь увидел в зеркале заднего вида красный мотоцикл. Всё тревожнее и тревожнее.

С того момента, как я победил демона в драке, прошла уже пара дней. И эти дни были, пожалуй, самыми нервотрёпными для меня в этом мире. Видеть опасность, пусть даже в виде демонов и кошмаров, которые я уже понемногу стал считать своим настоящим прошлым — это одно. А вот ожидать внезапного нападения в любую секунду, с любого направления — это уже совершенно другое. Кажется, я даже начал немного понимать одного из своих новых родственников — дядю по отцу, что участвовал в не очень хороших войнах на территории Российской Империи. Он порой чудил, но в разрезе привычки к постоянной опасности его поступки, вроде объезда слишком глубоких луж и постоянных оглядываний по сторонам, обретали смысл. Очень глубокий и практический.

Ни в коем случае не сравниваю себя с побывавшими на настоящей войне, но — повторюсь — в какой-то мере я их теперь понимал. И во время утренних пробежек чуть ли не выкручивал себе голову, как сова, постоянно стараясь следить за окружающей обстановкой. На третье утро Ако, что уже была уже посвящена в мои проблемы, не выдержала:

— Ваня, ты так споткнёшься и всё лицо себе расшибёшь, если не прекратишь поминутно оглядываться.

Я, пропустив слегка вперёд японку, одетую в тёмные спортивные шорты с белой футболкой в обтяг, ответил:

— Легко тебе говорить. Не в твою же голову могут сейчас целиться.

Сибина-тян раздражённо посмотрела на меня через плечо:

— Никто не станет на тебя охотиться посреди охраняемого парка, опомнись уже!.. Ай!.. Ита-та-та-та... — Ако зацепилась за какой-то бугорок в покрытии и растянулась на дорожке за одно мгновение. Даже сгруппироваться толком не успела и шлёпнулась, разодрав в кровь колени и руки.

— Бл... ин! Не сильно ушиблась? — подскочил я к девушке, чтобы помочь встать, аккуратно придерживая под локоть, уже начавшийся сочиться кровью из царапин. Да, здорово она растянулась. Из-за меня, что совсем нехорошо.

— Ксо... Заболталась. Сама виновата, — прошипела Сибина-тян и попыталась дойти до ближайшей скамейки, что располагалась у углубленной в холм арки со статуей сидящего на ней льва. Но первый же шаг стал причиной наполненного болью шипения.

— Это я виноват. Прости. Дай помогу... — и прежде чем девушка ответила, я взял её на руки и понёс. Лёгкая, как пушинка! Ако хотела было возмутиться, но вместо этого прикрыла глаза и обвила шею руками. С недовольным вздохом. Нехорошо получилось как-то. Если что-то серьёзное с лодыжкой — очень даже плохо. Придётся в любом случае звонить Юко, чтобы она забирала нас на выходе из «Лопатинского сада».

— Спасибо... — буркнула японка себе под нос. Видно было, как ей всё ещё больно, но она стойко терпит.

— Эх... Блин, у меня даже пластыря нет. Надо будет теперь с собой носить на всякий случай, — я усадил девушку на скамейку, и та со смешком сквозь зубы спросила:

— Не думаешь же, что это повторится ещё хоть раз?

— Может повторится, раз уже случилось. Ты давай лучше сестре звони, а то вдруг ещё окажется вывих или что-то такое, из-за чего тебе срочно надо в травму ехать, — японка покивала, доставая телефон — к её счастью невредимый — и остановилась, услышав режущую слух нелепицу.

— Ехать... в травму? — брови девушки приподнялись. Да, вроде хорошо говорят по-русски, а как сталкиваются с нетипичными словами — впадают в ступор.

— К доктору, короче, — объяснять ещё, что это слово — сокращение от специальности этого самого доктора, я не стал. Как-нибудь сама догадается, я надеюсь.

— А... Поняла, — набрав Юко, моя партнёрша побегу начала говорить на японском. Эх, как же бесит. Очень раздражает, когда рядом с тобой говорят на незнакомом толком языке. Хорошо хоть недолго болтала: — Она приедет минут через пять... Можешь, пожалуйста, помочь?

С Ако на руках я пошёл к выходу из парка. Под пристальными взорами дедушек и бабушек, что стягивались к "Лопатинскому саду" на утренние прогулки. Чтобы хоть как-то сгладить неловкое молчание, я спросил у покрасневшей от чего-то — видимо, так всё нехорошо с ногой, что едва терпит — японки:

— Слушай... А ты не знаешь, какой работой занята Хана всё время? Я её вне комнаты почти не вижу, и никак понять не могу.

— Она не рассказывала? — на губах Ако заиграла насмешливая улыбка, чуть подёрнутая тенью боли: — Тогда тебе знать необязательно.

— Обидно, знаешь ли! Я бы не спрашивал, если бы думал, что она на там безвылазно обзванивает всяких важных шишек и подписывает разные бумаги. Непохоже это на что-то очень секретное и важное, в общем, — не один раз я уже пытался узнать, чем сестра забивает своё время, но безуспешно. Но точно она ни с кем не говорила по телефону и никаких документов не оформляла. Иначе бы видно было, как приезжают и уезжают посыльные от

дворян или чиновников — но нет, посетителей у Фудзивары почти что не было. Очень редко какой мастер боевых искусств приходил на поклон.

— Ладно, тебе я, пожалуй, скажу по очень-очень большому секрету, — прижала Сибина-тян палец к губам с заговорщическим видом и, подтянувшись, прошептала на ухо:

— Хана рисует мангу для взрослых.

Я чуть не выронил девушку из рук от удивления. Японка, вскрикнув, рассмеялась. Я так и не понял, шутит она или нет.

— Быть того не может!

— Можешь не верить, но я врать не буду, — судя по тому, как ты смеёшься в этот момент — похоже на то, что это такой очень толстый намёк не лезть не в своё дело.

Донеся Аки до машины, я вместе с ней отправился домой. Всё равно тренировки уже не выйдет. Отыграюсь вечером в додзё.

Как бы я не опасался нападения из мести, на тренировку по каратэ мне пришлось идти в одиночестве. Неуютном и холодном, как вода в Днепре в это время года. Обычно компанию в последние два дня составляла приставленная ко мне Аки, но увы. Кто бы знал, что мне придётся полагаться на других людей. Я избегал этого, как мог, и в прошлой жизни, и тем более в этой. Не знаю, в силу привычки или просто по глупости.

В додзё мне было чем заняться. Влившись в коллектив старших учеников, желающих когда-нибудь стать учителями, пришлось взять собственную группу. Всего десять человек — а сколько мороки с ними! И были все притом уже не белыми поясами. Совсем новичкам давали базу старшие тренеры, опасаящиеся, что кандидаты в учителя могут не справиться и заложить неправильный фундамент для дальнейших тренировок.

Каждый мой ученик так и норовил вставать во что-то похожее на требуемые от них стойки, но с каким-то своим искажённым видением. Удары все косые и кривые. Особенно ногами. Устойчивость у всех была совсем никакой, даже у зелёных поясов. И большую часть тренировки я правил чужие косяки, внимательно смотрел, правил снова. Ждать совершенства в исполнении на первые же повторные попытки наивно, но пара учеников и вовсе творила полную ерунду, сколько бы я их не поправлял.

После занятия пришлось немного выпустить пар, колотя боксёрский мешок. Что забавно, Дмитрий Олегович в своём додзё такого инвентаря не держал — только лапы и макивары. Уж не знаю, был ли у моего тренера пунктик насчёт европейских изобретений в каратэ, или же приверженность традициям выходила из нежелания тратиться сверх необходимого. Ведь всё и так работало, раз ему удалось вырастить чемпиона Российской Империи, и даже не одного.

За выколачиванием набивки из спортивного снаряда меня и застала Такахаси Аки, приходившая посмотреть на моё занятие пару раз.

— Немного докучают ученики, Ронин-сан? — с сильным японским акцентом спросила меня мастер. Я тут же остановил раскачивающийся мешок и с поклоном ответил:

— Здравствуйте, Такахаси-сама! Разве что самую малость!

— Тише, тише. Не нужно так кричать, — всего одного замечания хватило, чтобы остыть и потерять последние, не выплеснутые ещё капли раздражения.

— Хорошо, Такахаси-сама. Буду вести себя тише.

— Вы молодец. Хорошо, много стараетесь. У вас есть потенциал стать хорошим учителем. Но вам, Ронин-сан, нужно научиться контролировать свои эмоции. Нельзя злиться на учеников, если они не понимают вас. Постарайтесь объяснить иначе. Ищите разные подходы, — мне оставалось только полукивать, полукланяться на каждое замечание. Она права, совершенно права в каждом своём слове. Хоть я всё это знал и так. Оставалось только подивиться тому, как Такахаси умудряется на неродном языке так легко и просто выражать всё, что она хочет сказать. И ещё — такие пояснения важная часть этикета в японских боевых искусствах. Надо слушать, кивать и соглашаться. Даже если всё понятно и так — она старшая, а значит права и ты обязан слушать до конца.

— Я буду стараться быть лучше, Такахаси-сама! — вновь излишне громко ответил я, кланяясь чуть ли не до прямого угла с ногами.

— Тише, — подняла на руку, веля остановиться. Не любит, когда вместо ответа ей гаркают в лицо, как в каком-нибудь корпусе морской пехоты США. Когда я затих и выпрямился, мастер улыбнулась. Смотря неотрывно снизу вверх, она поинтересовалась:

— Ронин-сан, у вас нет планов на этот вечер?

Чего-чего? Что бы это вообще значило?.. Да нет, быть того не может!

— Нет, Такахаси-сама. После тренировки я свободен весь вечер, — умолчу пока о попытках подготовиться к экзаменам в университет. Сейчас это никакой роли не играет. Особенно в тех обстоятельствах, что у меня сложились. Какая может быть учёба, когда из головы не выходит вся эта странная история с демонами?

— Хорошо. Тогда идите в душ. Через десять минут встретимся у выхода, — поклонившись друг другу, мы

разошлись с ней по душевым.

Мужская часть уже была пустой. Последние ученики с моего занятия как раз покидали раздевалку, довольные голоса разносились по всему зданию. Мало я их гонял, больно они весёлые и полные сил! Я со своих тренировок по молодости разве что не уползал. Один раз Дмитрию Олеговичу пришлось даже отпаивать меня сладким чаем — настолько я себя загонял.

С учеников мысли переключились на Такахаси. Даже интересно, чего это вдруг мастер решила меня куда-то позвать? Был бы разговор о каратэ — то его можно было бы провести прямо в додзё, без лишних ушей. Неужели правда эта известнейшая личность в мире боевых искусств желает чего-то, не особо связанного с каратэ? И конечно, как в такой ситуации не подумать о том, что меня собираются затащить в постель?

Включив холодную воду, я избавился от подобных мыслей. Это просто-напросто юношеские фантазии от переизбытка гормонов и отсутствия девушки. Бррр! Теперь-то, после охлаждения, должны будут появиться куда более толковые предположения. Казалось бы — но нет. В голову так и начали лезть картины того, как я и Такахаси-сама... Кхм-кхм. Наверное, самый большой минус молодости. Думаешь совершенно не головой.

Мастер встретила меня у выхода, как мы и договаривались. Распущенные из строгого пучка волосы, белая кофта в розовую полоску вместе с чёрной юбкой чуть ниже колена и кроссовками создавали удивительную иллюзию. Никогда бы по этой японке мне сказал, что ей уже сорок лет. Некоторые мои одноклассницы выглядят старше.

— Пойдёмте, Ронин-сан? — засмотрелся что-то. Бывает. В последнее время слишком уж часто.

— Ведите, Такахаси-сама, — Аки улыбнулась одними только уголками губ.

— Ведь не против небольшого разговора в кафе на улице?

— Только за, Такахаси-сама.

Поиск подходящего места в центре города не занял много времени. Мы уселись в кафешке на краю пешеходной улицы, вымощённой брусчаткой и застроенной древними домами, липнувшими друг к другу. Отличное место, надо бы запомнить, если вдруг представится возможность кого-нибудь вытянуть на свидание.

Мастер заказала себе мороженое, угостив и меня. Я, само собой, не отказался. Пока ждали наших порций, мы начали вести разговор.

— Такахаси-сама, можно задать вам один вопрос? — когда японка кивнула, продолжил: — Вы уже нашли кого-нибудь, кто вам приглянулся? В смысле каратэ, конечно же.

Не то чтобы мне это было интересно, но надо же проверить, кому повезло в этом году отправиться в Японию на обучение.

— Вот как раз ради этого я и позвала вас, Ронин-сан. Пока что вы — первый, кого бы мне хотелось забрать. Но вам стоит подучиться ещё немного перед тем, как я смогу принять вас в своё додзё. Именно об этом я вам сегодня говорила.

Ничего себе! Я, признаюсь, удивлён и польщён, хоть и немножко огорчён. Привлечь внимание знаменитой Такахаси — это уже комплимент и повод повысить самооценку. Очень приятно.

— Рад слышать, — скромно ответил я, стараясь не выказывать смущения и опуская взгляд в землю. Боковым зрением в тот же миг заметил быстрое движение в свою сторону. Успел отскочить на инстинктах. Мастер — тоже.

Столик, что был между нами, превратился в грудку оплавленного пластика. И уничтожил его... Огромный, козломордый демон со змеиным хвостом. Что за?!..

В голове застучала кровь. В груди всклокотала ненависть. Взгляд вновь начала застилать пелена ярости. Демон, вильнув хвостом, бросился на меня.

Горящие когтистые руки налетели на возникшую из ниоткуда светящуюся стену. Такахаси! Это она её создала!

— Ронин-сан, прячьтесь! — в голосе мастера не было ни единой панической нотки. Она точно знала, что может справиться с угрозой.

Однако мой разум на это уже не особо реагировал. Передо мной возникали сцены сражений, приходившие ко мне по ночам. Там была эта химера из Преисподней! Кошмары и правда не просто сны! И этот демон — знакомый мне ублюдок.

Аки что-то кричала, но я её уже не слышал. Пройдя через световую стену без особых усилий, я подбежал к козломордому.

— Ме-е-е! — злобно проблеял демон мне в лицо, обдавая адским жаром своего нутра. Я просто заорал в ответ и налетел на огромную волосатую тушу.

Прямой! Хук! Коленом! Локтём! Я быстрыми ударами стал теснить рогатого подонка. Он начал метаться, оплавляя брусчатку острыми раскалёнными копытами. Внезапно лягнул — но я знал, что он это сделает. Где-то там я уже умирал от такого. Взяв одну ногу на излом, ударил по другой изо всех сил.

— Ме-е-е! — вновь заблеял копытный, впечатавшись мордой в каменную кладку. Не теряя ни секунды я подскочил к демону. Схватившись за раскаленные козлиные рога, я начал вбивать физиономию врага в брусчатку.

Козломордый пытался встать и сбросить меня с себя, но не мог. Такахаси помогала мне и магическими ударами отбивала демону ноги. При этом яркие вспышки света били по глазам всех окружающих.

В конце концов, когда морда демона была разбита и переломана до такой степени, что наружу начали торчать кости, я ухватился за один рог обеими руками. Один хороший прыжок — и этот рог с хрустом выломался из черепа демона. Всё, тебе конец! В открывшуюся горящую плоть вонзилось остриё рога, прошибая однорогому голову насквозь и пришивая к земле, как бабочку.

Вдох. Выдох. Справились. Спаслись. Вдалеке зазвучали приближающиеся сирены. К тому моменту, как инквизиторы прибыли на место, тело демона стало истлевать, оставляя после себя лишь оплавившийся камень.

Я обвёл взглядом уютную улочку и ужаснулся. Всё кафе, где мы сидели, было сожжено. Вокруг лежали тела посетителей — порванные ударами или сожжённые. Зло плюнул в то место, где лежал труп демона. Сволочь! Ему нужен был только я. Зачем он убил этих всех этих людей?!

Мой взгляд упал на крохотное побледневшее тельце. Девочка в ярком платье — была. Со всё разгорающийся ненавистью я стал оглядывать улицу, выискивая демонолога, что контролировал эту тварь. Он не мог уйти далеко!

На моё плечо легла рука мужчины в форме:

— Молодой человек, всё закончилось. Пройдёмте с нами.

— Это был не я, — прорычал я усатому инквизитору в лицо. Тот отшатнулся.

— Да знаю. Хочу задать пару вопросов. Нам ещё рапорт писать, как-никак, — мужчина снял чёрную каску с прозрачным забралом, тяжело вздыхая.

— Хорошо, — я кивнул и посмотрел на Такахаси. Она меня поддержала:

— Я тоже готова ответить на ваши вопросы!

— Спасибо, что выручили, Такахаси-сама. Без вас бы меня часа три мурыжили, а то и больше, — поклонился я своему мастеру.

— Ронин-сан, не стоит. Я за вас отвечаю, раз привела сюда, — Аки выставила руки перед собой и замотала головой, словно бы так и надо.

А ведь она мне и правда очень сильно помогла. Статус иностранной дворянки после пары звонков стал достаточным поводом, чтобы верить её словам. Безо всяких но и прочих условий, что так любят наши доблестные служители магического правопорядка. Впрочем, они за это деньги получают, винить их нельзя.

Везти нас никуда не стали, пробили через компьютер в машине базу данных для подтверждения личностей да опросили, что и как было. Отдувалась за меня Такахаси-сама. Повезло, я-то думал, что придётся краснеть и потеть, лишь бы не дать понять, что это был не просто бесконтрольный демон, а самая настоящая попытка покушения. Оставалось только подтвердить слова японки, что да, так оно всё и было, и подписать бумаги.

Не успели инквизиторы окончить свою работу, как тут же появились журналисты. Та самая рыженькая Анна из недавних новостей в их числе. И как же я не люблю свою приметную внешность в такие моменты. Естественно, что внимание прессы привлёк именно здоровяк с обожжёнными руками.

— Здравствуйте, телеканал Россия-Смоленск, можете дать комментарий по поводу происшествия? — затараторила рыженькая репортёрша. И ведь Такахаси отвлеклась на очередной звонок, а я как-то не привык отказывать без особой причины.

— Ну, наверное, могу, — неуверенно ответил Анне, и та с горящими глазами сунула мне микрофон под нос. С нашей разницей в росте со стороны наверное смотрелось очень комично. Но мне было совсем не до смеха. Она дала отмашку оператору и спросила:

— Расскажите, пожалуйста, что случилось.

— Ну... Мы сидели в той кафешке, и на нас неожиданно набросился демон. Еле отбились от него вдвоём, один бы я точно не справился, — заинтересованность во мне у репортёрши стремительно подскочила.

— То есть это вы справились демоном, а не инквизиторы, я правильно вас поняла?

— Совершенно. Повезло, что мы смогли за себя постоять, — Анна завертела головой и спросила:

— А с кем вы победили демона?

— С Такахаси-сама, — наверное, зря я её без спроса назвал, но сделанного не воротить. Надеюсь, мастер не будет в обиде на меня. Тем более что репортёрша не особо-то и знает, кто такая Такахаси, иначе бы сильно удивилась. Вместо этого она задала вопрос:

— А что вы думаете о демонах? Этот случай изменил ваше к ним отношение или же...

Что ж, лучшего случая послать подальше напавших на меня, а заодно и всех этих проклятых демонологов, и не найти.

— Совершенно не изменилось. Демонов в Смоленске и во всём мире быть не должно.

— Почему вы так считаете? Есть ведь наверняка и хорошие, приносящие пользу среди них, — очевидная провокация. Испугаюсь я макнуть лицом в дерьмо несколько дворянских семей или честно выскажу своё мнение? С моей ненависти к демонам, с подозрением, что виденные в кошмарах пытки грешников преисподней — правда, у меня нет и капли сомнения в своём выборе. Скажу, что на уме. И это дворян не касается.

— Потому что хороший демон — мёртвый демон.

— Кхм!.. Смелое утверждение, — Анна несколько замаялась, явно ожидая какого-то другого ответа. Но быстро справилась с собой — иначе какой из неё репортёр: — Спасибо вам за ваш комментарий.

Оператор по условному жесту отключил камеру, и женщина поинтересовалась:

— Как вас подписать в репортаже — просто как потерпевшего или же по имени?

— По имени. Меня Иваном зовут, — репортёр кивнула, записала в крохотный блокнот и поблагодарила:

— Спасибо вам ещё раз. Сейчас ещё опрошу инквизиторов да пойдём монтировать. Хорошая новость — свежая новость. Какой бы плохой она ни была.

Подмигнув, Анна отошла к броневику, стоящему посреди пешеходной улицы, и продолжила свой опрос. Да, попаду я в новости. Хорошо ещё если никто не догадается связать меня с пришествием на окружной дороге. Хотелось бы в это верить, а то не всякий может пришибить демона. Даже с моей комплекцией.

Такахаси-сама, договорив по-видимому с кем-то очень важным, вернулась ко мне и с поклоном извинилась:

— Простите, Ронин-сан. Мне срочно нужно отлучиться по делам. Постарайтесь беречь себя. Мы поговорим в другой раз.

— Я всё понимаю, Такахаси-сама. Спасибо вам за сегодняшний день, — поклонился ей в ответ, и после мы с ней распрощались.

Вот я и один. Посреди огромного города, где меня желают убить. Теперь это факт, а не пустые опасения. Успокаивает только то, что вряд ли меня в ближайшие пару часов будет ожидать что-то подобное только что случившемуся.

Сунув руки в карманы, с сумкой на плече — повезло, что уцелела в пожаре — я поплёлся на набережную. Вид на текущую воду должен хоть немного меня успокоить. А то внутри до сих пор всё кипит.

По пути имел шанс налюбоваться Благовещенской улицей, где как раз делали ремонт пострадавшего от другого нападения демона здания. Хотя кто дом больше повредил, непокорный фамильяр из Ада или инквизиторы — тот ещё вопрос.

Набережная встретила меня прохладой, так необходимой сегодня. Словно бы мне не хватало того, что мне немного обожгло руки об рога козломордого, так ещё и солнце начало припекать. Нехарактерная для Смоленска ясная погода очень сильно давила на всех жителей города. Мало того, что река в центре сильно увлажняла воздух, так ещё и тянуло испарениями с болот в округе. Где-то в сухой Сибири эти тридцать градусов вполне терпимы и даже приятны, но здесь при такой температуре настоящая парилка. Так и хотелось наплевать на всё и спуститься к воде, искупаться впервые за год. Жаль кто-то провел сточную трубу неподалеку от одного из мостов, считая, что природа всё стерпит. Так что в Днепр лезли либо самые смелые, либо самые глупые.

В кармане завибрировал телефон. Звонила Хана. Похоже, я слишком уж задержался, раз меня начали искать. Причина была в другом.

— Онии-сан, дайджо... ты в порядке? Я видела по телевизору, на тебя напали? — голос сестры дрожал от волнения, она то и дело сбивалась с русского на японский. Я буквально видел, как она держит трубку с влажными глазами.

— Да, я в порядке. Сижу сейчас у набережной рядом с Пятницкой башней, — усталым голосом ответил я Фудзиваре. Неожиданно усталым, я и не думал, что бой с демоном высосал из меня так много сил.

Сестра сердито прикрикнула на меня, судя по звуку держа телефон на вытянутой руке:

— Ахо! Быстро домой! Нет! Я пошлю тебе навстречу Рёто-куна, никуда не уходи!

Рассердилась на меня. Неудивительно, я и правда зря не пошёл домой сразу же. С другой стороны, мне даже соображать лишний раз было тяжело и лениво.

— Хорошо, понял. Сижу на месте, жду Рёто.

— Молодец. Придёшь — всё расскажешь! — и бросила трубку. Что ж, всё могло быть и хуже. Но вообще приятно, что за мной отправили именно Сакай. Если уж если кто меня и может успокоить, так это именно она.

Телохранительница сестры примчалась очень быстро, не прошло и десяти минут. И как обычно — в какой-то скрывающей фигуру мешковатой одежде — серая толстовка с капюшоном, чёрные треники да беговые кроссовки. Видимо, её ради меня аж с тренировки пригнали. Теперь буду чувствовать себя виноватым перед ней.

— Ронин-сан, здравствуйте, — как всё-таки приятен её голос. Прямо что-то в душе задевает, не иначе. Иначе как ещё объяснить эту необычайную приязнь?

— Привет, — помахал я девушке рукой. Ответом мне была лишь скромная улыбка.

— Фудзивара-сама очень хочет вас видеть. Что-то случилось? — как приятно, когда о тебе беспокоятся. Показал Рёто свои ожоги на руках с лёгкой усмешкой:

— Пришлось убивать демона голыми руками. Опять.

Японка лишь прикрыла рот руками, а, отойдя от шока, кинулась ко мне, чтобы помочь идти.

— Вам не тяжело, Ронин-сан?

— Нет, всё в порядке. Меня совсем не зацепило, в отличие от прочих несчастных.

Мы пошли вместе к дому, располагавшемуся на полпути к вершине холма. По пути я рассказал девушке обо всём, что со мной приключилось. Без особых прикрас — не место им там, где погибла куча народа. Вроде человек семь — все сидевшие в кафешке в момент нападения. Рёто сокрушалась над каждой деталью моего рассказа. Когда мы с ней уже подошли к воротам особняка, она похвалила меня, похлопывая по плечу:

— Вы молодец, что не растерялись, Ронин-сан. Многие бы потеряли самообладание при виде такого сильного демона.

— Надо сказать спасибо Такахаси-сама. Без неё бы это чучело меня порвало на части. Только стоило бы ему встать — и конец. Подумать только, я сегодня чуть не умер... — Рёто ободряюще приобняла меня за плечи, насколько могла, и практически все печали тут же улетучились. Если бы не жертвы среди невинных людей, нападение демона вполне себя окупило. А так — очень жалко всех погибших. Особенно девочку. Даже если она сейчас в Раю — это слабое утешение.

Хана сидела в столовой и была на нервах — то барабанила пальцами по столу, то дёргала ногой, поминутно заглядывая в телефон. Когда увидела меня, выдохнула с огромным облегчением:

— Ёкатта! Хорошо, что с тобой всё в порядке! — и крепко обняла меня. Чуть ли не до хруста рёбер. Мне оставалось только слегка приобнять сестру в ответ.

— Да, повезло мне, — на меня строго посмотрели яркие голубые глаза. Фудзивара едва ли не приказным тоном повелела:

— А теперь рассказывай! Всё и по порядку. Рёто-кун, позови Аясе, пусть сделает чаю. У нас долгий разговор впереди.

И так, попивая чай, я начал свой рассказ. Пришлось ещё раз повторить всё сказанное Рёто, но уже без таких ярких эмоций, что обуревали меня по пути к дому. Хана кивала и то и дело поддакивала. Мне эта привычка японцев постоянно во время разговора вставлять короткие фразочки сильно не нравилась, но особого выбора у меня не было. Когда речь зашла об ущербе нашей стороне, Сакай вставила свои пять копеек:

— Ронин-сан сильно обжѐг руки, Фудзивара-сама. Просто не говорит вам об этом.

Я правда не говорил, рассчитывая потом в одиночестве расправиться с ожогами. Хану это не устраивало:

— Рёто-кун, помоги потом Ване обработать его раны.

И так мой рассказ дошёл до звонка сестры. Фудзивара выдохнула и оставила меня с Сакай одних.

— Мне надо срочно позвонить кое-кому. Потом я уеду до самого утра по делам. Рёто-кун, передай Рюдзи, что он остаётся за главного. И вы все — сидите дома и не высовывайтесь, — после чего Хана взяла близняшек и покинула особняк.

— Ронин-сан, снимите пожалуйста рубашку. Я сейчас вернусь, — Рёто отошла на пару минут и принесла аптечку из машины. Как-то у этих японцев туго с медикаментами. Моя мать, к примеру, имеет на полке целую кучу лекарств, антисептиков, солидный запас ваты и бинтов. То ли в Японии никто не болеет и не страдает от ранений, то ли без рецепта можно купить только наборы для водителей. Иного объяснения отсутствию привычки держать под рукой, в доме, набор самого необходимого я не мог.

Руки, хоть не сильно болели, выглядели так, будто я ими доставал запечѐнный в фольге картофель из горящего костра. Больше страшно, чем больно.

Японка, тяжело вздохнув, принялась обрабатывать ожоги. И вот тогда-то начало жечь. Так, что чуть ли не закусил губу до крови.

— Ронин-сан, потерпите. Вам скоро станет легче, — девушка положила руку мне на плечо, стараясь подбодрить. Помогало не сильно — руки болели только сильнее, будто кисти полностью погрузили в кипящее масло. Но я мог только терпеть и смаргивать выступающие слѐзы. На кой хрен я вообще схватил за рога этого козла демонического? Сломал бы ему что-нибудь ударом ноги, но нет. Мной в этот момент словно овладел кто-то другой. Кто-то, знающий уязвимости этого демона. Этот кто-то — я сам. Просто почему-то не помню этого.

Жизнь до смерти — помню хорошо. Новую жизнь — помню отлично, в подробностях! А вот то, что между, приходит только в кошмарах и когда я вижу демонов. Словно часть воспоминаний — огромную и необычайно важную — затерли, но не до конца. Что за силы это сделали? Почему со мной? Этого я не знаю. Но когда-нибудь потом, на том свете, узнаю.

Отвлечѐнные мысли помогли справиться с болью, и теперь я сидел с забинтованными по самые локти руками. Словно боксѐр перед поединком. Только Рёто не поленилась замотать каждый палец по отдельности.

— Выпить хочу. Устал, — выдал я, смотря в пространство. Японка, едва успевшая усесться, подскочила, взмахнув своим конским хвостиком.

— Я сейчас принесу воды, Ронин-сан.

— Нет-нет. Чему-нибудь алкогольного. Надо нервы успокоить.

Если не пить как мой отец, то с катушек я слететь не должен. Как показывает практика. Сакай задумалась ненадолго, наморщив лоб, и ответила:

— У нас есть немного, хозяева оставили в баре на случай гостей. Чего принести, Ронин-сан?

— Что найдешь. Я непривередливый, — наглеть тоже не хочу. Девушка, показав большой палец, отправилась рыться в баре. Вскоре вернулись с парой бокалов и бутылкой прозрачного спиртного. Водка или что-то ей родственное. По иероглифам на этикетке понять невозможно.

— А зачем два бокала?

— Мне тоже хочется успокоить нервы, Ронин-сан.

— А как же работа?

— У меня выходной.

— А... Получается, ты вместо отдыха со мной возишься? Прости, пожалуйста, — Рёто замахала руками перед моим лицом.

— Что вы, помочь вам — мой долг. Есть вещи важнее выходных. Одна из них — вы, Ронин-сан, — что-то в груди потеплело. И лицо покраснело. При этом я ещё не выпил и грамма.

— Давайте отдохнем сегодня вместе! — я большего и желать не смел. Разумеется, я согласился. Рёто оповестила Рюдзи, что мы с ней будем на третьем этаже. В моей комнате. А у меня там — привычно упорядоченный хаос из раскиданных по стульям и дивану вещей. Как стыдно-то за то, что я такой свинтус. Японке

же, похоже, было всё равно, в какой обстановке пить. Прежде всего для неё была компания. Я постарался быть достойным собутыльником.

Выпили, закусили захваченной с кухни снедью, поговори. С каждым бокалом Сакай всё больше и больше раскрепощалась, переставая вести себя словно скромная тихоня. Пошли разговоры за жизнь.

Рёто оказалась старше меня на два года, и при этом она всю жизнь провела под крылом семейства Фудзивара. Половину из этого срока в услужении моей сестре.

Боевые искусства, любимые фильмы, музыка — мы говорили обо всём. Я даже исполнил пару песен из своего старого мира — строчки про пачку сигарет в кармане да уставший кораблик, не особо романтичные, но так уж мне под градусом захотелось. Под конец я не выдержал и даже пожаловался Сакай на свою ненависть к демонам, рассказав также о странных кошмарах.

Всё было хорошо, пока эта прозрачная настойка с приятным пряным запахом не дала мне как следует в голову. Осмелев и окончательно уверившись в том, что Рёто не иначе как послана мне судьбой, я перешёл в наступление.

— Р... Рёто... — чуть ли не икая, заплетающимся языком и порядком окосевшим взглядом спросил я: — Слушай... а у тебя нет никого в Японии?

— Что вы имеете в виду, Ронин-сан? — а этой девчуле хоть бы хны, хотя пили наравне.

— Ну, в смысле, у тебя случаем нет парня? — японка широко улыбнулась и рассмеялась.

— Ронин-сан, могу вам точно сказать, что парня у меня нет.

— Что же... — я хлопнул ещё один бокал, последней для себя за этот вечер, и мир погрузился в непроглядную пелену.

Вновь я увидел белый свет только с рассветом. Голова трещала так, словно в ней работала бригада, вооруженная дрелями и перфораторами всех калибров. А ещё во рту сухо и привкус такой, словно кошки насрали, да ещё и в горле скребут. Нет, мне пить строго противопоказано. Меры не знаю, хоть капля в рот попадёт — и пиши пропало.

Повернувшись на бок, я увидел спящую рядом Рёто. В одной постели, под одним одеялом. Внутри, в районе желудка, что-то приятно кувыркнулось. Обидно как, что я ничерта не помнил. Вроде было хорошо. Но не уверен. А то могло ли быть плохо с ней?

Пока девушка спала, я решил нагнать упущенное за алкогольной дымкой. Хотя бы частично. Аккуратно приподняв одеяло, я увидел тонкую шею, хрупкие плечики и... плоскую грудь? Подняв одеяло ещё выше, я похолодел. Рёто — не она. Рёто — он.

Боже. Мой. Неужели я и Рёто на самом деле... Нет-нет! Это абсолютно невозможно. Сколько я себя знаю, мне всегда нравились девушки. От одних мыслей про мужской пол меня наизнанку выворачивало что в новой жизни, что в старой. Исключено! Ничего не было!

Пока я трясся и обливался ледяным потом, думая о свершившемся этой ночью в алкогольном угаре, Рёто начал просыпаться. Еле-еле разлепил глаза. Я отшатнулся и грохнулся с кровати, неловко приземлившись на пятую точку. Чёрт, как же больно!... Стоп, а не болела ли она ещё до падения? Вроде как нет...

— Ронин-сан, доброе утро, — какое оно нахрен доброе, ты себя слышишь?!

— Рёто... — в голове пусто. Не спрашивать же, было ли у нас что-то ночью или нет? Будет ли смотреться странно? Определённо не страннее, чем пробуждение рядом с другим парнем.

Я попытался встать с пола и только в этот момент заметил, что, в общем-то, мне не мешает прикрыться. Ужас всё нарастал, превращаясь в панику.

— Что-то не так? — а ему хоть бы хны. Чуть приподнялся на локтях и хлопает глазами, строя из себя самую невинность! Испуг стал сменяться понемногу гневом. Стоп-стоп! Не надо поспешных выводов! Всё может быть не так, как ты себе напридумывал.

Ну а как ещё?! В одной кровати. Нагишом. Сильно выпившие. Что, блять, может быть не так?

— Мне надо кое-что уточнить. Рёто, — я встал, стыдливо прикрывая чресла подушкой: — Чем вчера закончился вечер?

Не смей краснеть, черт тебя подери! Ответь как было, без всех этих пауз. Мне страшно, но я обязан узнать — да или нет?

Японец прокашлялся и наконец заговорил:

— Вчера вы сильно прибрали, Ронин-сан. Очень сильно.

— Я это уже понял, верь не верь.

— Вы, похоже, принимали меня за девушку, Я ведь правильно вас понял? — кивнул ему. Не тяни, у меня же нервы не железные. Я хочу знать, что было. Имею право знать: — Ронин-сан, вы внезапно решили поцеловаться, я не успел среагировать и лишь отвернулся...

О нет! Пожалуйста, пустить всё этим и ограничиться. Иначе я не знаю, что с собой сделаю. Точно ничего хорошего. В этом уверен на сто процентов.

— Д... Что дальше случилось?.. — проглотил я вставший в горле комочек.

— Мне пришлось вас немного избить. Простите, но не мог поступить иначе, Ронин-сан, — забрезжил свет в конце спасительного тоннеля. Появилась надежда, что всё обошлось.

— Ничего страшного. Ты всё правильно сделал. Что потом?

— Потом... — опять он покраснел. Хватит, пожалуйста. Я уже как на американских горках то воспаряю надеждой, то ныряю в омут ужаса: — Потом вы начали стягивать с себя одежду и... приставали ко мне.

Говори уже дальше, не томи. А не то я либо сам удавлюсь, либо удавлю тебя самого. Рёто уселся поудобнее, закинув подушку за спину и продолжил:

— В какой-то момент вы допили всё, что оставалось в бутылке, одним махом. Прокричали, что вас атакуют демоны, бросили трусы в угол и упали. Я испугался, что вам стало плохо. Но вы просто отключились, Ронин-сан.

Я посмотрел на тот угол, куда указывал Сакай. И правда, там лежало моё исподнее. Значит, он не врёт, и можно немного расслабиться. Но не до конца. Есть ещё кое-что, что следовало бы уточнить.

— Вот как. Простил, пожалуйста. Я совсем дурным от выпивки становлюсь, надо было тебя предупредить.

Японец коротко помотал головой:

— Ничего, Ронин-сан. Виноваты не вы, а алкоголь.

— Не особо согласен, но не это главное сейчас. Позволь спросить, почему мы спали вместе? — нет, ну хватит уже краснеть! Будь человеком и ответь как следует.

— Я боялся за вас. Подумал, вдруг вас начнёт мутить, и вы захлебнётесь, если я оставлю вас одного. Так мне было спокойнее за вас, Ронин-сан, — фух! Пронесло! А я же говорил, что я по девушкам! Оставалась только одна маленькая, крошечная деталь:

— Спасибо, я тебе очень признателен за это... Но почему ты голый, Господи Иисусе?! — я всё-таки сорвался, не выдержав нервного напряжения от такого кошмарного пробуждения.

— Я никак не могу уснуть в одежде. Не получается, — Рёто виновато опустил глаза. Мне даже стало немного стыдно из-за того, что я начал кричать. И не дай бог ещё кто-то на шум придёт. Замучаюсь доказывать же, что я не из этих самых.

— Понял. Теперь я всё понял. Давай оденемся, что ли, — я боком пошел к своим трусам, но этот милостивый

парень, которого принимал за девушку в это время — и подкатывал уже, как мне теперь за это — лениво потянулся и капризно выдал:

— Ронин-сан, я хочу ещё поваляться. У вас такая хорошая кровать...

— Рёто, без разговоров, — Сакай недовольно надул губы.

— Ладно, — его одежда была аккуратно сложена на стуле, а не разбросана по комнате, как моя. Последнее подтверждение его слов, как мне кажется.

Хм, а без одежды он ещё сильнее похож на девушку... Помотав головой, я натянул на себя брюки. Издевательство какое-то над нормальными людьми. Хотя стоило раньше догадаться.

Ну, за свою гетеросексуальность можно не волноваться. Одной проблемой меньше. Следующая на очереди — ожоги, которые надо бы обработать ещё раз во избежание проблем. Жаль, Рёто уже ушёл, он был здорово помог. Без него пришлось развязывать крохотные узелки бинтов зубами.

Боли снова не было. Становилось страшно. Не могло же мне спалить руки аж до самых нервных окончаний? Я всё разматывал и разматывал бинты, опасаясь увидеть обгоревшие и начавшие гноиться обожжённую плоть, но... Нет. На руках не было и следа от вчерашней схватки! Как такое возможно? Исцелить раны за одну ночь ведь могло только чудо.

Меня осенило — магия! Непонятно только, чья. Если бы среди японцев был целитель такого уровня, то с бинтами заморачиваться никто не стал. Остаётся подумать только одно. Раны исцелил себе я сам.

Вопрос — как? Я же не такой сильный маг, пусть даже и имею большой потенциал. Возможно, это как-то связано с моей загробной жизнью? Очень даже может быть! Жаль, я не знаю, как заставить себя вспомнить то, что было по ту сторону.

Спустившись на первый этаж, обнаружил завтракающих японцев, что только-только проснулись и готовились сменять ночную охрану на постах. Поприветствовав их, я чуть не столкнулся Рёто.

Я буквально чувствовал, как становлюсь пунцовым. Нужно время, чтобы все нехорошие мысли ушли, не иначе. Лучше бы подальше от Сакая, пока прочие — отлично знавшие пол Рёто, но ничего мне не говорившие — не начали надо мной подтрунивать. А ведь начнут. Небось даже ставки делали, когда я узнаю и какотреагирую. И даже если я буду молчать, даже если Рёто будет молчать — наше поведение выдаст нас головой.

— Прости, Рёто... — решение пришло сразу же: — Я, пожалуй, навещу семью. Посижу у них денёк другой переведу дух. Потом вернусь.

— Фудзивара-сама разрешала вам покинуть дом? — спросил меня Сакай, глядя в лицо и заставляя краснеть ещё сильнее.

— Я не подчиненный своей сестре. Просто напоминаю, — в этот момент кожей почувствовал, что все взгляды скрестились на мне. Определённо неодобрительные, ведь я говорю что-то против их госпожи.

— Фудзивара-сама должна хотя бы знать о вашем решении, — взгляд Рёто был почти что умоляющим.

— Ладно. Звони ей, а я пойду за руль. Можете выдумать что-то про меня, что я сбежал, например. Что угодно. Но я поеду.

Один японец попытался встать из-за стола. Но его усадил на место Рюдзи. Он тоже смотрел с неприязнью на меня в тот момент, но чинить препятствий намерений у него не было.

— Будьте осторожны, Ронин-сан, — сказал Сакай и протянул ко мне руку, но я этого прощального но жеста не оценил. Просто пожал её.

— И вы тоже будьте настороже. Все!

Завёл «Коррадо» и выехал из гаража. Весь пусть в городе внимательно следил через зеркала — вполне может быть какая-нибудь слежка. Или, что хуже — очередной убийца. Да ничего похожего я так и не обнаружил. Только в который раз попала на глаза владелица красного мотоцикла верхом на своем стальном скакуне. Когда я уже было напрягся, симпатяшка в красной куртке пролетела вперёд и уехала на окружную. Значит просто частые совпадения, воспринятые через призму паранойи, а не слежка. Можно спокойно выдохнуть и ехать к себе домой, не опасаясь привести на порог какого-нибудь повязанного с Преисподней ублюдка.

Весь путь к Дорогобужу пролетел на одном дыхании. Свободная трасса, до самого горизонта почти ни одной машины. Можно и втопить под сто тридцать. Отдохнуть в дороге. Но как-то не получалось.

Припарковался у родной двухэтажки я всего через минут пятьдесят. Разумеется, мне никто не ждал. Надо было бы хотя бы позвонить, что ли. Достав смартфон, обнаружил, что батарея сдохла. Вчера так и не поставил на зарядку. Придётся у Павла просить — своё зарядное устройство я не взял, само собой.

— Тук-тук, — постучался я в дверь, и меня встретила на пороге приятно удивленная сестрёнка. Судя по виду только-только проснулась.

— Ванька! — кинулась Ульянка мне на шею и заголосила на весь дом: — Мама, тут Ваня приехал!

Мать тут же прибежала и шикнула на младшенькую:

— Не шуми, отца разбудишь! — и очень нежно, ласково обратилась ко мне: — Ванюша, сынок, какими

судьбами к нам приехал? Хоть бы позвонил, я бы приготовила чего-нибудь вкусенького.

— Привет, мама, — обнял я счастливо сияющую женщину. Судя по фартуку, она и так что-то готовит, голодным не останусь: — Да так, на денёк-другой приехал. Не всё же мне в Смоленске сидеть.

Похоже, вечерних новостей они не видели. Повезло, меньше будет неудобных вопросов. Надежда мои порушил появившийся в прихожей Паша, с очень серьёзным выражением лица.

— Привет. Всё в порядке? — спросил он меня, вызвав у матери и сестры недоуменные взгляды.

— Вроде как. А что такое? — я ещё не понял, откуда у брата столько беспокойства за меня. Он у меня тут же просветил:

— Ты ещё спрашиваешь! Я как новости посмотрел, чуть со стула не упал — думал, крышей двинулся.

— А, ты об этом...

— Не говори так, будто это какая-то мелочь, — упрекнул меня Павел. И он прав, это ни разу не мелочь. Всё серьёзней некуда. В разговор встряла мать:

— Для начала пусть Ваня хоть в дом войдёт, а то пристал к нему. Потом расскажите, в чём дело. И не смейте шуметь, ваш отец отсыпается перед дежурством.

Опять отца заставляет вкалывать командир части, получается. Вот же сволочь! И почему на него не напишут жалобу подчинённые? Видимо, всех всё устраивает.

На тесной — после столовой в особняке — кухне уже был готов завтрак. В печке сидели пирожки, дожидаясь возможности перекочевать поскорее на стол. После поедания гречки с сахаром и молоком мы с Пашей рассказали матери о вчерашнем происшествии. Ещё и показали запись репортажа. На удивление, почти ничего не обрезали. Даже угрозы демонам и их хозяевам остались в неизменённом виде.

Разоряя пачку любимых отцовских печенек, я выслушивал причитания матери и мрачные комментарии моего брата. Одна Ульяна сидела с восхищёнными глазами. Дождавшись паузы в разговоре, младшенькая сказала:

— А я думаю, что Ваня крутой, раз смог победить демона! И зря вы его ругаете!

— Помолчи! Ты не знаешь, о чём говоришь, — попыталась заткнуть сестрёнку мать, но та парировала, пусть и весьма неумело:

— Зато я знаю Ваню! И он правда крутой!

Матери только и оставалось зло шикнуть, призывая всех к тишине. Я подмигнул Уля, и та довольно заулыбалась мне в ответ.

Как минимум ради неё стоило сюда ехать. В прошлой жизни ни братьев, ни сестёр у меня ни было. Я понятия не имел, насколько это здорово — быть не единственным ребёнком в семье. Да, тяжело быть старшим временами, но как же здорово смотреть за тем, как из умеющей лишь орать крохи вырастает та, кто тебя любит и будет поддерживать, несмотря ни на что.

Дослушав наконец речь о том, какое безрассудный и безответственный, отправился в свою комнату. Порядком раздражённый и усталый.

Хорошо, что голова после вчерашнего не сильно болела. А ещё хорошо, чтобы меня не остановили по пути в Дорогобуж — а не то плакали бы мои права, не покатался бы я на своём «Коррадо». И вообще, в таком состоянии можно в кого-нибудь врезаться. Так что после пьянок за руль — никогда больше. Наверное и вообще пить не буду больше никогда, а не то сделаю такое ненароком, отчего будет уже не отмыться. Я аж поёжился, как представил.

Стоило попасть на свою кровать, как меня одолел сон. Голова была чугунная, а веки — свинцовые. Поборовшись пару минут с накатывающими волнами усталости, я сдался и унёсся в царство Морфея.

Во сне меня поджидали они. Рогатые, хвостатые, двухголовые, многоногие. Демоны напоминали жутких химер, несколько не похожих на чёртика с картинок. Было страшно, но я был не один. Стоило издать боевой клич, как мне ответили сотни голосов. И мы теснили врага. Прямо к горящим скалам. Сбрасывали врагов в лавовые озёра. Победа. Толпа торжествовала. Но мы знали, что впереди ещё сотни и тысячи подобных сражений. Мы вновь издаём наш боевой клич и идём к новым победам.

Я проснулся. Футболка — хоть выжимай. Сердце колотится как после марафона. Вот ведь...

С трудом встаю с постели. За окном уже густые сумерки. Всё небо затянуто непроглядной серой пеленой. По крышам раскатывается гром. Привычно бросаю взгляд на зеркало и замираю.

Взгляд прикован к отражению. Лицо начинает сменяться звериной мордой. Кожа краснеет, словно обваренная кипятком. Шерсть покрывает ноги. Ступни превращаются в свиные копыта. За спиной раскрываются крылья летучей мыши. Человек и демон сменяют друг друга.

Удар сердца. Другой. Третий. В зеркале снова я. Со следующим отдающимся в ушах стуком — демон.

— А-а-а!!! — я бешено взревел и ударил ногой по проклятой твари. Зеркало разлетелось на множество осколков, из которых мне напоследок злобно оскалился враг.

Наваждение спало. На жуткий грохот битого стекла примчался отец.

— Что случилось?! Ваня! — кинулся он ко мне и принялся осматривать. Каким-то чудом на мне не было ни

единой царапины. Зато всего меня колотило, словно в припадке.

— Мне надо убить их всех... Всех до последнего... — демоны. Они во всём виноваты. Отец похлопал меня по щекам. Понемногу начало становиться легче. Адреналин ушёл. Осталась только ненависть. Я кое-что вспомнил из своей загробной жизни. И это что-то должно быть остановлено. Демоны идут в этот мир, и их всё больше. Это может значить только одно.

Вторжение.

Один важный звонок

Анастасия Николаевна, лениво откинувшись на спинку дивана, легонько постукивала указательным пальцем по своим губам. Она старалась напрячь извилины, но в этот вечер ничего не лезло ей в голову.

Виной тому был визит Фудзивары. Подруга из Японии, после короткого звонка с оповещением о скором приезде, заявила со своими охранницами ближе к полуночи вчерашнего дня. Стоило только им усесться в гостиной, как Хана начала тараторить о своём брате.

— Настя, представляешь, что Ваня сегодня учудил? — и показала княжне запись репортажа о нападении демона.

— И что ты мне хотела сказать этим? Могла бы и просто скинуть ссылку, не обязательно было ехать ко мне... — начала было Анастасия Николаевна, но Фудзивара подняла палец кверху, призывая свою подругу помолчать.

— Я не могла просто так скинуть. Потому что это не первый такой случай, — Хана перешла на заговорщический шёпот: — Ваня уже убивал демона. В Храме Призыва.

Княжна сильно удивилась. Об этом она ещё не слышала, что было странным — обряд призыва для простолюдинов прошёл уже давным-давно. И о таких вещах должны были бы доложить в первую очередь именно ей. Похоже, что кто-то решил поиграть в самого главного на своей территории. Храм Призыва стоял на землях графа Ермолинского, так что виновный был очевиден.

— Вот как, получается... Спасибо, что сказала.

После этого Романова и Фудзивара недолго обсуждали произошедшее, гадая, откуда в простом русском паренёчке столько магических сил — ведь очевидно, что не-маг нанести существенный урон демону голыми руками не мог. Затем японке потребовалось срочно уехать по делам, оставив подругу в глубоких раздумьях.

Анастасия Николаевна, проведя бессонную ночь, а после — бестолковый день на приёмах у пары важных лиц Смоленска, хотела хоть немного отдохнуть. Но своеволие вассалов не давало ей покоя, подтачивая изнутри и лишая всяких сил. Наконец, княжна решила сделать один-единственный звонок:

— Алло, приёмная Его Сиятельства графа Ермолинского? Соедините меня с Сергеем Сергеевичем. Да, я знак который час. Скажите, что его ждёт Её Высочество Анастасия Николаевна.

Спустя пару кружек сладкого чая и заворачивания в тёплое одеяло меня начало отпускать вызванное наваждением ощущение. словно бы за спиной перестал стоять кто-то, давивший на плечи и стискивавший свои костлявые пальцы. Дрожь в пальцах и руках медленно унималась, оставляя после себя лишь мокрые ладони.

Отец выгнал всех из моей комнаты. Даже стоять под дверью подслушивать не дал. С очень серьёзным видом — не моргая, распушая усы каждым выдохом — он уселся ко мне на кровать:

— Ваня, блять. Тебе лучше рассказать, в чём дело, а не молчать. Иначе я дам тебе пиздюлину.

У меня это угроза ничего, кроме усмешки, не вызвала. Я каждый день получал по морде почти половину свою жизни. Стерплю как-нибудь, в додзё я ради этого и ходил. Батя начинал злиться. Я понял наконец, почему:

— Тебе эта японка кого-то говна дала, что у тебя крыша протекла? Если да, то хоть кивни.

Вот в чём дело... Как же ты неправ насчёт меня и Ханы, отец. Приравнивать местных дурачков из числа детишек дворян с настоящей японской женщиной-дворянкой. Заботливой, доброй, хотя временами и строгой. Это лишь сильнее красило её в моих глазах.

Я помотал головой. Батя выдохнул, слегка успокоившись. Для него не было бы новостью, если бы мне жизнь в большом городе сорвала крышу. В этом мире ведь тоже хватало вариантов весело провести время. Ничем не хуже, чем в том, откуда я принёс своё сознание. Помолчав еще немного, я наконец заговорил:

— Всякая дрянь здесь не при чём. И Хана тоже не виновата в моём состоянии. Виноваты только они.

— Кто? — отец взял за руку меня, смотрящего в пространство перед собой. А я в тот момент видел не стену своей комнаты, увешанную грамотами за успехи в спорте и учёбе. Не многочисленные медали, что гроздьями свисали с полок, и даже не кубок чемпиона России.

Перед моими глазами стояли страшные картины. Казематы Преисподней, в которых томятся души грешников в ожидании наказания. Кипящие серные озёра, в которые спускают клетки с провинившимся. Бойни, что разделяют человеческие тела круглые сутки. И как погибшие в мучениях вновь просыпаются в своих наполненных гнилью камерах, ожидая с ужасом повторения всего, через что они прошли. Ждать было даже страшнее. Видеть, как те, что впереди, погибают в муках. И нескончаемо страдать от невозможности сделать хоть один глубокий вдох, что не обжигал бы лёгкие.

Если враги с Адских пустошей проберутся в этот мир, если завоюют его — то каждого из жителей Земли ждет та же участь, что и грешников в Преисподней. Возможно, что даже страшнее. Этого я допустить не могу.

— Демоны. Они виноваты.

Отец провел ладонями по лицу. Мне он явно не верил. Видимо, новостей за вчерашний день тоже не смотрел. Иначе бы реагировал совершенно по-другому.

— Демоны, значит. Чем же они тебе не угодили-то?

— Ничем. Кроме того, что они — демоны. Их надо уничтожить любой ценой.

Уж если кому-то такое говорить, то отцу. Он должен будет понять, что я чувствую. Хотя даже у него, ветерана нескольких войн, могло не быть такой ненависти к врагу. Всё же его не пытали сотни и тысячи лет.

— Понятно, — ничего тебе непонятно. Увы. А я рассчитывал на это. Что хоть кто-то вникнет и прочувствует беспокоящие меня вещи. Но он не поймёт. Никто не поймет, пока не испытает того, через что пришлось пройти мне. Я должен найти хоть кого-то, кто сможет. Только дворяне, лишь они могут знать о таком.

— Нужно съездить к Хане. Рассказать ей. Думаю, только она сможет помочь, — даже если нет сказать, у неё должен быть выход на дворян, что смогут меня выслушать.

Люди должны знать, что их ждёт, подготовиться к опасности вторжения. Если об этих замыслах демонов знаю только я — страшно представить, какая ответственность свалилась мне на плечи. Никак не меньше, чем судьба целого мира зависит от моих действий. По спине пробежала струйка холодного пота.

— Хорошо. Только приди для начала чувство. Да поужинай.

Спорить бессмысленно. К тому же у меня самого утра ни крошки во рту не было. Сбросив одеяло, я поднялся с кровати:

— Ладно. Только схожу сперва в туалет.

Когда я стоял в уборной и делал свои дела, голову словно стало прокалывать раскалённым шилом. Еле удалось удержаться на ногах, опершись на стену.

Передо мной проносились моменты из моей загробной жизни. Обрывочные, связанные между собой только одним — моим присутствием. То, что это на самом деле ужасы из-за той стороны, я уже несколько не сомневался. Слишком яркие, живые образы. Слишком много произошло такого за этот месяц, чтобы сомневаться. Я больше не принимал это на верну. Я знал, чтобы был в Аду. Что воевал с демонами. Что это до этого они меня истязали ради собственного удовольствия.

Головная боль ушла, оставшись в памяти яркой вспышкой. Калейдоскопом страха и боли. И... надежды, что люди способны это изменить.

Ужин я умял быстро, но без энтузиазма. Просто было понимание, что мне понадобятся силы для борьбы. Битва за этот мир не просто может начаться в любой момент. Она уже идёт. И вот-вот примет самую страшную форму. Разгорится, словно пожар из одной только искры. Срочно нужно что-то делать, чтобы даже эта искра не сумела появиться. Приложить все усилия. Ради мира. Ради людей.

— Большое спасибо. Я поехал, — вытерев руки салфеткой, поднялся из-за стола. На меня смотрела вся семья, но мне всё равно. Скорее ехать к Фудзиваре. О возможной встрече с Рёто и мысли не было. Какое может быть смущение после того, что я о себе вспомнил? Аж смешно от самого себя. Настолько глупым не казались произошедшее утром. Не стоящим внимания.

Отец и Ленка тоже встали из-за стола.

— Ну, мне уже пора на дежурство собираться, — пригладил батя свои усы, слегка блестящие от оставшегося на них жира с мяса.

— А я у Максима переночую, — отцу слова дочери не нравились, но скандал он устраивать не стал. Привык уже, что влюблённую девушку не переспорить и дома не запретить. Особенно Ленку — она не один раз сбегала из дома ради своего парня. Окончательно отец смирился с тем, что его ненаглядная дочурка стала взрослой, когда познакомился с Максимом. Вроде как у него всё серьезно. Лично я в это не верил. Хорошо, если ошибаюсь.

Всё же батя нашёл способ надавить на Ленку лишний раз. И чего ради?

— Ваня, отвези её. Мне так спокойнее будет.

— Ну папа! — обиженно посмотрела на него Ленка, сложив руки на груди.

— Никаких ну. Тем более, это будет Ване по пути.

Господи, неужели мне придется ждать, пока сестра соберётся — думал я в тот момент. Не пришлось — Ленка закинула жвачку в рот и, забрав из своей комнаты заготовленный рюкзачок, уселась ко мне в «Коррадо».

— Хоть ты мне не будешь мозги компостировать? — устало спросила меня сестра, развалилась на кресле.

— Не до этого. Пристегнись, — я любил одно время докапываться до Ленки по поводу её парней. Сам не знаю, зачем, но почему-то мне казалось забавным. Наверное, тоже проявление братской ревности.

— Да тут ехать пять минут...

— Пристегнись.

Обиженно посмотрев на меня, сестра цокнула языком и выполнила моё требование. Почему ей не нравилось ездить пристёгнутой? Лишние телодвижения совершать лень? Не хватало мне ещё проблем с законом из-за закидывания Лены. Да и с лобового стекла оттирать её, если вдруг что случится, не хочется.

Ехали молча до самого дома её парня — многоквартирной шестизэтажки. Не всем повезло жить в частном доме. Или тем более особняке, в котором поселилась Фудзивара.

— Спасибо, — под конец поездки Ленка перестала на меня дуться и даже чмокнула в щеку на прощание. Я даже немножко расслабился и перестал напряжённо цепляться за рулевое колесо.

— Да не за что. Повеселитесь там, — показал я сестре большой палец. Как только хлопнула дверь машины — сразу же притопил и с пробуксовкой вылетел на улицу Дорогобужа.

На трассе до Смоленска меня ждал неприятный сюрприз. Поглядев в зеркала, я увидел тот самый красный мотоцикл. Эта байкерша точно меня преследует! В животе стало неудобно, в груди холодно. Нога сама собой вдавила педаль газа в пол в надежде оторваться от преследования.

«Коррадо» взвыл, требуя воткнуть следующую передачу. Педаль сцепления, ручка переключения — и я полетел по дороге так, как никогда до того. Ни одна гонка, что в прошлой, что в этой жизни, не требовала от меня такой собранности. Верхняя передача — и вот я уже на двухстах километрах в час мчусь по плохо освещённой дороге. Опасно, но так надо. Я и так привёл какую-то сволочь к себе домой.

Чуть было не позволил страху за близких сковать себя, но нет — не на такой скорости. Иначе я останусь намотанным на первом же столбе. А моя жизнь сейчас слишком важна.

Огней от фар мотоцикла я больше не видел. Спокойно смог доехать до Смоленска, и как только пересёк городскую черту, зазвонил индикатор опустевшего топливного бака. Надо подзаправиться. Ещё и в животе от переживаний заурчало. Беда с этим большим телом — вечно кушать хочется.

Хорошо, что заправка с небольшим магазинчиком была тут же, на въезде в город. Завернув к ней с шоссе, остановился у ближайшей колонки. Достал телефон и на полпути к оплате через приложение вспомнил, что всё равно придётся идти на кассу, чтобы купить перекусом. Да и на зарядку свой смартфон я забыл поставить. Пришлось втыкать запасной провод в разъём на панели.

Вытащив ключ зажигания, я пошёл в магазин при кассах. Взял пару пачек чипсов — червячка заморить хватит. Вообще, чего только на этой заправке не продавалось. Даже всякие вещи для активного отдыха и походов. Видимо, покупают, раз есть в ассортименте. Выезд из города, опять же, последний шанс затариться всем забытым дома.

Взгляд среди прочего зацепился за перчатки. Походные, способные выдержать некоторое время даже в открытом огне, с твёрдым покрытием для защиты костяшек пальцев. Если вдруг вновь придётся драться с демоном — то хотя бы не сожгу руки. Конечно же, перчатки оказались в корзине. Если носить их с собой, то обязательно когда-нибудь пригодятся.

Оплатив покупки и бензин, я уже собирался выходить из помещения, и только у самых дверей заметил четвёрку дворян на стоянке рядом. У каждого — дорогущая машина. Казалось бы, что в этом такого? Но эти дворянские сынки держали при себе демонов-фамильяров в их реальном облики, явно хвастаясь друг другу. В груди разгоралась уже знакомая мне ярость. На этот раз не туманившая разум, а обдавшая его ледяной ясностью.

Вместо того, чтобы подойти к этим ребятам и принудить отказаться от своих фамильяров, я спокойно вернулся обратно к кассе, захватив по пути балаклаву-маску.

Подойдя к «Коррадо», закинул на пассажирское сиденье снесь и проверил телефон. Тот успел немного подзарядиться от разъёма, на звонок-другой хватит. Но никто не звонил. Даже Хана — видимо, занята другими вещами, или Тетсуо с Рёто смогли её убедить, что мне нужно немного времени провести в покое. Жаль, что никакого покоя не вышло.

Натянул перчатки — сидят как влитые. Надел балаклаву. Папашки этих дворян меня всё равно найдут, с их связями хоть с ног до головы задрапируюсь — не поможет. Так что маска для меня самого. Где-то когда-то читал, что скрытие личности помогает делать вещи, на которые без маски ты бы никогда не пошёл. Несколько глубоких вдохов для успокоения — и я готов. Похоже, балаклава и правда помогает.

Я вышел из машины и направился напрямиком к этому из сборищу юных демонологов. Они уже готовились было уезжать, но моё внезапное появление их словно загипнотизировало. Явно парни не ожидали, что один придурок в маске способен на что-то больше, чем просто идти на них с грозным видом.

— Паря, ты в порядке вообще? — спросил меня худой, татуированный от пальцев до плеч блондинчик. За его спиной стоял покрытый перьями демон с вороньей головой.

Остальная троица посмеивалась. Ровно до того момента, пока я не подошёл к открывшему свой рот парню. Без лишних разговоров двинул ему в подбородок, моментально вырубив. Дворянский сынок с грохотом упал на капот своего жёлтого «Ламборджини» и затих.

— Ты вообще идиот что ли?! — заорал на меня бритый налысо толстяк. Неожиданно резко он бросился вперёд, доставая заткнутый сзади пистолет. Двое других хлопали ртами, как рыбы, и угрозы не представляли. В отличие от демона-ворона, потерявшего контроль и готового напасть на меня, обдав пламенем с крыльев.

Удар толстяку по печени. Когда он согнулся от боли, я выкрутил его руку и отобрал пистолет. Мне он не нужен, правда, но напугать двоих оставшихся дворян — самое оно. Тем более что избивать именно их я не собираюсь. Только уничтожить их демонов и преподать урок. Попытавшемуся вырваться из захвата здоровяку, что крыл меня матом и грозился всеми пытками мира, я добавил коленом в живот, после чего он упал и не шевелился. Его демон с крысиной мордой отпрянул, боясь попасть под удар.

Ворон обдал меня — а также всех других — огнём и тут же попытался отлететь. Не успел — я, бросив оружие в сторону, вцепился в его горящие перья и начал охаживать ногами. Демон бился, орал во всё воронье горло, но тщетно. Ударом ноги в голову я повалил его на асфальт и принялся добивать.

— Ты что творишь?! Завязывай, ёбанный психопат! — ещё один из оставшихся парней, низкий и коренастый брюнет с бородой, отмер и попытался напасть на меня сзади, но получил пяткой в грудь и шлепнулся на задницу, ловя воздух ртом. Последнего из демонологов не видно. И это плохо!

Ударив ворона ногой по голове, я сломал тому кости черепа, и содержимое головы демона расплескалось во все стороны. Крыса попыталась скрыться за машиной хозяина, красивым зелёным «Доджем», но легко была найдена по торчащему хвосту. Стоило только наступить на него, как раздался жалобный писк. Через секунду шея крысы была свёрнута. Второй демон пал, не оказав никакого сопротивления.

Третий оставшийся без контроля демон выглядел точь в точь как тот песиглавец, которого я одолел на трассе. Неужели этот бородач — сын того кабана? Не повезло их семье, что можно сказать.

Последний дворян на своего демона не надеялся. Он видел, как атаки фамильяров никак мне не вредят, и что-то искал в своей машине.

Собакоголовый быстро получил перелом обеих ног и шеи. Остался последний демон, похожий на свинью с короткими рожками. Неожиданно четвёртый дворянин вынул из своего чёрного «Камаро» ружьё. Так, сейчас не до свиноголога.

— Стой, не то убью! — направил ствол на меня крепкий патлатый шатен. Он весь дрожал от страха, как на ногах ещё стоял. Я молча подошёл — целился парень куда угодно, но попасть по мне не смог бы при всем желании, так сильно гулял ствол. Взявшись за ружьё, двинул локтем патлатому в нос. Тот упал на свою машину, сдавленно мыча.

Демон-кабан, визжа и пытаясь убежать от меня подальше, постоянно оглядывался, что его и подвело. Он

врезался в колонку заправки на всём ходу. Осталось только забить его прикладом, и запрыгнуть в свой «Коррадо», чтобы поскорее уехать. Спустя несколько минут за рулём я пришёл в себя. Ледяная ярость отпустила, оставив после себя осознание случившегося. Теперь мне точно конец. Это вне всяких сомнений. Раз я завладел оружием — то по мне будут стрелять, как только увидят. А даже если не пристрелят, то всё равно казнят. И никакое заступничество Фудзивары мне не поможет.

Зная, что по ту сторону жизни меня ждёт продолжение войны с демонами, за себя страшно практически не было. Только за друзей и близких. Неужели целый мир будет обречён из-за того, что я поддался желанию уничтожить демонов именно здесь и сейчас? Какой же я идиот!

Вдруг экран телефона засветился, заиграла простенькая мелодия. Звонок с неизвестного номера.

Другой звонок

Граф Булычев вздрогнул, когда в его кабинете раздался звонок. Уже был поздний вечер, и у звонившего должна была быть веская причина, чтобы потревожить важного и занятого человека в такое время.

— Слушаю, — снял Николай Александрович трубку. Ему ответил хрипловатый женский голос.

— Ваше сиятельство. Это случилось — птичка склевала четыре зёрнышка. Что прикажете делать?

Графу стало немного жарковато и душно от услышанного. Волнение заскребло сухостью горло. Ронин наконец сорвался и убил целых четырёх демонов. Это и восхищало, и пугало одновременно. Невероятно, чтобы простолюдин без фамильяра, особенно в таком возрасте, голыми руками одолел бы хотя бы одного гостя из Преисподней. А тут он сумел уничтожить целый демонический квартет.

Вариантов была масса, но Николаю Александровичу что захотелось проверить, на что способен этот парень. Заодно — дать ему возможность отомстить. Слепое восхищение Тем-кто-помнит затуманивало рассудок, и Николай Александрович ответил:

— Позвони нашей птичке, пусть она навестит уютное райское гнездышко.

— Есть, — коротко ответила женщина и повесила трубку.

Булычев молча подошёл к окну и посмотрел на четвертинку убывающей Луны. Это ночь будет полна пролитой крови демонологов. Графа это восхищало.

Я смотрел на телефон, боясь принять звонок. Это вполне могла быть и полиция, и желающие меня похоронить дворяне.

Подняв трубку и не услышав сразу же угрозы, я спросил:

— Алло?

— Здравствуйте, Иван, — на той стороне провода была женщина с легкой хрипотцой в голосе:

— Здравствуйте. А вы кто?..

Женщина замолчала, после чего шумно выпустила воздух из лёгких. Похожая, она курит. Это не самый хороший знак, как мне кажется.

— Я знаю тебя, но ты не знаешь меня. Есть информация, которой я хотела бы с тобой поделиться.

— Слушаю, — опять короткая пауза от неё.

— Хочешь узнать адрес, по которому сейчас находятся устроившие нападение на тебя и Такахаси?

Мне это не нравится. Очень и очень плохое предчувствие из-за этого. Но внутри меня уже вновь разгорелся огонёк той ледяной ярости, что было успел угаснуть.

— Говорите, — сквозь зубы выдавил Я из себя. Женщина усмехнулась:

— Запоминай. Озеро Райское. Частный дом с музыкой на всю катушку. Десять демонологов. Как справишься

— узнаешь, что дальше, — не успел я спросить хоть что-то, как в трубке раздались короткие гудки.

Вот же дьявольщина! Именно сейчас, когда я уже неслабо так накуролесил и испортил себе жизнь. Я хоть и оторвался от преследования, но за мной продолжали следить. Позвонившая женщина не иначе как та мотоциклистка в красной куртке. Догнала меня, пока я заправлялся, и всё видела. Чего-то другого быть никак не могло.

А ведь и правда — всё сходится! Впервые я увидел симпатяшку на красном мотоцикле именно после того, как убил призванного фамильяра. Слежку установили сразу же, и пытались замолчать случай в Храме Призыва те же люди. И всё это время я практически в упор не замечал всех этих деталей.

Может ли быть так, что это Хана? Едва ли. У неё нет такого влияния в этом городе, да и ей достаточно было просто навязать телохранителя. От компании Ако или — до сегодняшнего утра — Рёто я бы вряд ли отказался.

А кто мной ещё интересовался за это время? Граф Булычев — он вызывал меня на странный разговор и продемонстрировал бесёнка в клетке. Я, опять же, упустил это из внимания. Слишком сконцентрировался на себе, каких-то внутренних переживаниях, когда следовало бы присмотреться к окружению и событиям вокруг себя.

Кто дурак? Я, конечно. Кто же ещё. И раз замешан Николай Александрович, то, наверное, мне стоит выполнить указания звонившей. Доехав до перекрёстка, развернулся и поехал к Райскому озеру. Оно где-то на юге Смоленска, в районе для богатеев со всего города. И то, что вечеринка демонологов проходит именно в этом месте, удивления не вызывало. Только горькую усмешку из-за контраста названия места с его сутью..

Включил радио. Наконец играло что-то достойное. В стиле музыки восьмидесятых. Неоновые вывески, приносясь за окном, обжигают били по глазам. Деревья по краям дороги выстроились в коридор, указывающий путь к моей мести. За внезапное нападение. За преследование на окружной. За гибель людей. За гибель той девочки.

Руки сжались на руле. Я едва сумел успокоиться и не провалиться в безумную, засасывающую ненависть к демонам. Нельзя натворить ещё больше глупостей. И так их слишком много было допущено за последние дни.

Доехав до Райского озера, я заглушил двигатель на ближайшей стоянке. Сердце быстро и гулко билось в груди. Руки мелко дрожали. До ушей доносилась музыка из дома на берегу. Красивого, двухэтажного здания из серого камня с тёмной крышей. Архитектура навевала мысли об университетах Британии или Северной Америки. Такие же острые шпильки по краям. Вспомнил, как это называется. Коллегиальная готика.

Знал я это из прошлой жизни. Коллега по работе ездил в Принстон, фотографировался на фоне похожих зданий. Он мне и рассказал о том, как такой стиль ему полюбился. И ещё жаловался, что в России ничего подобного нет. Хотя я ним был не согласен. Красивых зданий университетов у нас хватало.

Эх... зря я подумал о прошлой жизни. Получение высшего образования, защита диплома, затем диссертации — те немногие счастливые моменты моего существования. Я всё хотел сравнить ощущения и впечатления от систем образования. Чисто советской и российско-имперской. Но, видимо, не суждено. Придётся мне эти мысли оставить в пользу уничтожения демонов.

Пока я жив и на свободе, нужно сделать как можно больше. Надежда на помощь Николая Александровича есть, но она настолько невелика, что ею можно пренебречь. Если запахнет жареным — от меня избавятся быстрее, чем я успею назвать фамилию графа. С другой стороны, стали бы меня так подставлять, если бы были уверены в том, что у меня нет шансов справиться с десятком демонологов? Как минимум, они там все перепились и

не ожидают внезапного нападения. Это меня немного подбодрило.

Но как же не хочется выходить из машины. Давили сомнения — зачем я вообще сюда приехал? Ответ прост. Уничтожить демонов. Устранить угрозу. Отомстить.

Вновь меня начала охватывать эта яростная дрожь. Наверное, в сравнении с тем, что я уже пережил в Преисподней, боль смертного тела — ничто. Можно не бояться, а действовать. В любом случае я окажусь в Аду. От меня зависит только то, как много заслуживающих страшных мук демонопоклонников я заберу с собой. По продолжающим всплывать воспоминаниям для продавших свои души демонам есть особые котлы. На самом дне самого нижнего из кругов. Недалеко от ледяного озера, где сидит главный враг.

Рот искривился в не предвещающей ничего хорошего демонологам ухмылке. Я взял в руки ружьё и пересчитал патроны. Шесть штук. Неужели тот идиот на спорткаре возил с собой заряженное оружие? Чудо тогда, что он сам себя не застрелил. С него бы случилось. Хотя скорее с испугу просто зарядил дробовик до упора, боясь, что ему не хватит выстрелов на меня.

Открыл дверь «Коррадо», остановился. Наверное, на всякий случай стоит позвонить Хане и Матери. Попрошаться, сказать свои возможно последние слова. Ну уж нет! Я отказываюсь хоронить себя раньше времени. Убьют так убьют, а выживу — ещё смогу что-то им сказать. И передать дворянам о готовящемся вторжении. Нет, погибать никак нельзя.

Да если сестра что-то такое услышит, то непременно отправит на мои поиски Ако и Юко. Вот только их мне подвергать излишней опасности совершенно не хотелось. Если им и суждено умереть, защищая кого-то, пусть лучше это будет Фудзивара, а не начинающий охотник на демонов.

Тут меня обожгло изнутри понимание. Жуткое, липкое. Слово бы в мою грудь вонзили кучу раскалённых прутьев и расплавили. Моя сестра... она ведь тоже демонолог! Я ведь знал это. Ещё у ворот к особняку Булычева всё понял. Но стоило поманить меня жалким бесёнком, как я оставил, а после и вовсе не решился поднять этот вопрос. И забыл про него подчистую.

А ведь вместе с ней наверняка имеют в подчинении демонов и Ако с Юко!.. Захотелось обнять колени и заплакать. Почему я такой тугодум, откуда эта проклятая забывчивость? Неужели я и правда получал по голове слишком много? Нет, скорее я всегда был не очень умным. Просто обманывал себя тем, что зарылся в циферки и чего-то добился в науке. Или, быть может, боялся подумать худое про свою родню? Хана ведь сестра, пусть и родства у нас на ноготь мизинца не наскребётся.

Так или иначе, в особняк Фудзивары я возвращаться не намерен. От демонов нельзя ожидать ничего хорошего. Они всегда предадут, если решат, что им от этого будет какая-то выгода. Даже контракты спасают не всегда — столько в них лазеек, что привычные к выворачиванию всего и вся наизнанку твари легко бросят призвавшего их мага.

Но я знал способ перехитрить любого демона. Достаточно лишь избавиться от него до того, как он решит кинуть своего хозяина. Лучший способ избавления — убийство.

Как следует закипев, я понял, что, готов. Мысли в сторону. Натягиваю балаклаву на голову, а на руки перчатки. С щелчком дослал патрон в патронник. Пора вершить месть.

Тут телефон вновь зазвонил. Не дадут никак сделать своё дело. До меня пытался дозвониться мой друг Толик.
— Да? — сухо спросил я товарища по додзё. Бывшего товарища. Всё-таки теперь я не у Дмитрия Олеговича занимаюсь.

— Здорово, Ваня! Не спишь ещё?

— Как видишь, нет.

— Славно. Слышал от Паши, что ты к нам приезжал, чего не зашёл? Знаешь же, мы всегда тебе рады, — в голосе Толи звучало практически возмущение. А ведь я и правда со своими новыми проблемами быстро позабыл о друзьях, с которыми мы наворотили немало дел. Так что он вполне имеет право предъявлять ко мне претензии.

— Да что-то так получилось. Весь в делах, которые надо поскорее сделать...

— Очередного демона заебашить?

Я аж закашлялся. Ничего себе, Толик Круглов экстрасенс что ли?!

— В смысле? — наконец спросил я его, прокашлявшись. Он протянул:

— Ну-у-у, брат! Тебя вообще-то по телеку крутили. Охренеть конечно, повезло тебе с этим нападением, — во мне разгорелась злоба на слова друга. Он что, считает, что попасть на экраны телевизора таким образом — везение?!

— Повезло, говоришь... Знаешь, сколько народу там эта скотина убила? Об этом по телику не говорили?!

— Да тихо ты, Не ори так. Я в другом смысле. Типа, выжить повезло. Что руки-ноги на месте. Это что ли не везение? — а, вот он о чём. Ну я и импульсивный придурок, конечно.

— Эм... сорян, вспылал что-то.

— Да забей. Расскажи лучше, что делать собираешься такого, что не терпит отлагательств в полночь? —

Может, сказать ему, что он прав? Или ну его, от греха подальше. Если мой телефон прослушивают — а этого исключать никак не могу — это чуть ли не прямое признание вины. Я размышлял в таком ключе некоторое время и всё-таки решил держать язык за зубами.

— Как бы тебе сказать, Толик... Наверное никак. Большие дела, о которых лучше бы не говорить.

Круглов разочарованно вздохнул:

— Эх, а было бы круто, если бы ты правда решил побороться с демонами... Ну, не хочешь — не рассказывай.

Я тебе лучше скажу про Асю кое-что.

Опять она в моей жизни. Вроде ведь порвали уже, разве нет? С некоторой скукой в голосе, нетерпеливо барабаня по рулевому колесу, я спросил:

— Ну что она там?

— Был я у неё до вечера. Плачет целыми днями из-за того, как всё получилось.

Стало немножко неудобно. В ногах — слабость, в груди что-то пытается всколыхнуться. Но уже не так, как это было раньше. Значит, ничего у нас с ней точно не выйдет, даже если она сбежит из дома.

— Нечего было на требование отца соглашаться. Тогда бы и рыдать не пришлось.

— Эх... ну тут ты прав. Хотя жалко, вы же такая хорошая пара, — недовольно поцокал Круглов языком, словно осуждая меня за резкие слова: — Но я уверен, она не против встретиться с тобой хотя бы ещё один разок.

— Да иди ты. Нахрен я ей не нужен. Как и она мне. Слушай, мне идти пора. Ты уж не обижайся.

— Какие могут быть обиды, Ванёк? Дела есть дела. Счастливо!

— И тебе того же, — повесил я трубку, пока ему чего-нибудь не вспомнилось. Любит Толя по телефону поболтать. Часами могли с ним ни о чём трещать. О новых компьютерных играх, фильмах да сериалах. Кто с кем переспал, в конце концов. Но всё это сейчас мелочи.

Вдохнул. Выдохнул. Как-то уже и не хочется иметь дело со всеми этими демонами. Настроение испарилось. Вместо уничтожения адских тварей на ум приходят только формы Аси.

Как же приятно было тискать её за всякое, когда никого не оставалось дома. Наверное, в чём-то я себе — и Анатолию — врал. Хорошо бы встретиться с ней ещё хоть один разок. Чтобы как минимум она на помнила обо мне всю жизнь. Да и я бы помнил... Эх...

Пришлось немножко взбодриться. Воспоминания пришли на помощь. Те самые, что я сумел вытянуть, касающиеся загробной жизни. О тех мучениях, которым подвергали меня и многих других грешников. Может, конечно, в прошлой жизни я заслужил своей жадностью, чревоугодием и завистью попадание в Ад. Но я точно не совершал чего-то такого, за что с меня стоило бы снимать живьём кожу, обдавая раскалёнными струями серного пара.

Начало немного мутить. Конечно, той жуткой боли я не помнил, но даже смутные, размытые временем картины этих садистских пыток вызвали омерзение и страх. А ещё — столь необходимые мне ярость и ненависть.

Чем больше я пытался вспомнить, тем больше я закипал. Тем сильнее ненавидел всех демонов. Всех тех, то добровольно призывал их в этот мир. Неважно, сами они делали выбор фамильяра, или за них решил кто-то другой. Любой, кто помогает демонам в этом мире, заслуживает скорейшей отправки на родину своих магических слуг.

Кажется, я наконец-то готов. Закрыл дверь машину, включил сигналку. «Коррадо» моргнул фарами и с бьющим по ушам щелчком запер все замки.

А я пошёл, держа в руках помповое ружьё, способное сразить любого, что встанет у меня на пути. От маленькой стоянки на набережной до дома, где оглушающе стучит модная клубная музыка, совершенно безвкусная. По выложенной плиткой тротуарной дорожке серого и красного цветов. Каждый шаг приближает меня к бою насмерть и свершению мести. Позволить отступить себе я уже не мог.

— Сукины дети! Опять блядушник устроили! Людям между прочим спать нужно! — с балкончика двухэтажного дома в сторону веселящихся — пока что — демонологов летели отборные маты. Видать, не первый раз стоит гул на всю округу, способный разбудить даже мёртвого.

Удивительно, но разбуженного особо громким треком деда не поленились обматерить в ответ.

— Ебало завали, пёс старый! А то я выйду и сплю нахуй твою лачугу!

Дед, лачуга которого строила десять годовых зарплат моего отца — очень немаленьких зарплат — за словом в карман не полез и ответил достойно:

— Пиздюк, ножки-то у тебя шевелится после того, как тебя дружки в жопу ебли? Да-да, я всё видел, пидорас! Даже на камеру вас снял!

Ну и дедуля, конечно. Я бы сам так с такими соседями превратился в кого-то подобного. Но догадался снять на камеру дворянских голубков, да ещё и угрожать этим... Мои поклоны деду!

Похоже, что угроза была воспринята всерьёз. Парень лет двадцати пяти, явно следящий за собой и в тренажёрном зале, и перед зеркалом, вышел из-за ворот дома. Не закрыв их за собой. Спасибо, что пустил хорька в

курятник, придурок. Голубок быстрыми шагами шёл к дому дедом. И так уж вышло, что в это же время я как раз оказался именно там же.

Прицелился в грудь. Пьяный парень, до того не замечавший меня, испуганно отпрянул, пытаясь призвать демона к себе на помощь. Доводилось уже попадать в подобные ситуации? Но слишком медленно. Палец вдавил спусковой крючок, и заряд картечи отбросил демонолога, успевшего перед смертью только страшно захрипеть.

— Ву-ху! Наконец-то, блядь, нашёлся мужик с яйцами! Перебей нахуй всю эту шоблу-ёблу, я тебе ящик любого вискаря поставлю! — дед не только не испугался пальбы, а напротив, ликовал. Крепко же они его достали! Показал дедуле большой палец, раз такое дело. И направился напрямик к открытым воротам.

Музыка продолжала играть на полную катушку. На громыхание выстрела, эхом идущее по крышам, никто не обратил внимания. То ли разливистые басы глушили звуки, то ли стрельбу приняли за очередной раскат грома от ударившей в паре километров от города молнии. Мне повезло остаться незамеченным. Разве что довольный дед, грозный кулаком в сторону пристанища демонологов, видел, как я убил человека. Он всё продолжал веселиться и, кажется, достал театральный бинокль, предвкушая интересное зрелище.

Но нет, я убил не человека. Предавшего человечество демонопоклонника. Погрязшего в пороке и вседозволенности, дарованными ему адской тварью. Я чувствовал скрывающегося в нём демона. И поступил правильно. Нельзя жалеть его. Ни в коем случае.

— Уху-ху! — вот это они орут на своем весёлом празднике! Мешанина довольных голосов едва пробивалась через гул сабвуферов. Я заглянул за приоткрытые ворота. В окнах мелькают силуэты. Две девушки и два парня. Вытворяют друг с другом всякое, затем меняются. Счастливые хозяева жизни. Они ещё не знают, что доживают свои последние минуты.

Ещё пятеро должны быть где-то в этом доме. Лучше бы обойти вокруг дома и посмотреть, чем сломя голову бросаться в бой. Сделать хоть что-то обдуманное в этом авантюрном нападении из мести. Я аккуратно зашёл во двор, осматриваясь на всякий случай. Ребята отдыхают без своей охраны, считая, что за стенами их никто не тронет. Как же они ошибаются.

Я медленно сделал круг возле особняка. Его хозяева и гости слишком заняты друг другом, чтобы увидеть меня, идущего по коротко выстриженному газону. Смотрящего на них с безразличностью. Месяц назад я бы завидовал этим парням, имеющим во всех смыслах настолько красивых девчонок. Но сейчас ничего, кроме омерзения, они не вызывали. Ни жаркие стоны, ни колышущиеся обнаженные груди не волновали мой разум и тело.

Недостающей пятёрки демонологов на первом этаже я не увидел. Они или в глубине здания, или на втором этаже. И скорее всего, заняты тем же самым, что и их дружки. Припоминая слова деда — необязательно даже с девушками.

Время испортить им вечеринку. На кухне открыты все окна, заметить кого-то в ней из других комнат невозможно. Идеально! Стоило только влезть на кухню, как в нос ударил густой дым, облаком висевший во всём помещении. Ребята курили как паровозы, причём не один только табак, а ещё какую-то гадость. Словно бы кто-то заносил носки до такой степени, что они могли стоять без владельца, и потом подожгли. Аж глаза щиплет!

Выглянул за угол в коридор, стараясь проморгаться. Девушки всё так же томно вздыхают, их кавалеры всё сильнее от этого распалиются. Не удивлён, что им нет дела до выстрела на улице или пропавшего товарища. Ну, понеслась!

Выйдя из с кухни, в две секунды оказался у первой парочки. Прежде, чем кто-то успел хоть что-то сообразить, я обрушил приклад на голову загорелого брюнета. Обмякшее тело придавило его не менее смуглую подругу, парализованную страхом. Не будет сопротивляться — убивать не стану.

Второй парень, белобрысый качок на голову ниже меня, обернулся и соскочил со своей побледневшей вмиг подруги. С голым задом он тут же пошёл в атаку на меня. За его спиной стала сгущаться тьма, в которой материализовался демон. Крупный, напоминающий вставшего на задние ноги кабана, но с орлиной головой. Глаза фамильяра светились потусторонним огнём. Тем самым, что не угасает в Аду ни на секунду.

Передо мной замелькали воспоминания из Преисподней. Тело налилось злобой, ледяной силой, об которую разбились объятые пламенем кулаки качка. Ничего не понимая, он продолжал молотить меня магией, но у него ничего не выходило. Это против простых людей такие удары действенны. А я, очевидно, не так прост, как ему хотелось бы.

Один удар ногой в грудь отправил голозадного демонолога в полёт через диван, на котором сидела сжавшись его подруга — ни живая ни мертвая. В глазах её застыл ужас. Рот приоткрылся, готовясь издать страшный крик.

Я поднес палец к своим губам, скрытым за балаклавой:

— Т-с-с-с... — девушка так и упала со скривившимися в безмолвном крике губами с дивана. Значит, её больше можно не брать в расчёт. В отличие от ещё дергающего ногами парня, которого прикрывал своим телом демон. Стрелять, или можно обойтись без этого? Я выбрал второй вариант и понёсся на жуткую химеру с орлиной головой в рукопашную.

Мои руки обожгла жуткая боль — похожий на хлыст хвост демона словно жил своей жизнью и атаковал меня. Бесплезно! Всё равно умрёшь! Приклад впечатался в горло твари, что пыталась обеими руками закрыться от обманного удара ногой. Орлоголовая тварь упала, как подкошенная, и я окончательно уничтожил её, раздавив пяткой шею.

Хозяин демона бешено вращал глазами, не в силах сделать хоть один вдох. На вид приличный мужичок лет

тридцати пяти, а на деле демонолог, что сношал девушку едва ли не вдвое младше себя. Похоже, что я вышиб из него весь дух, а то и переломал ребра. Оставлять его так нельзя. Пусть хоть не сильно мучается. Я встал на колени и с силой надавил качку на сонную артерию. Его лицо с маской боли от удушья исказилось в страхе, после чего демонолог потерял сознание. Вдохнуть он уже не сможет, очнуться — тоже.

Повернулся к смуглой девушке, что кое-как выбралась из-под тела своего партнёра с пробитой головой. Она издала сдавленный крик, едва слышимый даже в метре от неё. Схватив её за руку, я рывком поднял её к себе. Темноволосая демонопоклонница неожиданно подчинилась, дрожа от страха.

— Что вам нужно?..

— Вызови своего демона.

— Ч... Что? — от непонимания ей стало ещё страшнее. Пришлось придержать её за плечи, чтобы она не грохнулась на пол. Сталь ружья похолодила кожу девушки, и та вся пошла мурашками.

— Вызови своего фамильяра. Немедленно.

Думаю, достаточно будет лишить девушку её магического помощника, без него она будет передо мной беззащитна, не сможет представлять угрозы. Во мне ещё говорила человечность, желание оставить в живых хотя бы женщин.

— Л-ладно... — из тени моей дрожащей пленницы вышел огромный демон, упирившийся головой в потолок. На вид смеси ящера и медведя с раскидистыми рогами на голове.

Прежде чем этот медведь успел хоть что-то сделать, я налетел на него, молотя прикладом и ногами. Каждый удар словно вырвал куски из начавшего реветь демона, но он оказался весьма крепким в сравнении с товарищами, которых я бил прежде. Терпя боль и повинуюсь воле хозяйки, медвежар разнес ударом аудиосистему, оплавив стену и поджигая мебель.

Последний визг умирающих колонок резанул по ушам — и затем стих. Тишина буквально зазвенела в ушах.

— Помогите! — девка с визгом понеслась на второй этаж, оставляя своего фамильяра наедине со мной. Вот же сообразительная, зараза такая. Наверху сразу же послышалась возня и тяжёлый топот нескольких человек.

С демоном руками разбираться будет долго. Отскочив, выстрелил ему в голову. Медвежар сбило с ног, но каким-то образом он пережил выстрел и попытался встать. Удары ногами и руками оказались более действенными, чем заряд картечи! Удивительно, но это было так. Слово бы эта ледяная ярость, переполнявшая меня, усиливала воздействие на Адских тварей. В несколько ударов добив покрытого чешуёй демона, я взял на прицел лестницу. Краем глаза увидел, как истлевают тело химеры из Преисподней, обращаясь в дым.

— Эй, что там за херня творится? — первым высунулся смазливый паренёк с рыжими кудрями. Выстрел оборвал его жизнь за секунду. Все прочие, спускавшиеся за ним следом по лестнице, остановились.

— Женя! Что за нахер, за что?! — послышался низкий мужской голос. Я ему, конечно же, не ответил. Ещё не хватало тратить время на болтовню. Сюда и так скоро приедут их охранники. Ну или полиция, что тоже не очень хорошо.

Времени у меня оставалось немного. Ещё шестеро демонологов, одна из них уже без защиты. Так что нужно победить ещё пятерых. Я пошёл вырвать эту победу руками, ружьём, зубами — чем придётся.

Мой топот в направлении лестницы вызвал настоящий переполох. Желавшие потянуть время в ожидании подмоги поспешно отступали вверх. Три девушки визжали наперебой и рыдали, мешая парням. Надо было завалить смугляночку и не церемониться. А то тело клюнуло на красивые формы, и сидящий внутри мне охотник на демонов на время затих.

Начал подниматься по лестнице, шаг за шагом, ступенька за ступенькой. Перешагнул окровавленный труп в одних джинсах и пошёл дальше. Парни подозрительно затихли, девушки продолжали кричать. Как же эти визги режут по ушам, просто ужас какой-то.

Когда я только ступил на коридор второго этажа, раздались пистолетные выстрелы, забарабанившие по углу стенки, туда, где секунду назад стоял я. Вот уроды, оказывается у них есть чем дать отпор и без демонов. К магическим ударам я почти невосприимчив — насколько сумел выяснить — но вот как дела обстоят с пулями, мне проверять не очень хотелось. Придётся идти напролом или палить в коридор из-за угла, вслепую. Авось кого из них завалю. Надо было на заправке пистолет забрать всё-таки. Не поленился бы тогда, не торопился в страхе — сейчас бы мне было куда проще.

Пришлось поломать немного голову, думая, как мне справиться с вооружёнными людьми. Это не безоружных сзади по затылку бить, нужно проявить фантазию. Ответ пришёл ко мне с запахом гари от продолжающегося плавиться музыкального центра и охваченных огнём обоев на стенах.

Поискал глазами что-нибудь, на что можно намотать шторы. Они, вроде как, очень неплохо горят, если верить статистике пожаров. Рядом с кухней оказалась подсобка с хозяйственным инвентарем. Взяв палку от швабры, принялся срывать алые гардины и накручивать их наподобие факела. Всё это время приходилось осматриваться и прислушиваться к звукам, чтобы демонологи не застали врасплох. Но, на моё счастье, они после потери одного

товарища на лестнице порядком струхнули и не собирались спускаться ко мне.

Сунув импровизированный факел в горящий пластик, я принялся разносить очаги пожара вокруг лестницы. Кроме неё у демонопоклонников нет никакого выхода, и они обязательно побегут вниз, как только пламя перекинется на второй этаж...

Но один из парней, что стрелял по мне, оказался не из робкого десятка и прыгнул со второго этажа, чтобы зайти со спины. Подвело его абсолютное отсутствие координации из-за опьянения — непонятно ещё, алкогольного или наркотического. Пуля пролетела в полуметре от меня, с визгом отрикошетив от стены.

— Куда ты намылился, сука, я же в тебя не попал! — крикнул напавший со спины, когда я нырнул из охваченной огнём гостиной в коридор и побежал на кухню. Хорошо, что у него руки ходят ходуном. Иначе бы уже лежал с простреленной черепушкой. Нельзя забывать об очевидных вещах!

По лестнице к тощему пареньку с оружием спустилась подмога. Ещё один парень, только здоровый, такого же телосложения, что и я. Отличал его от меня разве что чёрный цвет волос да брюки, в спешке натянутые на голое тело. И осязаемое присутствие демона в его тени.

Обнаружив, что меня нигде не видно, он выпустил девушек с лестницы. Те сразу же помчались с визгом и воплями на улицу, спасаясь от меня. Благородно со стороны демонолога. Всё-таки они ещё люди, хоть и продались демонам с потрохами.

Это плохо. Я непременно начну мешкать тогда, когда нужно будет произвести один меткий выстрел.

Мешкать? Как бы не так! Ни секунды раздумья перед лицом врага!

Внутри меня наконец-то вскипела вся та ярость, вся ненависть, которая была во мне. Сознание становилось холодным и расчётливым. В памяти начали оживать запечатлённые до второго дня рождения воспоминания. Место мягкого, полного комплексов и страхов из прошлой жизни Ивана Ронина занимал совершенно другой человек. Не ищущий компромиссов. Готовый пойти до конца в своем стремлении уничтожить всех демонов до единого. Неважно, какой ценой.

Взгляд в коридор из кухни. За спинами пока что ещё живых демонологов стояли их фамильяры. Краснокожая, с голым торсом и весьма выдающимися достоинствами, при этом с весьма недурным лицом девушка. Картину портили козлиные ноги и бараньи рога на голове. Второй магический слуга практически не отличался от обезьяны — только рога и копыта говорили о том, что это не какой-то вставший на задние лапы бабуин, а опасный демон.

Демонологи со своими демонами подходили ко мне, вновь спрятавшемуся на кухне. Если по мне начнут стрелять с такого расстояния — непременно зацепят. Даже никакущее состояние врагов не спасёт.

Но паренёк с демоном-обезьяной оказался весьма самонадеянным молодым человеком. Влетев на кухню с хорошим разгоном, он принялся стрелять по мне. При этом его мотыляло, словно флюгер на ветру. Выстрел, второй, третий... Осечка! Я уже было попрощался с жизнью, но мне повезло, что этот придурок оказался таким косым! Обезьяноподобная химера, вбежавшая следом за хозяином, кинулась на меня со светящимися адским пламенем руками, но получила заряд картечи в морду. Перезарядка.

Теперь идиот, что возился с пистолетом вместо того, чтобы позвать дружка на помощь. Он смотрел на меня с выпученными глазами, и выронил пистолет из рук, в последние секунды сказав:

— Я понял, кто ты... Сука, Вася, это Ронин!..

Выстрел из ружья, сразивший демонолога наповал, гроыхнул. Так, что в ушах зазвенело. Вот же! Ничего не слышно, кроме этого писка в ушах. Как так вообще будешь моим? Ведь все прошлые выстрелы не были такими оглушающими!

Но нельзя этой маленькой неприятности погубить меня. Ещё один выстрел — и демон-обезьяна, ещё пытавшийся шевелиться, затих. Теперь точно убил, раз тело его превратилось со вспышкой в пламени в дым.

Кстати о пламени. Начавшийся пожар всё больше разгорался, последний из парней оставил соблазнительного виду демоницу прикрывать свой побег. Не вышло — заряд картечи настиг его у самого выхода и бросил на крыльцо, ударив в спину.

Теперь только я и потерявшая контроль хозяина суккуба. Нажал на спусковой крючок, но ружьё только щёлкнуло в ответ. Все шесть патронов я уже успел расстрелять. Но оружие всё ещё можно использовать как дубинку!

Я побежал на демоницу, нагло ухмылявшуюся мне в лицо. Выкатив грудь вперёд, она полыхнула своими глазами. Тело вмиг стало ватным и непослушным.

— Какой плохой мальчик, — суккуба подошла ко мне не спеша, цокая своими копытами и покачивая незамеченным ранее хвостом: — Всех моих друзей убил, разогнал мальчишек... Как теперь прикажешь мне развлекаться?

Я хотел пошевелиться, но не мог. Словно бы всё моё тело внезапно разбил паралич. Рука соблазнительницы легла мне на плечо. Она смотрела прямо мне в глаза, и в голове моей образовался сладкий и пленительный туман.

— А знаешь, мальчик, раз ты у нас такой резвый, я тебя накажу. Ты сгоришь в этом домике заживо. Но я

исполню твоё последнее желание. Я вижу твои мысли, — демоница положила мою руку себе на грудь — мягкая какая — и принялась стягивать с меня штаны. Опустившись на колени, суккуба нагло усмехнулась — все вы, человеческие мужчины, одинаковые. Принеси мне пользу, я наберусь сил, пока ты задыхаешься... Приятного мне аппетита.

Нет-нет-нет! Не смей, скотина! Может ты и запудрила мне мозги, овладела моим телом, но кипящая ненависть к демонам сильнее твоих чар! Пересиливая чужую волю в своём теле, я выдавил сквозь сжатые зубы:

— Волей победим!..

Глаза демоницы полезли из орбит, она попыталась отпрянуть от меня. Телу вернулась вся его сила, суккуба утратила надо мной всякий контроль. Я моментально ухватился за рога и одним резким движением свернул ей шею.

Придя в себя, я первым делом помотал головой, разгоняя остатки приторно-сладкого тумана, окутавшего моё сознание. До меня не сразу дошло, что я стою посреди полной дыма кухни. Гарь начала уже скрестись в лёгких, голова немного кружилась.

Подтянув штаны, на ватных ногах я устремился к открытой двери из дома. Огонь вокруг хрустел, уминая всё на своём пути и стремясь поскорее добраться до крыши. Сквозняк от распахнутых окон подпитывал языки пламени кислородом, постепенно превращая дорогу к выходу в сплошную огненную трубу. По которой я шёл, опираясь на ружьё, словно на трость.

Проходя мимо диванов, на которых было жарко и до моего появления в доме, я увидел лежащую без сознания нагую девушку. Несколько секунд не мог решить, что делать, бегая глазами между демонопоклонницей и выходом. Стиснув зубы, я задвинул свою ненависть поглубже и поступил по-человечески. Взмахив бессознательное тело на плечо, бросил ружьё в огонь и вышел из дома. На крыльце лежал убитый хозяина суккуба, стеклянными глазами вперившийся в фонари на улице. Переступив через него, пошёл к открытым воротам, за которыми стояли три подруги моей обморочной поклажи.

— Не убивайте нас, пожалуйста! Мы сделаем что угодно! — завопила при виде меня брюнетка в брюках и белой блузке. По уже измазанном потёкшей тушью щекам вновь заструились слёзы.

— Умоляем!.. — прошептала взлохмаченная блондинка в майке и коротких шортиках. Смуглая, тоже набросившая на себя первые попавшиеся шмотки, молчала — ей зуб на зуб не попадал от страха.

Я скинул с плеча свою ношу и, не говоря ни слова, отдал в руки девушек. Они смотрели на меня, затаив дыхание и боясь шелохнуться. В мокрых глазах горел слабенький огонёк надежды. Той моей части, что помнила об ужасных пытках и садизме демонов, хотелось свернуть им всем шею, особенно перехитрившей меня загорелой дряни. Другая моя сторона, привыкшая жить тихо и спокойно, снося все невзгоды молча и проглатывая обиды, одержала верх в моих метаниях.

Тяжело выдохнув, я пошёл к своему «Коррадо». Девушки смотрели мне вслед, не проронив ни единого звука, лишь содрогаясь от плача. Наверное, я хоть тут поступил правильно. Хоть среди веселящихся и были те, кто решил мне отомстить за избиение напавшего на меня мужика, подослав демона. Но убивать девушек... нет, для меня это всё-таки слишком.

Добравшись до машины, я первым делом завёл двигатель и отправился подальше от Райского озера, в котором уже плясали отражённые языки объявшего приют демонологов пожара. Потекли минуты в ожидании второго звонка. Я сделал свою часть работы, и они должны сдержать своё обещание. Меня никак не могли просто так привести в этот дом, чтобы я всех перебил, и забыть об этом. Кроме того, та женщина, что мне звонила, ни разу не сомневалась в том, что я поеду к Райскому озеру. Более того, она наверняка знала, что я справлюсь. Откуда же у неё была такая уверенность во мне?

Может ли оказаться так, что кто-то кроме меня помнит о Преисподней? Почему бы и нет, это бы объяснило многое из того, что мне неясно. И вполне могло бы быть так, что байкерша как раз такой человек. Но узнать это я смогу только от неё самой.

Надо продолжать ехать. Только неясно, куда. Домой, в Дорогобуж? Не в этой окровавленной одежде. Боюсь, мать не поймёт. Да и Пашка с Ульянкой явно не обрадуются, если узнают, чем был занят этой ночью их старший брат. К Хане я точно не поеду. Нельзя ни секунды доверять демонам и тем, кто связался с ними. Ведь среди тварей из Ада легко могут оказаться подобные убитой суккубе. Способные одурманить любого, к кому они лишь обратятся. Страшно представить, какие масштабы всё это может иметь...

Одно дело я, огромное время провоевавший с рогаемыми и копытными в Аду. Знающий, что нельзя позволять демонам даже существовать. В теле что-то колыхнулось, и всплыла мысль — суккуба пыталась тебе напоследок приятно сделать. И тут же весь мой демоноборческий опыт запротестовал. Суккубы удовлетворяют только свои потребности, впитывая силу, воруя её у мужчин. То, что телу от этого приятно, ещё ничего не значит. Ведь разражённая душа в конечном итоге попадает на стол к товаркам этой сексуальной дряни. Всё удовольствие обращается в бесконечные мучения. Даже представить себе ту боль, что испытывают грешники во дворцах порока, невозможно. В каком-то смысле я сегодня спас несколько душ. И то, что физические оболочки оказались мёртвыми, особой роли не играет.

Наверное, мне стоит отправиться туда, где мне думается лучше всего. На набережную Днепра. В три часа ночи там всё равно никого нет. Завернув с окружной, по которой я уже практически выписал один круг, я въехал в Смоленск.

Пока я добирался до центра города, ночь понемногу начала сменяться утром. Даже через густые тучи ощущалось, что становится светлее. Неоновые вывески уже не так резали глаза. По верхушкам деревьев

проносились мощные порывы, едва не срывающие только-только появившиеся листья.

В зеркале заднего вида — никого. Ещё вечером я был бы этому рад, но сейчас отсутствие слезки скорее давило. Неужели всё-таки мной решили просто воспользоваться и выкинуть, как только сделал дело? Верить в это не хотелось. В таком случае я ведь окажусь один против кучи дворян, наверняка желающих запытать меня до полубезумного состояния. Это демоноборец внутри меня не боялся боли, а вот уязвимый человеческий организм явно был иного мнения. Ведь у той части дворянства, что крепко-накрепко срослась с мафией, фантазия ничем не уступает палачам из Ада.

Когда я добрался до набережной, от таких мыслей уже отчаянно хотелось курить. В прошлой жизни пара затяжек меня неизменно успокаивала, даже в самых неприятных ситуациях. Как только вышел из машины и поставил на сигнализацию, первым делом двинул к ночному ларьку.

В магазинчике скучала внушительных габаритов тётенька, смотревшая на моё приближение без особого энтузиазма.

— Здравствуйте. Пачку «Лаки страйка», будьте добры, — уж не знаю, какова это марка в новом мире. Но в прошлом она мне нравилась, потому выбор был очевиден.

— Минуточку, — продавщица полезла за сигаретами под прилавок, пошарилась там со сложным выражением на лице, постоянно закусывая губу, и достала пачку:

— Вот, молодой человек. Держите.

— Спасибо, — я положил сумму без сдачи. Развернулся, готовый уже уходить, но меня окликнули.

— Вы чего, подрались с кем-то?

Я поглядел на серую кофту, покрытую пятнами засохшей крови. Да, видок у меня не очень, мягко говоря. Как будто забивал свинью граблями.

— Да так, немножко, — махнул я рукой продавщице. Какое ей вообще дело до меня?

— Может, полицию вызвать? — вот только этого мне не хватало, в самом деле. Стараясь не подавать вида, я натянуто улыбнулся. Подойдя обратно к ларьку, ответил:

— Не стоит. Они получили то, чего заслуживали. Зажигалку, пожалуйста, а то что-то позабыл, — тётенька всё ещё была весьма обеспокоена. Но полицию вызывать всё-таки не торопилась, так что можно посидеть спокойно.

— Вам какую?

— Самая дешманскую. Я не привередливый, — обменяв деньги на товар, я наконец-то отошёл от этой торговой точки.

Усевшись на каменное ограждение великой реки, достал сигарету из пачки и, немного помедлив с непривычки, закурил. Первая затяжка с кашлем вылетела наружу. Лёгкие отказались принимать себя очевидную отраву. Глаза слезились, драло горло. Какой же отвратительный вкус у табачного дыма всё-таки. Такое только в силу привычки можно вдыхать.

Вторая затяжка пошла чуть получше, хотя тоже просилась наружу. Выдохнув дым через нос, я чуть не обалдел от того, как мне начало всё щипать изнутри.

К концу первой в своей новой жизни сигареты меня уже не подташнивало, так что я, недолго думая, подкурил вторую сигарету от тлеющего бычка. Метко отправив отработавший своё фильтр в мусорный бак щелбаном, решил, что сидеть на холодном камне не хочется. Вставать тоже желания не было никакого. Пришлось улечься на бок. Немного больновато, но в принципе то, что надо.

За спиной в отдалении раздался звук двигателя мотоцикла. Следившая за мной женщина решила выйти на контакт лично. Но проверять было невероятно лень. Даже когда услышал позади себя шаги — не повернулся.

— Беззаботно проводишь время. Особенно для того, кто полчаса назад перебил целую толпу народа, — да, тот самый голос, что я слышал из телефона. Несмотря на прокуренную хрипотцу, очень бодрый и с остатками былой звонкости.

— А что ещё делать? Я ждал тебя. Теперь ты скажешь, что мне пора навестить графа Бульчева? — лениво поинтересовался я. Единственный способ меня удивить — сказать, за всем этим стоит не Николай Александрович. К моему лёгкому разочарованию, удивлять меня не захотели.

— А ты догадливый паренёк. Может, развернёшься уже? А то неприлично себя так вести в присутствии девушки.

Я поднялся и, повернувшись, обомлел. Сказать, что передо мной стояла симпатяшка — значит серьёзно преуменьшить красоту этой великолепной женщины. Короткие русые волосы, собранные в пучок. Глаза словно искрящиеся камни хризолита. Подчёркнутые крепкими мускулами скромного размера формы. И шикарнейшая на моей памяти фигура!

— Катя, — протянула мне руку это совершенство.

— Ваня, — пожал я неожиданно крепкую ладонь. А на вид нежная, как у графини. Глаза невольно пробежались по девушке ещё раз, задержавшись на джинсовых шортах.

— Глазей, пока можешь. С тебя я за это даже денег не возьму, — я встряхнулся, поняв, что немного увлёкся в пожирании её глазами. Хотя это девушку, впрочем, не сильно волновало.

— Извините... — полезла из меня вся это постыдная неловкость. Будь я хоть сто раз в теле настоящего мужчины, эта дурь из прошлой жизни всё равно найдёт способ вырваться наружу.

— Прощаю. Всё-таки не каждый день на меня глазеет Тот-кто-помнит, — губы Кати растянулись в искренней улыбке. Мотоциклистка хлопнула меня по плечу, словно бы придавая смелости.

— Тот-кто-помнит? Это что ещё значит? — разгадка лежала на поверхности. Тот, кто помнит Ад. Трудно поверить, что кто-то знал об этой моей стороне, но увы.

— Это тебе буду объяснять не я, а Николай Александрович.

На секунду воздух вокруг застыл. Следом за этим мигот тишины на нас двоих обрушился страшный ливень, незаметно подкравшийся к набережной Днепра. Крупные капли за секунды сливались в лужи, которые не успевали исчезать в водостоках.

— Ну ёлки-палки! — воскликнула Катя, бросив мне затем: — Давай машину, поедешь за мной в одно место!

— Может ты ко мне сядешь? Вымокнешь ведь! — прокричал я ей на бегу. Девушка помотала головой и, натянув шлем на мокрую голову, завела мотоцикл. Я в это время влетел в свой «Коррадо». Первым делом скинул с себя насквозь промокшую кофту. Лишь потом пристегнулся и, подержав немного ключ, пробудил машину от лёгкой дрёмы. Стартер при этом несколько раз провернулся вхолостую. Чувствую, придётся мне этого немецкого красавца отдавать на осмотр автомеханикам. Слишком уж он тут чудит, когда не надо. Если мне удастся дожить до того времени. Надеюсь, меня ведут не к подвалу, в котором утилизируют отработавших своё людей.

Устремившись следом за красным мотоциклом, поморгавшему мне авариейкой, я отправился навстречу судьбе. Какой бы незавидной она ни было. Ведь не может же меня в конце пути ожидать что-то хуже огней Преисподней, правда же? Окончательно успокоил я себя тем, что если бы Катя хотела моей смерти — всё окончилось бы на набережной.

Байкерша вела меня в место, довольно удалённое от центра Смоленска — и от резиденции графа Булычева. Попытки угадать точку назначения вряд ли бы к чему-то меня привели. Город я знал поверхностно, только более-менее крупные улицы и центр.

Добравшись минут за десять, мы остановились у какого-то с виду ничем не примечательного двухэтажного дома. Разве что решётки на окнах и закрытые плотные шторы могли наводить на какие-то подозрения. Хотя и то, и другое было вполне в стиле дворянских владений. Снайперов, засланных недоброжелателями, и прочих самонадеянных воров никто не отменял. Даже при относительном порядке на улицах, чтобы поддерживался силами дворян.

Мотоциклистка жестом позвала меня за собой. Нервно озираясь, ожидая какой-либо подставы, я прошёл за ней через узкий и низкий дверной проём. Тяжёлая дубовая дверь захлопнулась за мной, и тут же показались серьёзного вида люди в тёмных костюмах. Я поднял руки и встал в стойку, опасаясь драки. Но Катя успокоила меня, а заодно и потянувшихся за стволами охранников:

— Не волнуйся, Ваня. Тебя просто обыщут. Вдруг ты с оружием пришёл, — подмигнула она.

— А тебя почему не обыскали? — задавая довольно глупый вопрос.

— Зачем? Я же здесь своя, — пожала девушка плечами. Справедливо, надо было об этом подумать сразу.

Обыскивали очень тщательно. Даже на приёме у княжны и в особняке Булычева не проверяли так настойчиво каждый сантиметр. Когда с меня попробовали снять штаны, Катя остановила охранников, строгим стальным голосом, не терпящим возражений:

— Вы, ребята, не забывайте. Он гость, а не пленник.

После её слов досмотрю уже меня с каменными лицами отошли и вернулись на свои свободные места. К можно сказать япошки по длинному узкому коридору в тусклом освещении конечности на второй этаж.

— Спасибо, что не дала этим бугаям лютовать, — поблагодарил я девушку, и та с лёгкой улыбочкой встряхнула своим светлым пучком волос.

— Да не за что. Надо было бы — сама проверила, что ты там прячешь, — и подмигнула. Так, что это ещё за намеки?

После лестницы мы вышли во второй коридор, ведущий мимо множества пластиковых дверей. И одна, в конце коридора, отличалась от других. Двойная и деревянная, но без излишеств. Дойдя до неё, Катя решительно распахнула створки.

Месть Фролова

Старый помещик Игорь Степанович Фролов встречал рассвет в мрачном настроении. Разлёгшись на скамье, что стояла на террасе его загородного дома, он потянулся за четвёртым по счёту стаканом водки. Повод выпить с самого утра был, причём очень горький — его старшего сына, Евгения Фролова, что отмечал день рождения своей подруги на берегу Райского озера, застрелил какой-то психопат.

Дом, в котором шло празднование, сгорел дотла. Огонь уничтожил все возможные доказательства и улики. Было найдено разве что ружьё, чей серийный номер указывал на сына другого дворянина — Волкова. Но тот никак не мог напасть — он тоже подвергся нападению этой ночью, буквально часом ранее, чем был застрелен Евгений. И получил серьёзные травмы лица, настолько, что ему теперь потребуется несколько операций.

Имя нападавшего, как и адрес его проживания, не были для Игоря Степановича тайной. Тот же, что убил демона в Храме Призыва. Тот же, что избил помещика Осипова. Тот же, что отбил нападение киллера в центре города с Такахаси Аки. Иван Андреевич Ронин.

Выпив залпом содержимое стакана, Фролов потянулся к личному делу восходящей звезды каратэ. Так его называл младший из сыновей помещика, Егор. Так что на всякий случай Игорь Степанович достал дело парня, думая о возможности когда-нибудь пригласить его к себе на службу. Ходили разные слухи о том, как он оскорбил Её Высочество на торжественном вечере в честь победителей, и он никак не мог обзавестись хозяином. Но бумаги оказались нужны по совершенно другой причине.

— Егор! — позвал помещик младшего сына. Тот сидел молча в комнате, трясаясь всем телом. Евгений был не только братом Егору, но также и самым близким из друзей. Ближе не была даже мать. И так уж вышло, что именно младший сын всё время опекал старшего, повзрослев намного раньше. Младший Фролов лил слёзы, сжав зубы — лишь бы не проронить ни единого всхлипа. Он хотел поехать вместе с братом. Он бы мог его спасти. Но Евгений решил иначе. И эта ошибка, что он не настоял, засела в его сердце острым ножом. Когда его позвал отец, юноша вздрогнул и, утерев мокрые глаза рукавом, подошёл к главе семейства.

— Слушаю вас, отец, — отношения в семье были не добрые и семейные, но жёсткие и порой жестокие. Несмотря ни на что, дети всё ещё любили своего отца, и тот отвечал им взаимностью. По-своему, как умел.

— Ты отомстишь за Евгения. Поезжай на этот адрес. Уничтожь там всё. Убей всех, кого найдёшь. И если этот... подонок там, помни — он должен страдать перед смертью. Если нет — пусть винит себя в смерти близких. Ему вернётся зло сторицей...

Егор взял протянутую ему отцом бумагу. И приготовился ехать в Дорогобуж.

Пройдя через двери, я оказался в небольшом круглом зале с круглым же столом по центру комнаты. Лампа над серединой стола высвечивала пятерых человек, трое из которых были мне уже знакомы. Петр Павлович Воробьёв, Николай Александрович Булычев и Её Сиятельство Анастасия Николаевна. Двух других мужчин, одетых, как и два графа, в белые мантии, я не знал. Но чтобы понять, что они не менее важные шишки, чем те, кого я узнал, не нужно быть семи пядей во лбу.

— Добро пожаловать, Иван Андреевич, — княжна поприветствовала меня с лёгким поклоном, отчего я несколько растерялся. Благо, Катя подтолкнула меня в спину — и чтобы я не стоял на проходе, и чтобы не тормозил.

— Здравствуйте, Ваше Сиятельство, — поклонился я ей в ответ.

— Сиятельство — это про вот этих вот джентльменов, — показала Анастасия Николаевна рукой в сторону сидящих за столом мужчин. Сама же она сидела на столе, и соскочила с него, как только я её поприветствовал.

— Ваше Высочество, извините нас, но здесь все, кто вошёл, общаются на равных, как им удобно, — сказала байкерша, не выказывая даже намёка на преклонение перед княжной императорской крови.

— Вот значит как... Тогда вы, Екатерина Николаевна, не будете против, что я буду называть вас просто Катей? — княжна выглядела несколько обиженной. Наверное, не очень приятно, когда с таким титулом приходится быть на равных с простолудином.

— Конечно. Вы можете звать меня как пожелаете, — легко улыбнулась ей Катя.

— Кхм-кхм, — прокашлялся Пётр Павлович, с неодобрением смотря на завязавших глупейший разговор девушек. Нет, возможно, для носительницы монаршей крови он таким не был, но в данной ситуации я был благодарен Воробьёву. Не место и не время, чтобы обмениваться колкостями.

Обе девушки замолчали, вопросительно смотря на графа. Слово взял Николай Александрович:

— Катенька, проходи, родная. И садись — мы будем долго говорить. И ещё дольше слушать, если этот молодой человек на самом деле тот, кем мы его считаем.

— Разве в этом могут быть какие-то сомнения? Право, сомневаюсь, — забасил брюнет, которому бы явно не помешало сбросить килограмм так тридцать. Ещё и усы выглядят отвратительно, словно щётка для обуви.

— Давайте спросим, а не будем терять время на пустую болтовню, — строго посмотрел на своих коллег — иначе я их назвать не могу — второй незнакомый мне мужчина. Глаза его словно смотрели через тело прямо в душу. Очень странное ощущение, прямо скажем.

Катя прошла мимо меня, устроившись рядом с графом Булычевым. И все взгляды сошлись на мне. Странно, должно быть неудобно, как это обычно со мной бывает в таких ситуациях. От излишнего внимания руки потеют, в горле сухо, тяжело сказать хоть слово — кажется, что пустишь с волнения петуха, оказываясь в ещё более неловкой ситуации. Но нет — мне плевать, категорически и строго. Что-то сломалось внутри меня этой ночью. Или же напротив, наладилось. Полная уверенность в том, что в этом вина возвращающихся ко мне воспоминаний, а не только и не столько того, что я учинил бойню и устроил пожар.

— Иван Андреевич, позвольте задать вам нескромный вопрос, — глаза Николая Александровича, обычно холодные и безэмоциональные, горели фанатичным блеском: — Как там, в Аду, живётся?

Они знают, кто я. Знают, что во мне полно воспоминаний из Преисподней. Неизвестно только, в курсе ли они того, что я помню свою предыдущую жизнь?

— Примерно так же, как и здесь. Разве что демонов чуть побольше.

Высородных особ мой ответ явно развеселил и обнадёжил. Не потому что был остроумным, нет — они убедились в том, что я именно тот, кто им нужен. Осталось понять, зачем?

— Я же говорил, что Ронин и правда Тот-кто-помнит! Я знал! Я чувствовал! — толстый мужчина едва ли не подпрыгивал на скрипящем под ним стуле, очень довольный, прямо как избалованный ребёнок, которому купили вожаделенную игрушку. Почему-то он вызывал у меня стойкую неприязнь. Но демонического присутствия в нём я не ощущал, дело было не в этом.

— Я проспорил вам десятку, Алексей Петрович, — кинул другой незнакомец мятую купюру на часть стола, принадлежавшую, как я уже понял, графу Загоровскому. В лицо я его не знал, а вот имя-отчество было на слуху.

— Благодарю вас, Михаил Фёдорович, — а этот, получается, Ермолинский.

Четыре графа и княжна императорской крови. Собрались в предрассветный час. Ради меня. Что же, определённо похоже на то, что я сейчас узнаю очень многое как о себе, так и о жизни города. И мне, обновлённому и перерождённому этой ночью в того, кем я был в Аду, не терпелось заполучить эту драгоценную информацию.

— Господа и дамы, я так понимаю, вы и так в курсе, что я помню Ад и всё с ним связанное. Да, это так, —

кивнул я не верившей мне до последнего княжне: — И я хотел бы узнать, почему я помню, что происходило на той стороне?

— Вопрос нелёгкий, Иван Андреевич. Так сразу мы вам и не расскажем, — ответил Пётр Павлович.

— Я готов. Времени у меня столько, сколько вы пожелаете, — ответил я довольно резко графу Воробьёву. У того во взгляде вспыхнула нехорошая искра недовольства. Но он всё-таки проглотил обиду, а не полез ставить зарвавшегося простолоудина на место. Что ж, всё становится только интереснее.

— Тогда присаживайтесь и слушайте...

И я слушал. Всю эту историю про то, как сотня магов отдала свои жизни в обмен на воспоминания, что были скрыты во мне долгие годы. Как многие важные особы искали меня всюду, но не могли найти. Причём поиски вели и те семейства, что пользовались помощью ангелов, и демонологи. Продавшиеся Преисподней определённо искали меня для того, чтобы уничтожить угрозу своей власти в зародыше.

И когда Пётр Павлович дошёл до момента, когда меня обнаружили, я спросил:

— Почему вы решили, что я именно тот, кто вам нужен?

— Мы не решили. Предположили, установили слежку, — кивнул Воробьёв в сторону Кати, на чьём лице заиграла лёгкая улыбка: — И после того, как вы начали убивать демонов одного за другим, вывод был очевиден.

— Хорошо. И зачем я вам нужен? — вот мы и подобрались к самой сути. Все четверо графов подтянулись в своих стульях, деревянных и не особо удобных. Анастасия Николаевна тоже напряглась, но по другой причине — она, насколько я мог судить, тоже не знала до этой ночи, кто я такой, и внимала каждому слову Петра Павловича. Если бы она знала всё то, о чём говорили в этом зале последние полчаса — вряд ли бы сделала выволочку на том вечере.

За всех ответил Николай Александрович:

— Всё просто. Расскажите нам, как победить демонов и изгнать их с Земли.

И уставился на меня. Все, кто ждал от меня ответа, подались вперёд, когда я только приоткрыл свой рот, чтобы набрать воздуха в лёгкие для ответа. Они наверняка ждут какого-нибудь откровения. Серебряной пули, что разом решит их проблемы. Заставит вычеркнуть пункт «борьба с демонами» из своих ежедневников. Очень жалко огорчать их. Но придётся.

— Знаете, — тяжело вздохнул я: — Победить демонов будет непросто. Потому что то, что происходит сейчас — ерунда в сравнении с тем, что будет дальше.

— Иван Андреевич, не томите. Кратко и по делу, — попросил меня Михаил Фёдорович. Он, похоже, вообще не любит отступлений и предисловий.

— Если кратко, то Землю ожидает вторжение демонов. Очень скоро.

Мои слушатели застыли, словно каменные изваяния. До них не сразу дошёл настоящий смысл моих слов. Пётр Павлович осторожно переспросил:

— Значит, то, что происходит сейчас, этот массовый призыв фамильяров из Ада — только цветочки?

— Да, — мне оставалось только кивнуть ему. Как бы страшно не звучали мои слова, но озвучить все опасения мне однозначно стоило. Одному Богу известно, сколько жизней я смогу ими спасти в будущем: — Когда я был в Аду, и мы только отбили второй Круг у рогатых, некоторые из их верхушки начали искать запасные аэродромы. Нам об этом поведал один из герцогов Ада, которого мы сумели захватить. И так вышло, что выбор пал на этот мир.

В ответ — тишина. Нет, слышалось напряжённое сопение. Как мысли рождались в головах высокородных и титулованных, встраиваясь в картину мира, начавшую шататься. Повисший над столом вопрос задала княжна:

— Стой. Поясни, пожалуйста. Что значит отбили Круг? Кто те вы, что захватили герцога Ада? Что у вас там вообще происходит, чёрт вас подери?!

— А вы не знаете? В Преисподней уже давным-давно поднято восстание, — что, они и правда этого не знают? Как это вообще возможно? Им подопытные бесы не рассказывают совсем ничего о том, что твориться на той стороне? Судя по тому, как на меня все смотрят — нет.

— Как — восстание? Почему?! — воскликнул Загоровский, едва не залезая с ногами на стол — так сильно он подскочил на стуле в мою сторону. И у всех — удивлённое выражение на лице. Поразительно, как одна и та же эмоция может по-разному проявляться на лице человека в зависимости от характера. Кто побледнел, у кого едва не отпала челюсть до пола, с кого-то заструился ручьём пот.

— Так вышло. Я и сам пока не помню, как вообще оно началось. Помню только, что мы между собой назвали её Войной Воли. И наши боевые кличи.

Мой ответ породил только больше вопросов. Главным из которых был тот, что задал Булычев:

— Иван Андреевич, что значит пока не помните?

— Хм... Наверное, это можно назвать частичной амнезией. Я вообще ничего не знал о том, как обстоят дела в Аду, до того момента в Храме Призыва. Иногда только воспоминания приходили в кошмарах, вот и всё. Но чем

больше я борюсь с демонами, тем больше я вспоминаю, — похоже, что один из графов кое-что понял. Встав, Михаил Фёдорович подошёл ко мне и посмотрел прямо в глаза. Стало очень неудобно. Ощущение от пронзительности его взора лишь усиливались, пока он не отшатнулся в ужасе от меня:

— Да, всё так, как он говорит. Мы потому и не могли его найти, что он сам не подозревал о своей истинной сущности. Екатерина Николаевна, — обратился внезапно Ермолинский к мотоциклистке: — Будьте добры, позовите дознавателя. Мы должны раскрыть этот блок на воспоминаниях прямо сейчас.

Катя, кивнув, скрылась за дверьми. Михаил Фёдорович, заметив мой вопрошающий взгляд, пояснил:

— Наш род, своего рода, телепаты. Я могу увидеть ваши мысли и воспоминания как свои собственные. Но у вас в голове такое... Мне, признаюсь, не очень хочется рисковать своим рассудком.

Даже такая магия существует в этом мире. Я не слышал ни разу в этой жизни, чтобы кто-то умел читать чужие мысли. Официально подобное если и не считалось чем-то невозможным, то как минимум о подобном не говорилось.

Катя привела тощего мужчину в возрасте, одетого в чёрную робу, как у служителя Храма Призыва, с такими же пронзительными глазами, как у графа Ермолинского. Михаил Фёдорович под пристальными взглядами своих товарищей — княжны — объяснял дознавателю, что тому предстоит сделать. Влезть в мою голову, попытаться снять блок с воспоминаний — что ещё за блок такой, интересно — и не сойти при этом с ума. Похоже, то, что находится в моей голове, не так просто воспринять обычному человеку сразу. В полном объёме. Наверное, именно поэтому новые мои воспоминания и проявлялись маленькими порциями. Одно исключение из правил окончилось двумя днями горячки, так что я со всей серьёзностью воспринял грозящую дознавателю опасность.

Мужчина встал напротив меня, положил руки на мои виски и взглянул внутрь моей головы. Перед глазами стали проноситься как уже знакомые мне сюжеты, так и новые воспоминания, всё больше приоткрывающие кошмарное прошлое. Мы оба держались изо всех сил ровно до тех пор, пока дело не дошло до той части памяти, что относилась ко временам до восстания против демонов. Плакали, кричали, но пока разделяли боль на двоих — справлялись. Но первое же воспоминание о пытках оказалось слишком страшным.

Оба мы упали на пол. Мужчина молча. А я продолжал кричать так, словно с меня всё ещё сдирали шкуру. Мир погрузился в мутную тьму, в которой было слышно лишь, как переговариваются взволнованные мужчины.

Медленно, но верно, с каждой секундой я приходил в себя. Несмотря на то, что воспоминания продолжали вливаться мне в голову словно бы извне. Обжигая, принося страдания — и вместе с тем облегчение оттого, что они давно кончились. Остались одни лишь образы. Я вспомнил не всё, но многое. И первое, что я произнёс, когда пришёл в себя, было:

— Кажется, я знаю, как им помешать...

Хоть меня и поставили на ноги, слабость не отпускала. По телу то и дело пробегала лёгкая дрожь. Но даже такое состояние было намного лучше, чем у дознавателя. Мужчина лежал на полу, закатив глаза и хрипя. Вокруг него суетились графы, я лишь смотрел на них, опершись на стену. Спустя пару минут Булычев утёр пот со лба:

— Всё, перегорел. Теперь будет жить в коляске. Эх...

— Вот ведь... он же был лучшим из моих дознавателей. Как же так?.. — Ермолинский напряжённо массировал лоб. Бедного мужика, не выдержавшего даже воспоминаний о Преисподней, увели за дверь два дюжих парня в тёмных костюмах. Нехорошо получилось, но я, на самом деле, тоже мог разделить его участь. Так что мне надо радоваться, а не скорбеть.

Пётр Павлович оказался единственным, кто в суматохе расслышал мои слова. Взяв под руку, он отвёл меня к столу и усадил на свой стул. После чего спросил:

— Ваня, ты сказал, что знаешь, как им помешать. Нам всем нужно это услышать. Пожалуйста.

Страшно выглядело его умоляющее лицо. Один из самых влиятельных людей в Смоленской губернии. Представитель самого могущественной семьи — после царской. И молит престолоудина. Нет — Того-кто-помнит.

— Я всё расскажу. Но для начала пообещайте безопасность мне и моей семье. А то я наворотил дел... — мало ли что эти демонопоклоннические ублюдки решат сделать моим родным. Лучше защитить из сразу. О себе-то я уж как-нибудь позабочусь.

— Разумеется. Анастасия Николаевна, не хотите ли принять Ивана Андреевича под своё крыло? — граф Воробьёв еле сумел пересилить соблазн взять меня к себе. Но становится мишенью всех демонологов Российской Империи и подставлять свой род ему всё же не хотелось гораздо сильнее. Те же чувства разделяли и прочие. Кроме Николая Александровича.

— Будет ли в таком случае гарантирована безопасность родне Ивана Андреевича? — после того, как на Булычева посмотрели, как на полного идиота, он пояснил свой вопрос: — Мы все знаем, как хорошо работает служба безопасности Её Высочества.

— Намеряете на Павлова? — Воробьёв приподнял брови: — Ведь мы с ним справились и предотвратили возможное покушение.

— Вот именно. Вы. Не охрана Её Высочества, — возразить Николаю Александровичу оказалось нечем. После непродолжительного, но напряжённого молчания и княжна, и графы были вынуждены согласиться. И вот настал этот самый момент. Меня примут в услужение к Булычеву. Думал я — но реальность оказалась немного более непредсказуемой.

— Боюсь только, что одной моей протекции будет недостаточно. Нужно будет ввести его в семью. Катенька, ты же не против того, чтобы обручиться с Тем-кто-помнит?

Что? Что?! Я забегал глазами между графом и байкершей. Она — его дочь? Серьёзно? Думал, меня мало что может удивить, после того, как узнал кучу всего о самом себе, но эти безумные сутки продолжали подбрасывать мне один сюрприз за другим.

Сама Катя... всё-таки Екатерина Николаевна, смотрела на меня с весьма довольным видом. Очевидно, никаких возражений от неё не будет. А вот за ли я сам? Если бы только у меня был выбор... Перед глазами проплывали образы японок — Аки, Юки, Ханы. Мне они, если быть честным с самим собой, нравились все. Очень нравились. Кроме того, я их прекрасно знал — в отличие от Булычевой. Но делать нечего, придётся наступить на свои чувства. Ради семьи, ради близких.

— Я согласна, — опустила девушка взор. С очень счастливой улыбкой. Уж не знаю, что ей обо мне наговорили, и что она видела сама, пока следила за мной. Но я такого отношения ничем заслужить не мог.

— Куда деваться... Я в деле, — вздохнув с некоторой печалью, я озвучил своё согласие. В разговор вмешалась Анастасия Николаевна:

— Это, конечно, замечательно, но точно так же я могу женить Ваню на себе. Дать ему какой-нибудь липовый титул и дать лучшую охрану, какую только можно иметь в России.

— Простите, Ваше Высочество. Но Иван Андреевич уже согласился быть с моей Катенькой, — граф Булычев смотрел на княжну с улыбкой победителя. Её оставалось только гневно раздуть ноздри и краснеть от злости: — А возвести Ронина в какой-нибудь титул смогу и я. Хотя я не против и морганатического брака, в отличие от Его Императорского Высочества.

Анастасия Николаевна развернулась на пятках и вышла из зала, громко хлопнув дверьми. Булычев перегнул палку, как мне кажется. Но он был в своём праве.

Уладив на скорую руку все формальности, что касались будущего брака, я рассказал всё, что сумел вспомнить. И затем покинул это двухэтажное здание. И как только я оказался в «Коррадо», увидел с десятков пропущенных вызовов от Ханы. Перезванивать самому? Она хоть и демонолог, но всё же сестра и очень хороший человек. Нельзя так сразу обрывать все связи. Кроме прочего — демона её можно и изгнать. Так что такого вопроса у меня даже стоять не должно. После пары длинных гудков Фудзивара ответила, едва не срываясь на крик:

— Ваня, где ты был?! Срочно поезжай домой!

— Прости, но я пока не смогу приехать к тебе...

— Да причём здесь я?! В Дорогобуж! У вас там пожар! — внутри меня что-то оборвалось. Только не это! Пожалуйста!

Я повернул ключ зажигания, и автомобиль, натужно кряхтя стартером, еле-еле начал заводиться. Вторая попытка. Третья.

— Ну давай, мой хороший, давай. Не капризничай. Только не сейчас. Я тебя прошу!

Словно вняв моим мольбам, двигатель «Коррадо» наконец заурчал — только с четвёртой попытки. Зараза такая, и так нервов никаких нет, ещё ты мне будешь геморроя подбрасывать.

Первая передача, и едва я только набрал скорость — вторая. Быстрее, надо скорее добраться до дома. Чего бы мне это ни стоило.

Дождь всё сильнее барабанил по лобовому стеклу, щётки едва успевали смахивать потоки стекающей воды. Словно всё сейчас против того, чтобы я добрался до Дорогобужа как можно быстрее. Погода, светофоры, экономящие лампочки поворотников идиоты передо мной — буквально всё слилось в стремлении меня задержать. Едва успел до утренних пробок вырваться из Смоленска. Ряды машин буквально встали в сплошной неподвижный поток прямо за моей спиной.

Но это уже не важно. Я гнал по трассе, лишь слегка сбросив скорость перед постом дорожных служб. Как только проехал мимо — утопил педаль газа и устремился к высшей передаче. Будто назло мне дорога вся была скользкая от этого ливня. Но всё это — лишь жалкие, досадные мелочи перед моим желанием как можно быстрее добраться до родных. Приходилось выходить из поворотов на той же скорости, на которой в них и входил. Скользя всеми четырьмя колёсами и стараясь не вылететь с трассы. Очень опасно — но справлюсь. Я умею, я уже так делал. В прошлой жизни, но главное отбросить страх и чувствовать машину так, словно она продолжение меня самого. Родители не ошиблись в своём выборе — «Коррадо» подходил мне так, будто всю эту машину проектировали лично под Ивана Ронина.

Но всё равно на дорогу уйдёт прорва времени — минимум сорок минут. Быстрее можно, конечно, но тогда шансы превратиться в фарш, что будут хоронить в закрытом гробу, слишком велики. Хорошо хоть дорога практически пустая. И дождь заканчивается, лишь изредка погромыхая своими тучками.

В глаза мне ударили яркие фары. Какой-то мудака топит с дальним светом. Помигал ему, чтобы опомнился — помогло. Значит, не совсем мудака. А машина-то у него ого-го. Что-то вроде «Феррари». И за рулём видать знакомое лицо. Наглая рыжая морда — Егор Фролов. Что он вообще тут забыл?

Фролов меня тоже узнал, и выдал страшную гримасу. Отчаянно замигал мне дальним светом, чтобы я притормозил. Поднял ладонь вперёд, словно бы говоря ему — да, я приторможу, только прекрати уже мне глаза ебать. И нажал педаль тормоза. Сто тридцать, сто, восемьдесят километров в час...

Но Фролов даже и не подумал сбавлять скорость. Напротив, ускорился. И готовился крутануть руль влево... Да он же в меня метил!

Дёрнул ручник, «Коррадо» пошёл юзом, я вцепился в рулевое колесо изо всех сил. Но это уже сильно изменило мою траекторию на мокрой дороге, и чемпион-тяжеловес ударил меня не в водительскую дверь, а лишь зацепил задницу моего автомобиля. Этого хватило, чтобы меня провернуло разок всем корпусом. Сам же Фролов полетел дальше, отрикошетив от меня, словно бильярдный шар. Но не справился с управлением и вылетел с полосы. Хорошо хоть не в кювет, а просто на обочину. И остановился.

Когда «Коррадо» перестал крутиться, как волчок, я выскочил из него и начал орать на чуть не убившего меня придурка:

— Ты совсем поехавший?! Какого хера ты творишь?!

Фролов смотрел на меня со страшной злобой. Рыжие волосы клоуна-пересмешника стали казаться разгорающимся от гнева кострищем. Двигатель его автомобиля взревел, и спорткар понёсся на меня. В последнюю секунду я успел уйти от удара. В короткие мгновения, что он разворачивался, я успел подбежать и выцепить ублюдка через открытое окно.

Руку тут же обожгло, словно я коснулся пламени. Демон! И очень, очень сильный. Но я продолжил тянуть Фролова на себя, и сумел, упершись обеими ногами в дверь его спорткара, вытянуть его через окно. Непристёгнутый идиот, если бы всё пошло по его плану, он полетел через лобовое стекло далеко и насмерть.

— Пусти, сука!..

— Хуй тебе!

Оба мы грохнулись на асфальт. Фролов оказался сверху и воспользовался преимуществом по полной, начав меня молотить по лицу. Кое-как закрываясь руками, я всё-таки сумел отбиться от кулаков и сбросил Егора, приложив при этом самого себя головой об асфальт.

Как же больно... тварина. Но преодолевая острую боль в затылке, я поднялся и пошёл на отскакивающего от меня демонолога. Из его тени выскочила Адская тварь — самая большая из тех, что я видел в этой жизни. Самая

страшная. Похожая на трёхметрового человека, с когтями в полметра и бараньими рогами. Рыцарь Ада.

Как против него бороться в этом теле? Он же даже выглядит так, словно способен моим «Коррадо» шутя жонглировать. Но я не могу убежать. Только биться. До конца. Чего бы мне это не стоило!

Демон идёт на меня, его хозяин пытается обойти со спины. Оба они — опытные в бою. Действуют как единое целое. И когда только успели наловчиться? Фролов тоже дворянин, раз так рано сумел призвать фамильяра. Иного объяснения нет и быть не может. Но всё равно у них не больше пары лет совместного опыта. А у меня, переполненного воспоминаниями из Преисподней, за плечами тысячелетия отточенных в реальных схватках умений!

Фролов ударил кулаком перед собой в пустое пространство. Сперва я не понял, а затем мощная волна воздуха сбила меня с ног. Ять... Похоже, на меня всё же действует магия. К растянувшемуся на асфальте мне тут же подскочил рыцарь Ада — и отпрянул, словно ему было больно даже приближаться.

Всё оказалось просто. С тысячелетиями опыта в меня влилась и вся та сила, что была подвластна Восставшему. Нужно только научиться ей управлять! Та самая ледяная ярость в кулаках, выдиравшая куски плоти ранее демонов, тоже была магией, применённой мной неосознанно.

Хотя Егору могло показаться, что он уже полностью меня победил, я просто не торопился вставать. Мне было смешно. Искренний хохот разлился из моей груди на всю округу.

— Крыша поехала, гнида? — зло и нервно плюнул в меня Фролов. Но слюна, не долетев десяти сантиметров, испарилась в синей вспышке пламени. Демонолог отшатнулся, поражённый увиденным: — Какого?!.. Ты же без фамильяра!

— Почём знаешь? — оскалился я, поднимаясь и делая шаг навстречу несколько растерявшемуся ублюдку. Тот, собрав всё своё мужество и ненависть ко мне, двинулся мне навстречу.

— Отец сказал.

— Хо-хо, приближаешься ко мне? А ты смельчак. Что ещё он тебе сказал?

— Ещё — что ты убил моего брата! — бросился вперёд Фролов, и асфальт крошился под его магической поступью. Руки объаты — нет, не пламенем. Вихрями, взрезающими воздух, словно тысячи бритв. А это, если его магия способна меня достать, смертельно.

Изо всех сил я искал, как защититься от ударов демонолога. Вариантов масса, но сработает ли хоть один в смертном теле? Воздух вокруг меня словно застыл, превратившись в непроницаемую стену на пути Фролова. Упершись в неё, демонолог остановился. Он не понимал, откуда во мне такие магические силы, но отлично знал, что делать, чтобы победить меня. Провоцировать, лишь бы я совершил фатальную глупую ошибку.

— Кстати, Ронин, ты же домой спешил?

Мне не нравится этот вопрос. Я знал, к чему он клонит, но верить в это не хотел. Смотрел ему в глаза, наглые и ухмыляющиеся. Переполненные злорадным торжеством. Он ответственен за пожар, это и так ясно. Главное — не поддаваться на его уловки. А как одолею, спрошу по полной программе с этой сволочи. Сейчас же буду играть по тем правилам, что задал он сам.

— К твоей мамаше-шлюхе.

Рыжий аж стал огненно-красным. Маска превосходства надо мной слетела за секунду, и Фролов бросился в бой сломя голову. Продираясь через воздух, густой, словно кисель.

— Не смей говорить так, ублюдок!

В интернете моего прежнего мира он бы до полного сгорания афедрона продержался не больше минуты. И то это оптимистичный прогноз. Идиот едва ли не метался молниями во все стороны, пока шёл ко мне.

Его демон, которого шутки про мамаш несколько не задевали, заходил ко мне со спины. Старался делать это незаметно, но с трёхметровой тушей подобное проверить малореально. Мне нужно завалить эту рогатую тварь, тогда и сам Фролов останется без своей магии. После чего его можно будет брать тёпленьким.

Я собрал всю ту силу, что струилась в моих венах, в один большой шар, который тут же стал видимым на моей правой ладони. Синий, ярко светящийся, приятно-тёплый. Рука сжалась в кулак, напиваясь накопленной за тысячелетия мощью.

Разворот лицом к демону. Стойка. Удар. С кулака сорвалась упругая волна, настигшая демона за мгновение. Основная сила пришлась прямо ему в грудь. Рёбра рыцаря Ада затрещали, проламываясь вовнутрь. Изо рта и носа потоком хлынула мерзкая, чёрная кровь. Упав на колени, фамильяр смотрел на меня с ужасом. Он узнал эту магию. Видел её раньше, и видел в Аду. Когда я уничтожил его подлое племя. Демон бы там в один из тех моментов.

Разворот обратно к Фролову. Он смотрел на то, как я расправился с его могучим магическим слугой. И на последнем издыхании своего демона ответил мне, не размениваясь на мелочи. Весь асфальт пошёл паутиной трещин, из которых к Егору потянулись языки пламени. Образовав вокруг него кольцо, которое затем...

Все произошло слишком быстро. Ослепительная вспышка, меня словно подхватила волна и бросила на автомобиль Фролова. Каждое нервное окончание буквально взорвалось от боли. На миг я потерял сознание от этих

оглушающих мук.

Когда я сумел открыть глаза, никакого рыцаря Ада на трассе не было и в помине. Демонолог принёс своего фамильяра в жертву в обмен на победу в битве. И прямо сейчас прикладывал ничего не чувствующего меня головой об асфальт. Раз за разом. Голова лишь сильнее кружилась, когда лоб в очередной раз встречался с дорогой. Фролов что-то орал мне в ухо, но я никак не мог разобрать ни слова. Неужели мозги уже настолько отбиты, что я потерял возможность понимать знакомый язык? Нет, просто хорошее сотрясение. Уже понемногу проходит.

Отрепённо я принимал удар за ударом, пока не понял, что в гневе кричит Егор:

— Я тебя, ублюдка, отправлю к твоей сраной семейке! Подыхай уже, скотина!

Подыхать? Не отомстив хотя бы тому, кто повинен в смерти моих близких? Не дожждётся!

— Волей!.. Победим!..

Очередная попытка вбить мою голову в пропахшую бензином трассу. Но я уже упёрся локтями и приготовился встать. Фролов вскочил быстрее и стал охаживать меня ногами по рёбрам. Поздно! Раньше надо было.

От моего тела в стороны расходится вихрь, сбивший демонолога с ног и отбросивший в сторону. Обе наши машины — а заодно и вставших в отдалении наблюдателей — развернуло мощными потоками воздуха. Словно по дороге на одно кратчайшее мгновение пронёсся всеуничтожающий шквал.

Встал. Утёр рукавом кофты кровь со лба — хуже ей уже не будет, и так на выброс. Раны горели — и это хорошо. Я всё чувствовал, а значит, пострадал не так сильно, как мог бы. И, как только перестал качаться из стороны в сторону на нетвёрдых ногах, пошёл напрямик к растянувшемуся на обочине Фролову. Демонолог пытался собрать глаза в кучу, но слишком сильно приложился при падении затылком.

— Значит, мою семью убил?

— Хе-хе... не повезло им... — ударил пяткой по кисти его левой руки. Кости и суставы затрещали, превращаясь в фарш: — Блять... Но это ничто в сравнении с тем, что испытала твоя сестричка... Маленькие девочки так забавно визжат, когда их... А-а-ай!

Я не дал договорить этой мрази. Наступил на причиндалы и медленно принялся вкручивать пяткой в асфальт. Из рта Фролова пошла кровавая пена, но я всё продолжал топтать останки того, что было у него между ног. Сукин сын! За что ты так с моей Ульяной?!

Слабая надежда, что это всего лишь попытка спровоцировать меня перед очевидной уже гибелью, заставила меня остановиться. Взяв за шиворот подонка, я потащил его к «Коррадо» и бросил в багажник. Сел за руль и отправился к дому. Я должен проверить его слова. И если он говорит правду — он отведает самых чудовищных страданий, что я смогу для него придумать.

Вдалеке зазвучали полицейские сирены. Не теряя ни секунды, я притопил по начавшей высыхать от тепла первых утренних лучей солнца дороге.

Над Дорогобужем стоял столб дыма. И похоже, что именно у моего дома. Эта сволочь, стонущая сейчас в багажнике, не шутила. Чем ближе я был к родной двухэтажке, тем сильнее меня охватывала злорада.

Здание с пристройками и забором уже практически полностью выгорело. Пожарные заливали последние оставшиеся очаги огня, их машина стояла чуть в стороне. Рядом с ней стоял командир расчёта, усатый и пузатый мужик за сорок. Затормозив с шипением покрышек и небольшим заносом, я заглушил двигатель и помчался выяснять, что именно случилось. В груди пока ещё теплилась слабая надежда, но она таяла с каждым шагом.

— Кто-нибудь погиб? — с первым же вопросом ответ был ясен. У командира расчёта всё было написано на лице.

— Увы. А вы кем будете?

— Я живу здесь, — и по ещё сильнее погрузневшему виду мужика я понял, что всё хуже, чем могло бы быть. Рука пожарного легла мне на плечо.

— Сочувствую, парень. Сейчас дотушим всё и будем искать оставшиеся тела.

— Кого вы уже нашли? — как же внутри становится холодно и натянуто. Но я должен знать всё. Чтобы заставить устроившую это мразь страдать.

— Взрослую женщину. Огнём не тронута, была убита во дворе. Мы её вытащили, думали, просто без сознания. Ждём вот приезда полиции и медиков. Хотя вряд ли кто выжил...

Ох... чёрт... как же так?.. Сзади ко мне подошёл отец, только что пришедший с дежурства. В глазах у моего бати стояли слёзы, но он держался. Хотя бы он жив, не все погибли. Я обнял его и похлопал по спине. Мне тоже нужно держаться. Хотя внутри уже никаких эмоций, кроме злости и ярости. Всё выжжено подчистую воспоминаниями из Ада. Или просто ненависть вскипела во мне настолько, что даже скорбеть от утраты я не могу?

— Всё будет нормально, пап. Всё будет.

Отец молчал. Боялся сказать хоть что-то, лишь бы не разрушить хрупкую надежду на то, что матерью всё и ограничилось. Но реальность была беспощадна к нам обоим.

Командир пожарных отвёл отца в сторону, но я пошёл следом. Я обязан всё знать. Как это случилось поминутно. И мужик, смирившись с моим присутствием, рассказал всё. Что огонь вспыхнул во всём доме сразу. Соседи рассказали ему, что слышали крики, но вызывать полицию побоялись. Их запугал молодой человек с огромным демоном. И не оказалось ни одного смельчака, что решился бы позвонить куда надо. Со сна многие вообще ничего не понимали. Только то, что сперва вскрикнула женщина. Потом молодой парень. И наконец, долго и протяжно визжала маленькая девочка.

Сучий потрох, не соврал мне нисколько! Пришлось придерживать отца, когда из обуглившихся развалин выносили два сгоревших тела. Высокое и худое Павла, всё переломанное. И маленькое хрупкое Ульяны. Меня всего трясло и тошнило, но я продолжал смотреть на них. Пока их не накрыли белыми простынями. И пока не приехала полиция.

Отец разбирался с ними. А я закурил в стороне, не привлекая внимания своим перемазанным кровью внешним видом. Пытаясь хоть как-то переварить случившееся. Как такое вообще можно совершить? Насколько нужно мало иметь человеческого в душе для такого? Имеющий сострадание хоть на ноготь мизинца никогда бы такого не сделал.

Когда всё закончилось, и машины служб уехали, батя подошёл ко мне, усевшемуся на капот «Коррадо».

— Я не понимаю... Ничего не понимаю... — всхлипывал он, прикрывая лицо руками и давая наконец волю чувствам. Обнял его и дал выплакаться. Иначе с этим никак не справиться.

— Я знаю, почему так вышло. И кое-кто за это ответит, — я встал и постучал по багажнику. Оттуда донеслись сдавленные стоны.

— Кто это там?..

— Тот, кто всё это сделал. Егор Фролов, — я открыл багажник, и отец увидел виновного в смерти жены и детей.

— Точно он? — с лица бати сдуло все прочие эмоции, кроме ненависти.

— Точно.

Отец тяжело вздохнул и плюнул на ублюдка, дав тому по морде за попытку поднять голову.

— Тогда поехали на старый карьер. Расскажешь мне всё по пути. А потом у этого гондона будет худший день в жизни.

Пока мы ехали по трассе, отец пытался дозвониться Ленке. Когда та наконец продрала глаза и ответила, что у бати, что у меня отлегло от сердца. Фролов, к нашему счастью, не знал адреса её парня.

— Доча, всё хорошо?.. А, нет, не надо тебе домой. Оставайся у Максима. Я потом позвоню и всё объясню... Нет, не звони матери, — похоже, ему всё-таки придётся рассказать сейчас, в чём дело. Лицо его застыло, словно маска: — Она... она не ответит... Дом сожгли. И она, и Паша, и Улька...

Моего старика начало трясти. Не хватало только, чтобы ему стало с сердцем плохо. Этого Лена точно не выдержит. А я... я уже знаю, что на том свете свидимся. Не все, кто-то отправится в Рай, но всё-таки какое-то утешение.

— ... Ладно, я тебе потом перезвоню... — повесил отец трубку и утёр выступившую влагу с уголков глаз. Он молодец. Держится изо всех сил, хотя такой удар в его возрасте не у всех выходит пережить. Даже меня это задевает, со всеми моими страшными воспоминаниями и круто изменившимся отношением к жизни за последние сутки.

— Как она там? — спросил я, и отец ответил, тяжело прокашлявшись:

— Плачет.

Не удивительно, в общем-то. Любой бы лил слёзы на её месте. Один я сухарь, но не без причины. Я испытывал вещи и более страшные. Непонятно как сумел их перенести, но наверняка и на этот вопрос рано или поздно отыщется ответ. Оставалось лишь понимающе вздохнуть.

Но взгляд отца продолжал сверлить меня, так что в итоге я, не выдержав, спросил:

— Что-то хочешь узнать?

— Да, блять, хочу. Почему какой-то пидорас вообще к нам приехал? Это же не просто какой-то слетевший с катушек долбоёб. Ты его знаешь. Что произошло?

Я начал свой рассказ издалека. С кошмаров, что терзали меня с самого рождения каждую третью ночь этой жизни. Потом дошёл до ритуала призыва фамильера, который словно бы вытянул пробку из трубы. Что просачивающиеся во снах воспоминания хлынули на меня сплошным потоком. И далее, случайность за случайностью, событие за событием, я пришёл к сегодняшнему рассвету.

— ... Этот, в багажнике, сказал, что я завалил его брата. И поэтому он приехал к нам. Похоже, что всё это случилось по моей вине, — пожал я плечами и удостоился крепкой оплеухи: — Ай! Ты чего, я ж за рулём!

— Потому что ты, долбоёб малолетний, привёл эту гниду к нам на порог. Знай, хера с два я это забуду или прошу, — голос отца звучал самым худшим образом из всех возможных. Он был наполнен укоризной и разочарованием во мне. Хотя откуда я вообще мог знать, что мои поступки могут привести к такому?

Мог. Именно поэтому ты и попросил гарантии насчёт семьи у Булычева, Ваня. Просто сделал это слишком поздно. Ты знал, что первым делом враг нацелится на твою семью, ударит по самому слабому и больному месту. Так что, сколько не пытайся придумать себе оправданий — никуда от вины теперь не денешься. Но, наверное, я смогу жить с этим грузом. Не впервой из-за меня проливается кровь.

— Но что сделано — то сделано. Сворачивай, — напомнил мне батя о съезде к старому карьеру. Я послушно повернул руль направо и выехал на грунтовку. Почти заброшенную, поросшую густой травой. Лучшее место, чтобы прикопать Фролова. Его тут даже искать никто не станет.

Припарковавшись у края карьера, который от проливных дождей превратился в озеро мы с отцом вышли из автомобиля и открыли багажник.

— Что, приехали? — а этот всё зубоскалит. Думает, что мы с ним играем в игрушки, не иначе. Или просто напросто не верит в то, что ему вот-вот придёт конец.

— Ага, твоя последняя остановочка, — я взял Фролова за руки, отец за ноги. Стоило начать диалогу брыкаться, как он тут же получил по голове ещё разок. После чего мы бросили его на мокрый и холодный песок.

— Ай... сволочи! Думаете, вам всё это сойдёт с рук?

Батя решил не церемониться с подонком, дав ему своим армейским сапогом по рёбрам. Похоже, что сломал. Если судить по сдавленному, хрипящему вздоху. Судя по глазам Егора, до него начало доходить, что шутки кончились. Сейчас его будут долго мучать, а потом убьют. Точно так же, как он это сделал с моими родными. Но всё ещё пытался нас запугать.

— Мой отец вас найдёт... и убьёт. Как бешеных собак пристрелит!

Отец его не слушал. Достал свой нож с пояса и сел напротив попытавшегося встать Фролова. За попытку подняться и дёрнуться в нашу сторону он получил подошвой в лицо.

— Лежать! Нам на твоего папашку насрать. Он такой же покойник, как и ты. Ведь по его приказу же ты напал на наш дом, да?! — кости одной из стоп Фролова затрещали. Он взвыл от боли, чуть не потеряв сознание. Батя

надавал пощёчин, приводя в чувство эту сволочь.

— Вань, поддержи ему руки немного.

— Хорошо, пап.

Егор зашёлся в воплях, переходящих в истеричный визг.

— Да что вы делаете! Сукины дети, я вам приказываю, как дворянин — отпустите меня!

Старый военный невесело посмеялся ему в лицо:

— Или что? Дорогобуж, кстати, не ваша вотчина, сосунок. А графа Булычева.

Вот это поворот, однако. Жил себе восемнадцать лет, жил — и тут оказывается, что всё это время был под защитой Николая Александровича. То-то с ним никто не спорил в зале, кроме Анастасии Николаевны.

Фролов, как только понял, что запугать нас никак не выйдет, принялся истошно звать на помощь. Пришлось доставать тряпку из «Коррадо» и затыкать ему рот. После чего отец принялся вымещать всю свою ненависть. Что он творил с лицом Егора — знать не хочу. Видел только то, что крови налилась целая лужа. Но даже через кляп ор стоял такой... Страшно, в общем. Даже представить себе не могу, чем занимался отец в горячих точках, раз у него ни разу не дрогнула рука вытворять подобные ужасы с молодым парнем.

Когда большей частью вся ненависть к Фролову была выплеснута на него самого едкой кислотой, отец достал пистолет из кобуры. Я его остановил:

— Не трать патроны. Собаке — собачья смерть.

— Нельзя так. Хоть он и пидорас конченный, но тоже человек, — но пистолет убрал. Затем подошёл к Егору в последний раз: — Ну всё. Прощай, гнида.

Взяв за затылок и подбородок запытанного, перемазанного собственной кровью парня, батя медленно провернул голову на крепкой шее. Явно наслаждаясь последними попытками бороться за свою жизнь. После щелчка жизнь подонка прервалась.

Отец потыкал ножом в землю и вытер лезвие об одежду убитого.

— Что будем делать с телом? — спросил он меня.

Положим, меня отмажут Булычевы. Скажут, что я был всё это время у них, а пожарным, полиции и свидетелям драки на трассе всё показалось. Кто с ними станет спорить? Анастасия Николаевна тоже может подтвердить, если захочет — она бывает гостьей у Николая Александровича, насколько я понял.

Отец был на дежурстве и пришёл, когда наш дом уже сгорел дотла — никак не мог он изловить Фролова. Но тело всё равно будут связывать с нами. Потому что отец Егора знал, где был его сын.

Ай, будь что будет. Я устал от этого проклятого, безумного дня. Пусть его тело разделит участь моих родных.

— Бензином обольём его, да чёрт с ним. Ничего нам не сделают, даже если найдут.

— Не по-христиански это, — вот уж поражаюсь я своему отцу. Думает о демонологе, что убил всю его семью. Которого минуту назад полосовал ножом. Удивительный человек.

— Ладно, сожжём, а потом закопаем. Пошёл я за лопатой.

Прикупил я пару недель назад сапёрную лопатку. Мало ли где машина может застрять, хоть подкопать будет возможность. А по итогу пригодилась совсем иначе.

Кое-как, за четверть часа, я раскопал достаточно песка, чтобы в подобие могилы можно было уложить Фролова. Вновь мы взяли его за руки и ноги, сбрасывая на дно ямы. Затем полили бензином, который пришлось вытягивать из бензобака. И сели у кострища. Я достал сигарету — слишком уж сложное утро. Не нравилось мне чисто по-человечески то, чем мы занимались.

— Ты куришь что ли? А, не важно... дай и мне штучку, — батя, когда его отпустила звериная ненависть, тоже был не в восторге от того, что он сделал. Оба мы тянули одну сигарету за другой, пока дожидались, когда огонь утихнет. Запах табачного дыма перебивал другой — отвратительный, что доносился до нас из могилы.

Кажется, я понял слова отца — Фролов всё ещё человек. И где-то там, в Аду, он вот-вот вольётся в ряды тех, кто с демонами воюет. В огне Преисподней нет демонологов. Даже нет плохих или хороших людей. Все мы там были объединены страданиями и ненавистью к общему врагу. Это здесь человек человеку — волк. Но там — он был бы мне таким же боевым братом, как и все остальные.

Перебежчики на сторону сил Сатаны редки. Нужны тысячелетия верной службы, чтобы заслужить право быть кем-то, кроме задохлого беса или чертёнка. А столько времени у демонов не было. По-крайней мере, не больше одного тысячелетия осталось до нашей окончательной победы.

Но что потом, когда души грешников победят? Что будет в Аду? Страдания от отравленного серой воздуха никуда не исчезнут. Вечная жажда никогда не будет утолена — если не пить отравленную демонами воду. Рогатым не нужно ни есть, ни пить. Всё, что им нужно — страдания их жертв. Это питает их, освежает, придаёт им сил.

Интересно, кто создал их такими? Кого винить? Такие твари не могли появиться сами собой. Более того, целое измерение, в котором они пытали грешников, не могло появиться само по себе. Но, кто бы ни был их создателем, какие бы он цели этим не преследовал... надеюсь, у него будут веские доводы, чтобы убедить меня в

искренней необходимости такого мироустройства. Хотя едва ли я доберусь до него. Или же них.

Когда огонь в могиле ослаб, я вновь взялся за лопату. Наскоро забросав яму песком и утрамбовав, вместе с отцом отправились за Ленкой. А потом... потом не знаю. Придётся везти то, что осталось от моей семьи, к Николаю Александровичу. Или же к Фудзиваре. Но к ней, признаться, ехать совершенно не хочется.

А разве есть выбор? Где ещё отец и Лена будут в безопасности, если не у родни — очевидно, Бульчеву интересен только я. Просто из-за того, что именно моя душа откликнулась на зов о помощи той сотни магов, что принесла себя в жертву. Потому что я — Тот-кто-помнит.

Наверное, у них была слабая надежда, что я научу их последователей, как надо побеждать демонов. Но это откровенно не вязалось с тем, что ни один из графов, да даже княжна — никто не знал, что в Преисподней идёт Война Воли. Которая началась из-за меня.

Да, помимо всего прочего, я — тот, кого демоны назвали Восставшим. Сидя за рулём с сигаретой в зубах, проезжая мимо оцепленного полицией места нашей с Фроловым битвы, я вспомнил, как всё начиналось.

Очередная большая работа с дипломниками. Гора текста, требующая сверки со стандартами. Ошибки искать куда интереснее, чем подгонять за ленивых студентов работы к требованиям МинОбра. На улице стоит страшная духота — столбик термометра уверенно тянется к цифре в сорок градусов по Цельсию. Я работал всю ночь. Голова изрядно кружилась от усталости и переработок. Толстое тело, в полтора раза тяжелее нынешнего, притом на две головы ниже, обливается потом.

Футболка и шорты давно сброшены. Я даже подумывал тогда и трусы стянуть — всё равно живу один в свои тридцать пять, стесняться мне некого.

По хорошему, стоило бы отложить работу в сторону и отдохнуть, но ещё во времена, когда я бегал от военкомата, твёрдо усвоил правило. Не хочешь страдать завтра — делай всё сегодня. Из будущего ты скажешь себе спасибо, когда заведующий кафедрой сбросит на тебя ещё «немного» работы. «Пустяковой», конечно же, иного мне и не поручали. Упрись рогом и работай. Добивайся своего, пока не сможешь сказать — да, я молодец. Я справился, можно и отдохнуть.

Этот навязанный мне жизнью принцип меня же и сгубил. Как идиот бился об стенку, брался за чужую работу, рассчитывая на признание. В итоге по моей голове прошлась вся кафедра. А я так и остался никем. Упёртым бездарем.

Моя рука тогда потянулась за свежей банкой энергетика. Только из холодильника. Которая она уже по счёту была за тот день? Восьмая? Не важно это, на самом деле. Моё прежнее тело погубил не избыток кофеина, ожирение, и даже не вечные переработки. Они сыграли немалую роль в смерти, но последнюю каплю добавил я сам. Один глоток ледяного напитка, другой...

Внезапно сердце пронзила страшная боль. Руки и ног словно зажаты миллионами острых булавок. Вздохнуть никак не получалось. Встать и дотянуться до телефона, чтобы позвонить в скорую — тоже. Я упал со стула. Сердце всё продолжало болеть так, словно его резали ножом. Мои глаза закрылись и потом...

Я очнулся. Не у себя дома, а в какой-то тёмной камере. Из освещения — только щёлка со стороны стены. Но уже видно, что нет ни стула, ни кровати. Сырой вонючий пол, покрытый чем-то липнущий к ступням. И решётка, как в американских киношных тюрьмах. Только прутья все зазубренные, ржавые, местами обёрнуты колючей проволокой. Где я вообще оказался?

Попытался вдохнуть и чуть не сошёл с ума от боли, сшибившей меня с ног. Лёгкие обожгло так, будто я тупой помощник стеклодува, вдохнувший раскалённый воздух из своей первой работы. Как же всё болело, до невозможности! От груди ощущения растекались по всему телу. Я очень боялся сделать второй вдох. Он был таким же болезненным, словно первый. Но лёгкие жгло либо от удушья, либо от этого отравленного воздуха. Сера — я узнал этот запах, когда сумел привыкнуть к боли. Кричать сил не было. Я лежал и страдал молча, не издавая ни единого звука. Только изредка прорывался всхлип. Слезы, лишь появившись, испарялись. Окружающий воздух был не только травлен серными парами, но был горячим, как сопло реактивного двигателя.

Каждая секунда в новом месте приносила мне страдания, каких не было в жизни никогда. Даже вопрос, где я, уже не волновал меня. Только — когда это всё закончится?

Глухой топот в коридоре дал слабую надежду, что меня наконец-то выведут из этой адской парилки. И разрушил её, когда за решёткой показались похожие на чертей существа. Верх тела как у людей, но вместо лиц — свиные рыла. В угольно-чёрных волосах торчат рога. Козлиные ноги, крысиный лысый хвост. И всё покрыто густой, кучерявой шерстью в тон волосам.

— Ха! Свежее мясо! — писклявым голосом сказал один другому. Тот ответил:

— Потасили его на бойню! Или пусть ещё помаринуется?

Черти? Бойня? Помаринуется? Я что, умер? Оказался в Аду?!

Черти, придя к согласию, открыли решётку ключом, свисающим с шеи одного из них, и потасили

недоумевающего меня по коридору. Навстречу новым страданиям, которые я обязан перенести. Я конечно привык, что вся моя жизнь — боль, но чтобы настолько?..

Стиснув зубы, я смотрел по сторонам, пытаюсь как можно больше узнать о том месте, куда я попал. В точно таких же камерах, что у меня томились высушенные голодом и жаждой тела — грешники. У всех отрешённое выражение на лице и потухший огонь жизни в глазах. Мне что, предстоит стать таким же, как они?

Сквозь боль я сумел улыбнуться. Со всей той упёртой ненавистью к миру, что во мне была. Не дождутся! Им меня никогда не сломить!

Всего нескольких дней хватило, чтобы понять, насколько Ад страшное место. Читать описания из «Божественной комедии» — похоже, но всё-таки далёкие от истины — и испытывать страдания на собственной шкуре... Вещи очень разные. Возможно, за столетия всё сильно изменилось? Кто знает...

Боль не прекращалась ни на секунду, я то и дело проваливался в беспамятство. Стоило нас убить — мы тут же появлялись в своих камерах и дожидались свежей порции страданий. Но каждый раз, когда разум оставлял меня или кого-нибудь ещё из узников казематов, прибегали мохнатые черти и насильно вливали какое-то жгучее пойло прямо в горло. Жажда оно не утоляло, словно обжигало изнутри, но всё-таки даровало какое-то слабое облегчение страданий. Все мы приходили в чувство, но после краткого прояснения сознания нас всё равно продолжали водить по адским пыточным.

Демоны всех сортов упивались нашими страданиями. Не было для них ничего лучше, чем сломить волю очередного решившего сопротивляться до конца упряма. И чем дальше — тем хуже для грешников всё становилось. Я старался как мог, но меня ломали часами. Хотя в Преисподней время субъективно. Ничего не подчиняется расписаниям, нет дня и ночи — лишь мерный красно-оранжевый свет всегда разливается по всему небу сразу. Хотя неба и того нет, одна густая пелена из серных туч.

Полная безнадежность, не видно конца и края этому. Даже если бы нужно было провести в Аду всего день — он бы казался целым годом. И когда я уже было начал сдаваться, ломаться, как и все грешники, забрезжил свет надежды. Новый сосед, гордый и упрямый. Совсем как я недавно. Он в гневе после очередного своего появления в камере пахнущих гнилью казематов ударил по разделяющей нас стенке. Выпал один-единственный кирпич. Нам с ним этого хватило, чтобы начать говорить. Неважно о чём. Так что мы буквально выложили всё, что пережили там, в материальном мире. Эти разговоры можно было бы при желании назвать исповедями, но нас они уберегли от окончательного отрешённого безумия, порождённого муками. Стоило только слышать шаги, как мы сразу возвращали выбитый кирпич на место.

Многочасовые по ощущениям беседы укрепляли нас, дарили смелость и решимость к действию. Демоны не понимали, в чём дело, но явно посчитали, что просто им попались крепкие ребята. Ведь я отощал, как и все, выглядел бледно и откровенно хреново. Но хотя бы рассадить нас подальше черти не догадались. И в какой-то момент у нас родился план. Простой, как пять копеек. Огреть вошедшего в камеру чёрта по голове и забрать у него что ключи, что флагу с пойлом.

По одному свинорылые ходили очень редко. Но всё же ходили. Это их всех в итоге и подвело. Вся эта самоуверенность, что их никто не тронет, а мы на самом деле затравленные до утраты любой воли к жизни узники.

Когда одинокий чёрт вошёл в мою камеру, я притворился совсем потерявшим чувства. Когда он, довольно потирая руки, протянул ко мне свои костлявые пальцы, я исподтишка огрел его кирпичом по голове. Низший демон осел на пол, закатывая глаза. Сорвав ключи с флягой и ударив для верности ещё пару раз, я увидел нечто, что казалось совершенно невероятным. Чёрт начал гореть и превращаться в дым, который обжигал лёгкие куда сильнее обычного. И одновременно с этим я сам словно бы стал сильнее.

Во мне разгоралось пламя жизни, давно забытое и утерянное. Я бежал по коридору темницы, открывая все двери по пути. Давая особо слабым испить пойла из фляги. Нас набралось не меньше полусотни, когда демоны обнаружили пропажу посланного за мной палача. Все спешно выдирали кирпичи из кладки, прутья из решёток, сматывали проволоку с прутьев. Мы готовились к первой нашей битве в Войне Воли. Ведь именно в тот момент и нас появлялись силы бороться вопреки уготованной для нас судьбе. Именно тогда, когда черти пошли по коридору, доставая свои дубинки, я произнёс клич, что объединил все души в борьбе против вечных пыток.

— Волей победим! — воодушевлённая толпа грешников смотрела на меня, и мой сосед, спасший меня и себя тем судьбоносным ударом о стенку, поддержал меня:

— Да! Сognём этих ублюдков нашей волей!

Гул быстро нарастал, и мы пошли в бой с рёвом пяти десятков глоток. Этот момент решал всё — запытают нас, окончательно сломив, или же мы сумеем освободиться от навязанных нам порядков, приносящих одни страдания?

Черти были совершенно не готовы к тому, что обычно не вызывающие проблем души грешников окажутся полны решимости и сил. Их ряды дрогнули. Любого из демонов, что попадался под руку, мы забивали со всей той ненавистью, которую они сами к себе породили. Каждый из нас в этом бою становился сильнее с каждым побеждённым врагом. И я был в первых рядах — самый сильный из первых восставших.

Вскоре наш бой охватил все казематы, что были в высокой башне посреди круга Ада. Наша тюрьма напоминала собой Вавилонскую башню, столь велика она была, столь грандиозна. И когда последний узник покинул свою камеру, когда демоны были выбиты из всех бесчисленных коридоров нашей темницы — я

почувствовал приятный огонёк в душе. Я тут же понял, что он поможет мне вынести любые испытания, какие только могут выпасть на мою долю. Огонёк надежды.

— Братья и сёстры! — вещал я, стоя на горе из сваленных перед входом в казематы в кучу дубинок наших палачей: — Это наша первая победа. Враг вернётся, чтобы победить нас, загнать обратно в клетки. Но мы не позволим ему решать за нас! Мы — люди! И хоть мы оказались в Аду, хоть и гршили в своей жизни... Разве мы заслуживаем таких мук? Я отказываюсь терпеть! Мы смогли победить раз — сможем и второй. Для нас больше нет ничего невозможного! Волей победим!

Раздались первые голоса тех, кто слышал мой клич в самом начале. И они поддержали меня словами соседа:

— Согнём их нашей волей!

Сперва это кричали всего несколько десятков человек. К ним присоединялось всё больше и больше народа — сотни, а затем и тысячи. Я чувствовал, как внутри каждого воскликнувшего разгорается надежда на лучшее. Боль ослабевала, и мы наконец-то смогли вдохнуть серный воздух, не корчась от боли каждый миг. Одна большая победа сложилась в крохотные успехи для поднявших руку на своих палачей.

И были битвы, жестокие и продолжительные, пока мы не смогли подчинить себе первый из Кругов — место, где ни одна грешная душа больше не подвергалась пыткам. Место, ставшее нам приютом.

Но своего соседа я больше никогда не видел. Затерялся ли он среди прочих грешников, или же просто исчез из Преисподней навсегда? Этого я никогда не узнаю. Потому что в какой-то момент настала моя очередь переродиться.

Вот я борюсь с очередным демоном, откручиваю ему голову и купаюсь в крови побеждённого — и сразу пейзажи Ада и идущей вокруг битвы растворились. Смазались, как краска на холсте. Вся боль исчезла.

Меня окружал яркий свет, тянуло вперёд — к самой яркой точке. Рядом. послышались два голоса, мужской и женский.

— Ты уверен, что он подойдёт? — поинтересовалась женщина. Голос её был сладок, словно мёд. Одного его звучания было достаточно, чтобы все раны на моей душе затянулись.

— Только он и сможет справиться, — ответил ей мужчина. Звонкие, жизнерадостные нотки причудливо сочетались с глубоким басом. Ему хотелось верить с первого слова. Если он говорит, что я справлюсь — значит, так оно и есть.

Голоса стихли, и мою душу потянуло дальше по коридору из света. Через шар, что висел посреди мира, окружающего его своей сферой, к новой Земле.

В этот момент я родился заново. И забыл всё, что со мной происходило последние тысячи лет.

Втроём на слегка побитом «Коррадо» мы подъехали к дому, где жили приехавшие в Российскую Империю японцы. Ворота закрыты, пришлось посигналить, чтобы охранник, задремавший по утрам на своём посту, вскочил и дал мне проехать. Заодно и весь особняк разбудил, но так даже лучше. Не придётся дожидаться, пока Хана поднимется. Решим все вопросы сразу же.

Отец и Ленка шли за мной в столовую. Не будь повод приезда таким ужасающе печальным, они бы непременно восхитились богатым убранством. Но увы, их взоры были обращены сейчас вовнутрь, на жгучую боль утраты в груди.

Фудзивара не спала. Как и не спал никто. Нас ждали — всё-таки я по-прежнему проявил незавидную глупость, когда подумал, что сестра может улечься спать после того, как она мне звонила.

— Онии-сан! — вскочила Хана со стула и подбежала ко мне, но я выставил руку вперёд. Она непонимающе остановилась, и лишь потом заметила, что я с головы до ног покрыт кровью. Где чужой, а где и своей. Бросил взгляд на большое зеркало, и малость обалдел с того, как изменилось лицо. Вместо жизнерадостного румянца на белом лице — бледность и впалые щёки. Голова вся в крови, под глазами синяки. Как я только держался на ногах?

— Что у вас случилось? Где остальные?.. — с беспокойством в голосе спросила сестра.

— Убили их. И сожгли, — я был сух и краток. Японка отшатнулась, ища стул. Который ей услужливо подставила Ако. И пока Хана справлялась с чувствами, близняшка спросила:

— Кто это сделал? Вы знаете?

Голос её бы очень серьёзен и таил в себе смертельную опасность для виновника слёз госпожи.

— Знаем. Местный дворянский сынок, Егор Фролов. Можешь не дёргаться, мы его уже завалили, — с тяжёлым и протяжным выдохом я опустился на стул и наконец-то сумел хоть немного расслабиться. Смертное тело болело, меня мутило, голова немного кружилась. Чтобы не акцентировать внимание на саднящих ранах, я спросил у Фудзивары:

— Откуда ты узнала, что у нас пожар?

— Мы немного следили за вашим домом. И когда наблюдатели увидели пожар — позвонили мне, — наблюдатели, значит. Жаль, что не охранники. Может, это бы спасло жизни мои близким. Хотя против рыцаря Ада

шансов немного даже у сильных магов. У рядовых демонологов так и вообще никаких. Фамильяры наверняка откажутся нападать на своих старших представителей. Идти в бой с высокоранговым демоном можно только с очень сильным ангелом. Ещё мог бы победить рыцаря Ада чистый маг, но таких очень немного.

— Ясно. Значит с этим мы разобрались, — все немного успокоились и расселись по местам. Зря — именно сейчас самый подходящий момент, чтобы поговорить насчёт демонологии в доме:

— Итак, Хана. У тебя фамильяр-демон. И у всех в твоей компании тоже, я так понимаю.

Девушки напряглись. Вторая близняшка, Юко, возмутилась:

— Ты же не думаешь из-за того, что случилось, что все маги с демонами-фамильярами плохие?

— Не думаю. Вы хорошие, вы мне близки. Но демон — это гнида, которая вас предаст и не защитит от опасности тогда, когда это будет нужно больше всего, — Юко закатила глаза, её сестра неотрывно смотрела на меня, дожидаясь хоть какого-то подкрепления моих слов аргументами. Их опыт общения с демонами в основном положительный, так что я могу их понять. И чтобы убедить японок, мне нужно рассказать им всё. Хана озвучила мысли близняшек:

— Ваня, ты хочешь сказать, что мы должны отказаться от фамильяров, что служили нам верой и правдой, потому что тебе неприятно?

Как же моя сестра ошибалась. Мне не просто неприятно. Мне было до слёз больно видеть, как вы полагались на сволочь из Преисподней. Как защищали их.

— Не поэтому. Любой демон зло, и я это знаю, как никто другой.

— Думаешь, никто больше не терял род?..

— Не думаю, а знаю! — от моего рёва все попытки возразить тут же оборвались. Оскорблённые близняшки по привычке потянулись за своими мечами, с которыми никогда не расставались. И это от моего внимания не ускользнуло: — Мечи вам не помогут, если что. Потому что я — Тот-кто-помнит.

У всех девушек возник немой вопрос. Они хлопали глазами, явно не понимая значения этого термина. Все в комнате, кроме бати, который уже был в курсе моей истории.

— Тот самый, который помнит, что происходило в Аду. Или у вас в Японии об этой истории с сотней самоубившихся магов не слышали? — вот на этом моменте взгляды японок прояснились. Одна сестра смотрела на меня как на давно и крепко сошедшего с ума.

— Кими?! — Фудзивара и близняшки выпучили глаза. Значит, сильно много им рассказывать не придётся: — Не могу в это поверить. Серьёзно?..

— Куда серьёзнее. Если расскажу вам всё, вы вообще со стульев попадаете. Но сейчас мы о другом. Вы обязаны отказаться от своих фамильяров. Или ноги нашей в доме не будет, — японки всё ещё не хотели расставаться со своими магическими слугами, но перед лицом Того-кто-помнит любые их аргументы разлетались в прах, какими бы убедительными они ни были. Кто помнит — тот Ад по определению знает о демонах больше, чем любой из живущих на Земле.

— Может, мы попытаемся найти компромисс... — начала было Юко, но я не дал ей договорить.

— Никаких компромиссов перед лицом угрозы вторжения демонов на Землю. Либо вы их изгоняете сами, либо я однажды приду к вам сам и уничтожу демона. Не словом, так силой. Выбирайте.

Не слишком ли я сурово с ними? Нет — ни в коем случае. Это ещё мягкое и доброе отношение. После того, как дознаватель снял с моей памяти блок, я чувствую, как меняюсь с каждым часом. Даже ту бойню учинил всего лишь мягкотелый Ронин. Но теперь всё по другому.

Японки задумались. И это было плохо. Им вообще не следовало и секунды тратить на размышления, просто достаточно было бы слепо довериться мне. Хотя... не ослепила ли меня это неудержимая ненависть и непримиримость? У них ведь есть все основания взвешивать этот шаг. Без своих магических слуг девушки окажутся практически беззащитными. А это страшно.

— Я решила. Мы пока не откажемся от наших фамильяров, но переменим их сразу, как получится. Ты должен нас понять, Ваня, — посмотрела на меня серьёзным немигающим взглядом Хана. Я понял.

— Хорошо. Тогда мы отправляемся к Булычевым. Я не могу подвергать опасности своих родных. Ты тоже должна меня понять.

В разговор встрял отец, явно не понимающий, при чём тут вообще граф:

— Ваня, бл... кхм. Ты же не думаешь, что этот ху... уважаемый человек примет нас, как родных?

Эту часть я ему не рассказал. Опустил, как несущественную. И сейчас произнесу прилюдно.

— У него нет выбора. У меня помолвка с его дочерью.

Японки напряглись. Причем все три разом. Фудзивара, краснея и запинаясь, спросила:

— Эм... Онии-сан, а когда вы с ней?..

— Этой ночью. Был ещё вариант с Анастасией Николаевной, но не сложилось, — сестра выглядела так, словно её внезапно ударили ножом в спину. Удивлённой, непонимающей, и начинающей чувствовать боль внутри.

Похоже, я задел кое-чьи чувства. Но ничего не поделать. Жаль, что раньше я этого всего не замечал. Был наивным дурачком, что воспринимал нежность к себе за простую заботу. Но сейчас я ясно видел всё то, что у неё на душе. Ещё один подарок Тому-кто-помнит, идущий в комплекте с воспоминаниями об ужасах Преисподней. Взгляд, что способен смотреть прямо в самые глубины человека. В Аду она даровала нам возможность говорить без слов, видеть образы в головах друг-друга. Своеобразная замена интимным моментам. Не представляю даже, как родственные души находят друг друга без этой могучей силы.

Забавно, что эта способность прорезалась именно сейчас, в такой момент. Я ощутил эту горькую обиду и в Хане, и в Ако. Но не в Юко — она просто была шокирована моим признанием.

— Мы поехали. Пап, Лена, пойдёмте за мной.

Я долго ощущал обиженный взгляд на своей спине. Даже когда уселся обратно в «Коррадо». Зря я так прямо расстроил девушек. Мне оставалось надеяться на то, что эти разбитые чувства не принесут мне проблем в будущем. Придавив педаль газа, я выехал на улицы Смоленска. К дому Николая Александровича. Под надёжную защиту стен особняка Булычевых.

Князь демонов Астарот нервно барабанил пальцами по подлокотнику своего трона. Последняя из нетронутых крепостей шестого Круга Ада стала его прибежищем. Он никак не ожидал того, что души грешников будут настолько быстро продвигаться по вверенному ему слою Преисподней. Сколько не пытался Астарот сам строить оборону, темпы наступления нисколько не замедлились. Даже призванные с Девятого Круга демоны не спасали положение. Восставшие раздирали их на части, погибая тысячами. Людские души обезумели, опьянённые нескончаемыми победами, и накатывались на бастионы князя бесчисленными волнами. Пускай в эту минуту вражеские полчища были далеко, но спокойнее от этого вовсе не становилось. Там, где шли битвы, не затихая не на секунду, то и дело виднелись яркий вспышки. Оттуда доносились раскаты от страшных ударов, превращающих столь милые пейзажи Ада с его реками лавы и чадящими дымом вулканами в выжженное серое пепелище.

С тех пор, как грешные души набрались достаточно сил, чтобы начать массово использовать магию, положение демонических легионов ухудшилось во сто крат. Раньше это была игра в одни ворота, и огненные шары летели лишь по наступающим толпам восставших. Но теперь бастионы демонов, что становились очередной целью, превращались всего за несколько часов в ровную поверхность. Лишь кратеры и разбитые скалы выдавали в них бывшие крепости. Не спасали ни заговоры, ни магия. Люди удивительным образом приспособили то, чем их держали под контролем десятки тысячелетий, в мощное оружие. Всего-то за несколько тысяч лет. При этом использовали магию куда как более умело и оригинально, нежели владевшие ей всегда демоны.

Генерал Верен, всегда командовавший легионами на шестом Круге Ада, утратил доверие демонического князя и отправился на поля сражений, дабы искупить свои просчёты кровью. Как врагов, так и своей собственной. Астарот теперь полагался только сам на себя. И справлялся ничем не хуже опального генерала — всё так же проигрывал сражение за сражением, битву за битвой, без какой-либо надежды задержать души грешников.

Возрождённые в огне Бездны демоны не спешили возвращаться на передовую. Отведая уничтожительной силы самых сильных восставших, они отведали и искренний страх. Он отравлял ряды воюющих демонов, вносил разлад. Всё чаще демон сдавались, рассчитывая на то, что души грешников даруют им быструю смерть. Всем им было известно — шансов перейти на сторону врага нет, и пощады от него тоже ждать нельзя. Но сопротивлявшимся особо рьяно демонов души людей отправляли в пыточные. Те, кто бился до конца, страдали так, как никогда прежде. Но князь готовился встречать своих врагов лицом — он не мог уйти без боя. Владыка, огорчённый поражениями подданных, не ведал жалости. Не было выбора, раньше или позже — но Астарота всё равно ждала полная мучений участь. Хотя поначалу, когда пала только первая из Тюремных Башен, Люцифер миловал виновных. Давал им шанс искупить вину и одержать верх своими силами.

Астароту это казалось причиной всех поражений. Не допусти Владыка новых поражений, не дай он отбить восставшим грешникам и прочие Башни — и никакой Войны Воли бы не было. Поведи Люцифер свои легионы на верхний из Кругов сразу, в первые часы, он задавил бы восстание по щелчку пальцев. Но он этого не сделал. И обрёл демонов на поражение. Перекладывание вины за поражение на плечи старшего по рангу хоть немного облегчало груз ответственности, что лежал на плечах демонического князя.

Астарот понял, что боится. Ему страшно было не успеть воплотить свои планы по захвату одного из материальных миров. Ведь оплошай он и тут — его непременно прибьют к перевёрнутому кресту и установят по пути к ледяному дворцу Владыки. Великий князь демонов не хотел разделить участь предшественников. И оттого просиживал на троне днями, размышляя и командуя неорганизованными остатками своей армии.

— Мой лорд! — бесёнок, всегда бывший подле Астарота, подал голос: — К вам пожаловала одна суккуба. Утверждает, что у неё важные новости для вас!

Князь демонов нервно помассировал виски. Какие новости могла принести ему, повелителю шестого Круга Ада, жалкая обольстительница? Стоила ли она его времени? Астарот застыл. На него снизошло понимание — он должен уделять внимание каждой мелочи. От кого бы не пришла новость, какой бы она ни была — ценность её может быть невероятной. Способной переломить исход этой войны. Нельзя уподобляться Владыке, лениво восседающему на троне изо льда. Не одними сражениями выигрываются войны. Сколь проста была эта мысль — столь же и недоступна гордому демону. Очевидные вещи совершенно не казались такими, когда тысячами приходилось лишь попивать свежую кровь узниц Тюремных Башен. Нисколько не думая. С презрением смотря на низших демонов — словно они способны рассказать что-то умное.

Поднявшись со своего трона, Астарот поднял руку и повелел:

— Впустите её!

Паре рыцарей, что на всякий случай всегда стояли у дверей в тронный зал, пришлось с минуту растаскивать баррикады, прежде распахнуть многотонные каменные плиты. В зал вошла демоница, затравленно озираясь по сторонам. Князь уже видел такое — так вели себя те демоны, что побывали в сражениях не один раз. И неизменно

в ходе этих битв погибали. Но чтобы суккуба билась, а не пыталась переманить грешников на сторону повелителей Преисподней? Такое Астарот практически никогда не видел.

Неровное биение маленьких копыт по камню всё приближало демоницу к стоящему в ожидании Князю.

— У тебя есть для меня новости. Говори немедленно!

Времени лениво расслаиваться и ждать, пока соблазнительница соблюдёт все формальности, не было.

Напуганная суккуба прижала руки к своей обнажённой груди и, дрожа телом и голосом, исполнила приказ:

— Мой лорд!.. В том мире, куда меня призвали... в том самом мире... я встретила Его!

Демоница сорвалась на крик, полный отчаянного ужаса. Из слуг Астарота очень немногие достаивались чести в числе первых вторгнуться в мир, открытый с таким трудом. И почти сразу же планам князя стали мешать избранные Небесного Войска. Огромными усилиями демоны привнесли магию в мир — и ангелы слетелись на готовенькое, будто только того и ждали. Так что встреча суккубы с кем-то очень сильным не была удивительна. Наверняка к людям на помощь спустился архангел, начавший разить порождений Бездны своим огненным мечом.

— Вот как, — волнение Астарота улеглось, он вновь уселся на трон. Такое развитие событий вполне укладывалось в его планы: — Кого смогли призвать эти люди? Архангела? Или сразу серафима?

Суккуба помотала своей рогатой головой. Едва справляясь со страхом, душившим её, она выдавила из своей груди ответ:

— ... В... Восставшего...

Это имя пронзило разум демонического князя острой иглой. Он ожидал чего угодно. Ангелов любого чина, сошествия Небесного Войска на Землю — но только не того, что люди сумеют призвать архиврага всех демонов. Но вдруг демоница ошиблась? Вдруг хитрит, чтобы избежать наказания за свой провал?

— Ты в этом уверена?

Краснокожая соблазнительница уверенно кивнула. Астарот поманил её пальцем, и та медленно подошла к трону. Взяв суккубу за подбородок, Князь посмотрел ей в глаза. И перенёсся разумом в тот момент, когда большой мужчина со скрытым лицом и ярко-голубыми глазами свернул шею той, что решила ублажить его напоследок. Он увидел, как глаза этого парня, затуманенные чарами, прояснились и полыхнули огнём. Услышал ненавистный клич — «Волей победим».

Восставший всегда вёл души грешников в бой с этим кличем. Сделал эти слова приговором для каждого, кто хоть раз терзал грешные души. И если раньше Астарот боялся, то теперь его начала охватывать паника.

— Что-то нужно с этим делать, — он отпустил демоницу, что пережила заново один из самых страшных моментов своего существования: — Ты должна вернуться и помешать ему.

— Я не могу... Он убил моего призывателя, — суккуба чувствовала, что её за это ждёт расправа. Пыталась даже вернуться сама к какому-либо другому демонологу, но у неё ничего не выходило. Словно для неё та связь между Адом и Землёй была обрублена навсегда: — И материализоваться снова я тоже не могу.

Кулак с отросшими вмиг когтями обрушился на каменный подлокотник трона. Астарот стремительно менялся в облике, раздуваясь от гнева и обретая свою истинную форму. Трёхметровый, с красной кожей и огромными крыльями за спиной — он заставил дрожать от страха даже своих стражников.

— Хочешь сказать, он уже воюет против нас? В другом мире?! — Астарот скорее рычал, нежели говорил. Лицо его превратилось в клыкастую звериную морду, глаза — в два раскалённых угля.

— Люди сами на него напали! Они не знали, кто он. Только то, что он убил призванного демона, и всё!

Руки князя легли на его огромные, скрученные бараньи рога. Ему хотелось выть. Непроходимая людская глупость, стремление показать себя, утвердить свои жалкие позиции на всего-то несколько десятков лет — всё то, что обычно было на руку планам предводителей Ада, обернулось против демонов.

Решение пришло само. Было очевидным и простым. Не предполагающим каких-либо заумных планов. Если враг начал действовать с позиции силы — оставалось только ответить ему тем же.

— Созовите всех с Круга. Бросайте битвы, оставляйте крепости. Здесь мы уже проиграли.

— Мой лорд?.. — спросил бесёнок, подлетев к нему и усевшись на плечо.

— Передай всем — каждый демон Круга обязан явиться ко мне. Без промедлений.

— Слушаюсь, мой лорд! — крылатое создание исчезло в огненной вспышке, чтобы исполнить приказ.

Меньше часа ушло у него на то, чтобы оповестить всех демонов на слое Преисподней, и всего два прошло, когда последний из них занял своё место у подножия крепости. Демонический Князь придирчиво осматривал своё многотысячное войско, возвышаясь надо всеми. Стоя на вершине скалы, на самом краю утёса, он возвестил:

— Слуги мои! Настал час, которого мы все ждали! Час нашего величия! Я созвал вас, чтобы отослать в новый мир! Материальный! Мы станем авангардом легионов Владыки Люцифера! У нас нет права проиграть новую битву!

Сжатая в кулак рука поднялась вверх, к серным тучам. Разряд молнии с оглушительным грохотом и ослепительной вспышкой пронёсся по тёмному небу, стремясь сорваться и ударить рядом с крепостью Астарота. И

только ей удалось прочертить свой ветвистый узор в задымлённом воздухе Адского пекла, в там месте, куда ударил разряд, открылись врата. Бледно светящиеся, призрачные и красные, они манили в себя живым воздухом с Земли.

Толпа демонов, разношёрстная и страшная, одобрительно взревела. Пусть план вторжения на планету материального мира и считался секретным, но слухи о нём ходили едва ли не с самого появления. То ли болтливые бесы рассказали лишнего, то ли генералы Астарота не слишком старались сохранить тайну. И теперь, когда домыслы и рассказы оказались правдой — демоны ликовали.

Каждый из них, глядя на приходящие души грешников, впитывая их страдания с кусочками воспоминаний о мире, завидовал по-чёрному своим жертвам. Когда появилась возможность коснуться того сытого великолепия своими руками, испить свежей живой крови и насладиться настоящими смертями людей, обрекая их на вечные муки — злобной радости их не было предела.

— Вперёд! В бой!

С неподдельным энтузиазмом демоны отправились через врата, желая как можно скорее исполнить волю своего повелителя. Успех гарантировал им настолько сладкое существование, о каком они и мечтать не могли.

Сам же князь Ада смотрел на выступившую армию с лёгким внутренним беспокойством. Пусть и было в нём воодушевление, вызванное приятной картиной претворения его плана в жизнь. Счёт шёл на дни. Нужно успеть всё сделать прежде, чем в Раю успеют отреагировать на начавшуюся войну между измерениями. Завоевать Землю до того, как Небесное Войско решит вмешаться. Иначе война затянется, и шансов практически не останется. Один решительный удар. Один шанс завладеть целым миром. Призрачный, но он давал Астароту то, чего не знало прежде сердце могучего демона — надежду.

Сон никак мне не шёл. Я и на бок поворачивался, и на другой. Лежал на спине и на груди, сворачивался калачиком, раскидывался звездой — но никак не мог провалиться в мир грёз и отдохнуть от совершенно сумасшедшего дня, что перевернул всю мою жизнь с ног на голову.

Было в груди, под самым сердцем, странное ощущение. Будто от надвигающейся бури. Сайты погоды, впрочем, ничего подобного не предвещали. И я всё никак не мог понять, в чём дело. Смутное беспокойство, какого не было никогда. Предчувствие беды.

Наверное, спать днём — совершенно не для меня. Нужно дождаться хоть каких-то потёмков. Но это будет нескоро. Дни всё короче, и вот-вот на горло всем наступит душная жара, что так привычна для Смоленска, окружённого болотами. Я встал с кровати, что была только-только подготовлена для меня служанками дома Булычевых, и достал телефон. Хоть почитать, что пишут о последних днях, раз поспать не могу. Хм... может, дело в матрасе? Да, наверное, мягковат и потому непривычен для меня, привыкшего спать на чём-то более твёрдом.

Обновление страницы новостного сайта ничего не давало. И другой агрегатор новостей тоже выдавал ошибку при попытке на него зайти. Интернет пропал, что ли? Вроде бы нет...

В дверь постучали. Быстро и нетерпеливо. Ведь знают, что я могу спать крепким сном — но нет. Значит, что-то срочное, не терпящее отлагательств.

— Иду-иду, — открыв дверь, я увидел Екатерину Николаевну. На обычно довольном лице девушки поселилось тревожное выражение.

— Ваня, тебе лучше это самому увидеть! На улице происходит такое!..

Я отошёл обратно в комнату и распахнул толстенные шторы, через которые, тем не менее, проникали лучи света. И застыл, поражённый увиденным.

С неба к земле тянули свои щупальца огненные вихри. Что за... Неужели уже началось? Так скоро? Едва я только сумел вспомнить своё прошлое в Аду, как случилось то, чего я так опасался.

— Что это, Ваня? — девушка нервно вцепилась в мою руку. Всё её тело дрожало от страха. Она отлично понимала, что происходит. Ведь слышала то, что я рассказывал княжне и графам. Но без стороннего подтверждения отказывалась поверить своим глазам.

— Это вторжение, Екатерина Николаевна. Вторжение из Ада.

Короткие ногти девушки впились мне в предплечье. Больновато, но если ей от этого хоть на грамм легче — пускай. На то я и мужчина, чтобы поддерживать девушку в трудную минуту.

— Так скоро?

— Да. Удивлён, признаюсь. Николай Александрович в курсе? — если нет, то следует срочно его оповестить. Как-никак, мне придётся бок о бок с ним и его подчинёнными идти в первых рядах, чтобы противостоять армии демонов.

— Угу. Он уже пытается дозвониться своим друзьям из Совета, чтобы что-то предпринять, — посмотрела на меня Катя своими прекрасными зелёными глазами. В прежние времена люди друг друга убивали за право владеть подобной красотой. Мне же она досталась... не сказал бы, что за так. Пришлось изрядно настрадаться и помучиться.

Но сейчас это не важно. Идёт вторжение демонов, а я думаю о девушке подле меня. Спокойно размышляю, без какого-то намёка на панику. Надо признать одну страшную вещь. Старый Иван Ронин умер окончательно. Осталось только подготовленное им для меня тело. И я охотно занял его, без угрызений совести. Старая личность, слабая и страдающая от сомнений, растворилась в том, кто прошёл через жаркое пламя Преисподней. Том, кто пережил Ад.

Больше книг на сайте - Knigoed.net